

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ КБР
ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – Х. М. ТХАЗЕПЛОВ

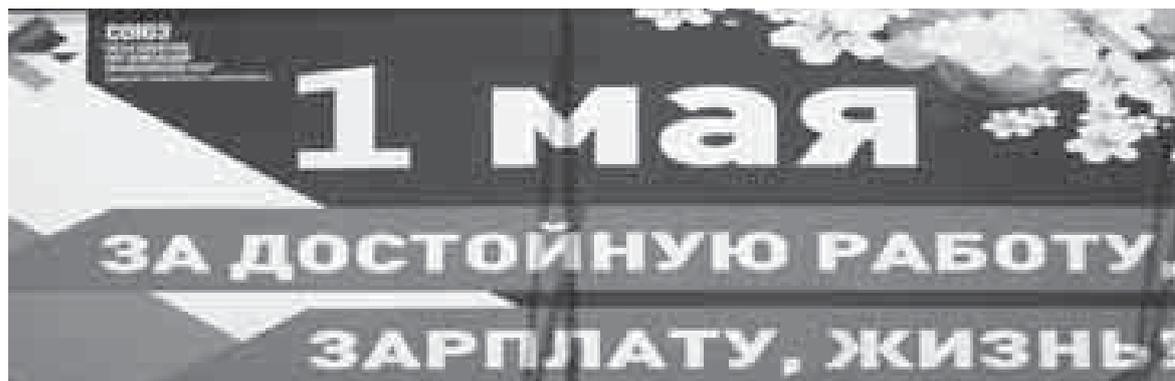
Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Тахир Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Касбулат Дзамихов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

3. 2017 МАЙ – ИЮНЬ

ПАМЯТЬ БЕССМЕРТНА

Никто не забыт, ничто не забыто

72-й год созидательной жизни

*Андрей ХАКУАШЕВ,
доктор филологических наук,
профессор КБГУ*

**ПАВЕЛ МАКСИМОВ
И КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ**
*(К истории русско-кабардино-балкарских
литературных взаимосвязей)*

Глубина и значимость каждой мысли, высказанной еще 200 лет тому назад А. С. Пушкиным, до сих пор поражает современных читателей, каждая из них и сегодня не потеряла своего значения. Таких «долгоживущих» выражений, ставших крылатыми и обретших бессмертие, у русского поэта множество, но мы хотели бы обратить внимание наших читателей на одно из них. Во вторую свою поездку на Кавказ в 1829 году он, случайно встретив в горах Армении повозку с телом А. Грибоедова, с сожалением подумал о том, что память об этом замечательном человеке может не сохраниться из-за того, что творческие силы национальной литературы слишком «ленивы и нелюбопытны». Худшие опасения гения русской поэзии в данном случае не оправдались по одной лишь причине – слишком уж велик был божественный дар поэта и столь же значителен его вклад в национальную словесность.

Лень, нелюбознательность, отсутствие пытливости – не «заразные болезни» и не национальные свойства русского народа в целом, Пушкин в свое время констатировал их наличие только лишь у ряда деятелей русской литературы. И сегодня ясно, что творческие силы других литератур лишены подобных отрицательных черт. Предположительно, в каждой литературе они более или менее проявляются в определенные исторические периоды, когда начинаются процессы активной реформации национальной культуры, проявляясь, таким образом, не как совокупность субъективных качеств некой группы личностей, а реализуясь в качестве системного, обусловленного временем тенденциального явления теоретической мысли. Именно этим объясняется тот факт, что больше полувека историки национальной литературы не замечали, не обращали почти никакого внимания на существование обширной адыгской просветительской литературы, созданной лучшими представителями народа на родном, русском, арабском и турецком языках. Большинство имен этих подвижников просвещения и литературы только в

наши дни стало достоянием национальных читателей, их произведения переизданы и переведены на родной язык, они вошли в школьные и вузовские программы, с ними, наконец-то, познакомилось подрастающее поколение читателей.

Подобное пренебрежительное отношение к культурному наследию родного народа у национальной литературы в довоенные, да и в послевоенные годы, объясняется тем, что представители народной интеллигенции долгое время находились под значительным воздействием пресловутых идей Пролеткульта и доктрин соцреализма. В период зарождения молодой кабардинской литературы один из пропагандистов этой идеологии писал, что молодым поэтам пора перестать ходить в дырявой поэтической рубаше Сосруко, что им надо создавать «свою форму сызнава своими собственными силами, вовсе не опираясь на прошлое...» (1). Теоретики Пролеткульта, отвергнув многовековые достижения как родного, так и других народов, предлагали создать в лабораториях ничем не запятнанную, чистую пролетарскую культуру, выковать «свою форму, свой стиль, свой мотив, свою тему и приемы среди рева машин и звонкого дыхания коллективного и созидательного труда» (2).

Такое отторжение новописьменных литератур от своих истоков, культурного наследия прошлого усугублялось еще и тем, что в те годы у партийных функционеров существовала жесткая установка: они в категорической форме запрещали заниматься исследованием творчества деятелей дореволюционного адыгского просветительства и еще жестче относились к литературе адыгской диаспоры. По их мнению, все зачинатели национального просвещения были представителями аристократии. Деструктивные идеи Пролеткульта нанесли невосполнимый урон советской культуре, особенно новописьменным литературам в период их зарождения. Пагубные последствия этой идеологии руководители партии осознали еще в 20–30 годы и резко осудили, но окончательно освободиться от нее многонациональная советская литература смогла только в послевоенные годы.

Каждая национальная литература, а в более широком смысле – культура, не зарождается на голом месте. Ее становление возможно только тогда, когда на каком-то историческом этапе складываются необходимые предпосылки для ее возникновения (письменность, распространение образования, появление читателей и т. д.), когда сам народ осознает необходимость ее создания. На ее формирование уходит много времени и в ее развитии принимает активное участие множество творческих людей. Определенно можно сказать, что любая национальная

литература является плодом коллективного творчества, хотя каждая из них имеет и своих прославленных основоположников и классиков. Однако во многих литературах наблюдается парадоксальная ситуация – исследователи большей частью занимаются творчеством избранных, пресса, радио, телевидение пропагандируют только их произведения, широкая масса читателей знает только лишь их имена. Более того, в современных исследованиях, посвященных истории национальных литератур, редко упоминаются имена второстепенных поэтов и прозаиков. Создается такое впечатление, что своим существованием национальная литература обязана только лишь избранным авторам.

В 60-е годы 20-го столетия, после некоторого ослабления политики партии, проводимой коммунистами в области идеологии, отдельные исследователи, не очень надеясь на поддержку со стороны власти имущих и с риском для себя, взялись за разработку проблем адыгского просветительства. За короткий период как историками, так и исследователями национальной литературы была проведена значительная работа. Благодаря усилиям этих энтузиастов сейчас в целом восстановлена интересная история дореволюционного адыгского просветительства. Чуть позже, уже в годы перестройки, национальные читатели познакомились и с литературой черкесской диаспоры.

Необходимо отметить и тот знаменательный факт, что в период становления и развития кабардинской литературы в ее формировании живое участие принимали не только национальные поэты и писатели, но и творческие силы других национальностей, особенно русские. Это явление объясняется тем фактом, что после победы революции в стране возникли новые взаимоотношения и взаимосвязи между народами России, более развитые народы стали бескорыстно оказывать всестороннюю помощь малым этносам. Такое внимание со стороны русского и других народов было ново, и оно выражалось не только в материальной поддержке, но и в непосредственном их участии в создании письменности, ликвидации неграмотности, организации издательского дела, средств массовой информации и культурных центров. Наряду с этим некоторые русские писатели в своих художественных произведениях отображали историческое прошлое горцев, их активное участие в строительстве новой жизни, те значительные изменения, которые произошли в первые годы советской власти в их сознании и быту.

В предреволюционные годы в Кабарде грамотных людей было два процента, а в Балкарии и того меньше. Поэтому новая власть

первоочередной задачей поставила ликвидацию безграмотности у народов Северного Кавказа. После открытия школ во всех аулах в них стали работать добровольцы и командированные из России учителя, которые, наряду с исламскими священнослужителями, стали первыми наставниками горской молодежи. В одном из своих стихотворений К. Ш. Кулиев воссоздал колоритный образ своего первого русского учителя Бориса Игнатьевича. Люди, подобные герою произведения балкарского поэта, свято верившие в чистоту идей нового строя, выполнили огромный объем «черновой» работы, были движущей силой процессов становления и формирования новой культуры национальных окраин огромной страны. Каждому из них можно было бы посвятить отдельный очерк или книгу, их имена должны знать не только специалисты, но и рядовые национальные читатели. Однако из исследователей двух национальных литератур разработкой этих проблем, кроме Бетала Курашинова, никто не занимался. Не конкретизируя вклада каждого из них в становление двух братских литератур и не приводя перечня их художественных произведений, созданных по национальной проблематике, мы здесь приведем имена наиболее известных деятелей русского народа и других национальностей, которые внесли наиболее значимый вклад в становление двух наших литератур и культур. По нашему мнению, необходимо упомянуть имена следующих деятелей: Е. Баранова, М. Ермоленко, А. Арского, Н. Яковлева, Г. Турчанинова, П. Максимова, Н. Столярова, А. Авраамова, М. Талпы, М. Киреева, Ю. Либединского, И. Василенко, Г. Николаевой, Т. Шейблера, В. Гоффеншефера, И. Андроникова, М. Диденко, В. Кузьмина, Б. Черемисина, Д. Шабаева, О. Опрышко, В. Грудзинского и др. Несомненно, к ним необходимо присоединить имена и таких блистательных переводчиков, как С. Липкин, Н. Гребнев, А. Ахматова, М. Петровых, Я. Козловский, Л. Звягинцева, В. Потапова, Л. Шерешевский, Д. Голубков, В. Лукашевич и другие, которые в основном познакомили русских читателей с произведениями кабардинских и балкарских поэтов и прозаиков.

Из вышеуказанных деятелей русской культуры нам хотелось поближе познакомить наших читателей с жизнью и творчеством одного из них – русского писателя Павла Максимова. Новые материалы, найденные нами в архиве Х. Теунова, дают возможность по-новому оценить его творчество, они убедительно подтверждают, что в 30-е годы он был тесно связан с Кабардой и Балкарией, глубоко изучил жизнь, быт, обычаи двух народов, в своих художественных произведениях правдиво отобразил те

коренные изменения, которые произошли в их жизни в после-революционные годы, принимал живое участие в становлении литературы двух народов.

Именно благодаря Максимову, М. Горький впервые ознакомился с адыгскими народными сказками. Великий русский писатель, глубокий знаток устного народного творчества и литературы народов мира, внимательно прочитал и высоко оценил их, сравнив черкесские сказки со сказочным эпосом других народов. Познакомившись лишь только с одним маленьким сборником, Горький верно определил основную черту народных сказок и так емко выразил свою мысль, что исследователи адыгского фольклора до сих пор цитируют эти слова. Отмечая основное достоинство адыгских сказок, в одном из своих писем П. Максимову он писал: «Ценность адыгейских сказок увеличивается еще и тем, что в них зло везде побеждено. Это – хорошее свидетельство о здоровье народа» (3).

Творческая деятельность П. Максимова продолжалась до 70-х годов 20 столетия, вплоть до самой смерти. Он много лет сотрудничал с ростовскими и центральными газетами и журналами, после Отечественной войны подготовил и издал свою известную книгу «О Горьком. Письма А. М. Горького и встречи с ним» (1946). Позже, накануне празднования 400-летия присоединения Кабарды к России, он обратился к директору кабардинского книжного издательства с просьбой переиздать его художественные произведения, посвященные Кабарде и Балкарии отдельной книгой. Работники издательства не смогли удовлетворить его просьбу по той причине, что он ее не прислал в отпечатанном виде. С тех пор связи П. Максимова с республикой прервались, ни пресса, ни историки двух литератур не интересовались его судьбой, местные СМИ не отреагировали ни на его смерть, ни на празднование его столетия. Лишь в наши дни, накануне 120-летнего юбилея писателя, республиканские журналисты вспомнили, что он был когда-то сотрудником «Кабардино-Балкарской правды», и написали о нем добротную статью. В пределах нашей республики найти какие-то материалы о Максимове и его очерках не так-то легко, тем не менее, авторы статьи «Что видел, было изумительно и необыкновенно» (КБП, 2011, 8 сентября) Валентина Белухина и Римма Кроник собрали интересный материал и сумели показать многостороннюю связь русского писателя с нашей республикой. Авторы газетной статьи не ставили себе такой задачи – она была только лишь откликом на юбилей человека, очень много сделавшего для становления кабардинской и балкарской литератур и в своих произведениях

глубоко отразившего небывалые успехи Кабардино-Балкарии в строительстве новой жизни.

Павел Хрисанфович Максимов родился в Ростове-на-Дону в 1892 году. После окончания училища, под влиянием своего любимого писателя М. Горького, он начал «хождение в народ». В достаточной степени изучив жизнь различных слоёв русского общества, он пробует писать и сотрудничает с газетами и журналами, издававшимися в Ростове. После революции становится известным журналистом, свои статьи и корреспонденции печатает на страницах газет «Советский Юг» и «Молот». В 1925 году он несколько месяцев замещал А. Фадеева, который в то время работал зав. литературным отделом газеты «Советский Юг».

К началу 30-х годов, оставив престижную работу и привычную обстановку, П. Максимов переезжает на жительство в Кабардино-Балкарскую область, в с. Баксан. Вероятней всего, это было связано с тем, что его супругу, врача по специальности, по распределению направили в эту область. В своем письме к директору кабардинского книжного издательства он подтверждает этот факт, хотя не указывает ни даты, ни времени пребывания там: «Когда-то я жил в Кабарде, в с. Баксан (где моя жена была зав. райбольницей и райздравом)» (4). Прирожденный журналист, он, естественно, не сидел без дела. Проживая в «Русском Баксане», он знакомился с незнакомым краем, его людьми, их жизнью, жителями аула. Максимов записывает все интересное, что слышал и видел, накапливая материал. В эти дни он должен был бы познакомиться с известным уже тогда поэтом, жителем этого села Али Шогенцуковым, но их встреча тогда почему-то не состоялась. Намного позже в письме, адресованном корреспонденту газеты «Кабардино-Балкарская правда» Е. Белгороковой, он признавался, что «до этого я иногда видел его, но не был знаком с ним» (5). Семья Максимовых с первых же дней начала дружить с учителями баксанских школ, этому способствовало и то, что все они жили в одном дворе. Они с теплотой вспоминали своих баксанских друзей, по-видимому, переписывались и позже, после переезда в Нальчик. Во всяком случае, по свидетельству Е. Белгороковой, уже в 70-е годы он хорошо помнил многочисленные адреса своих бывших коллег. В числе наиболее близких друзей он называет учителя Ильина и его супругу Татьяну Михайловну Рыкову. Чуть раньше в Баксане учителем работал и Иван Григорьевич Графов, с которым А. Шогенцуков изучал эсперанто. В первый приезд в столицу республики он познакомился с работниками газеты «Карахалк» и

ее главным редактором Г. Петровым, творческое сотрудничество с которым продолжилось и в послевоенные годы – в 1958 году Г. Петров написал рецензию на статью П. Максимова «Воспоминания об Александре Фадееве», опубликованной в пятом номере журнала «Дон».

Сейчас невозможно точно установить причину недолгого пребывания семьи Максимовых в Кабардино-Балкарии. Быть может, П. Максимова было нелегко жить в заурядном горском селении, где в ту пору не было никаких культурных учреждений и, соответственно, возможностей самореализации. Как бы то ни было, он добился перевода супруги в Ростов, где его ждали верные друзья и любимая работа.

Устроившись в газету «Молот», писатель намеревался заняться обработкой собранного материала, но редакция срочно командировала его в Кабардино-Балкарскую область, откуда он совсем недавно вернулся. Эта поспешность объяснялась тем, что в самом начале 30-х годов она достигла невиданных успехов в хозяйственном и культурном строительстве, центральная печать на всю страну пропагандировала ее опыт, и в таких условиях, естественно, краевая газета не смогла стоять в стороне.

В свой второй приезд П. Максимов, являясь уже собственным корреспондентом «Молота», имел больше возможности глубже ознакомиться с историей, жизнью, бытом и нравами двух народов, следить за массовым трудовым подвигом горцев. Тщательно изучив положение дел области, он, как и многие другие, обратил внимание на то, что национальная литература двух народов значительно отстает в развитии на фоне их хозяйственных успехов. И главной причиной ее отставания, по его мнению, является разобщенность творческих сил области, отсутствие руководящего органа, который координировал бы их работу. Правда, как отмечает писатель в одной из своих статей, в самом начале 30-х годов в области была предпринята попытка создания такой организации – Ассоциации пролетарских писателей: «Примерно в начале 1930–31 годах, по инициативе нескольких товарищей, русских и националов, в Нальчике организовалась АПП, но ничего реального из этого не вышло: поддержки со стороны СКАПП (Северо-Кавказская ассоциация пролетарских писателей. – А. Х.) оказано не было, работа на месте не велась, и областная писательская организация существовала только на бумаге. С ликвидацией РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей. – А. Х.) и созданием Оргкомитета в Москве и крае, в Нальчике также был создан областной Оргкомитет союза советских писателей, но реально дело не сдвинулось с мертвой

точки: на бумаге Оргкомитет числился, но писатели даже не собирались. Каждый писал себе втихомолку, скребясь, как мышь в своей норке, и не вынося своей продукции за пределы собственной квартиры» (6).

Творческих работников в Кабарде и Балкарии было немало, по подсчетам П. Максимова, их численность тогда приближалась к сотне и, в основном, они сгруппировались вокруг двух культурных очагов области – «Ленингородка» и национальной газеты «Ленин гъуэгу».

Необходимо отметить, что еще раньше Максимова острую актуальность вопроса об организации органа, который объединил бы всех пишущих, осознали представители местной творческой интеллигенции. Еще в 1931 году студент рабфака редакционно-издательского института им. М. Горького Хачим Теунов направил несколько писем в Совнархоз области, СКАПП, «Литературную газету», журнал «Революция и горец» с просьбой выслать ему «...советы и необходимые материалы: устав литературной ассоциации, принципы (ее) организационного строения и книжки о задачах пролетарской литературы» (7). Не восприняв всерьез странное письмо молодого курсанта, никто из адресатов даже не удосужился ответить на него. Лишь только редакция журнала «Революция и горец», осознав значимость поднятых в письме проблем, существенно переработала его и опубликовала в том же году.

Тогда же, в конце 1931 года спонтанно собравшиеся писатели Кабарды и Балкарии создали ассоциацию писателей. Как отмечал один из организаторов этого учредительного собрания, у них «...сильна была тенденция к объединению, сильно творческое и политическое пробуждение, и теперь оно вылилось в организационную форму» (8).

Через год в область приехала группа писателей-правдистов, которую возглавлял М. Кольцов. Всесторонне ознакомившись с состоянием дел литературы двух народов, они пришли к неутешительному выводу. Не скрывая ничего, они открыто заявили руководителям области: «...В то время, как во всех областях хозяйственного и политического строительства Кабарда имеет великие достижения, выдвинувшие ее в число самых передовых районов Союза, на литературном фронте у вас зияющий прорыв...» (9).

В апреле 1932 года вышло известное постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Областная партийная организация согласилась с жесткими выводами группы правдистов. Но она почти целый год

никак не реагировала ни на постановление ЦК, ни на серьезные замечания московских писателей.

Еще через год в Нальчик приехала бригада писателей Северо-Кавказского Оргкомитета, куда вошли Г. Кац, П. Кофанов и П. Максимов. Как и московская группа, они также отметили значительные недостатки в становлении кабардинской и балкарской литератур, настояли на организации широкого обсуждения актуальных проблем национальных литератур с привлечением значительного количества творческих работников и общественных организаций. По их просьбе в обкоме партии было проведено совещание, на котором с основным докладом выступил зав. отделом обкома партии Звонцов, его содокладчиком был П. Максимов. Через месяц на очередном заседании обкома было принято постановление об организации Оргкомитета писателей области. Признавая свои ошибки, областной обком партии отмечал: «...Лозунг развития культуры национальной по форме и социалистической по содержанию на литературном участке в Кабардино-Балкарской автономной области все еще не осуществляется в достаточной степени.

Кабардино-Балкарский областной комитет партии ВКП(б) считает, что литературная организация области должна максимально усилить свою работу с тем, чтобы к годовщине постановления ЦК ВКП(б) 23 апреля 1933 года выйти значительно укрепленной, связанной всеми звеньями своей заботы с рабочими и колхозными массами области, с начинающими писателями из самых отдаленных селений и аулов. Оргкомитет Союза писателей должен развернуть большую творческую работу по созданию художественных произведений, отображающих социалистическое строительство и героическую борьбу трудящихся Кабардино-Балкарии против угнетателей.

Общественные организации области обязаны прийти на помощь Оргкомитету по укреплению его издательской базы, по выделению материальных средств, по организации творческих командировок писателей на строительства и в колхозы области.

Партийные, комсомольские, советские, профессиональные организации должны учитывать, что творческая работа писателя, переводчика является большим общественным делом» (10).

По предложению участников этого заседания был организован Оргкомитет Союза писателей, в состав которого вошли 11 человек. Как справедливо отметил П. Максимов, это постановление обкома явилось «в полном смысле историческим для областной писательской организации, обеспечивающим коренной, решительный перелом в ее работе» (11).

Как члены Оргкомитета, так и руководители партийных и общественных структур, вошедших в специально созданную комиссию по оказанию содействия писательской организации, сразу же приступили к реализации заранее намеченных мероприятий. За короткий период расширили издательскую базу (раньше школьные учебники и книги на родном языке печатались в Москве и Ростове), подготовили к изданию литературно-художественный альманах на кабардинском и балкарском языках и поэтические сборники отдельных поэтов, местные газеты стали чаще организовывать «Литературные страницы», приступили к более интенсивному переводу произведений русских и зарубежных классиков на родной язык, начали практиковать оплачиваемые творческие отпуска и устанавливать связи с творческой молодежью, значительно улучшили материально-бытовые условия наиболее ярко проявивших себя поэтов и писателей.

В эти годы П. Максимов не только оказывал содействие в консолидации творческих работников области, но еще глубже знакомился с навсегда полюбившимся краем. Он посещал новостройки, только что организованные колхозы и совхозы, затерянные в горах балкарские села, его особенно поразил созданный в 20-е годы Ленинский учебный городок. Писатель признавался в одном из своих очерков в том, что увиденное «...было настолько изумительно и необыкновенно, что не написать об этом было бы преступлением». Вспоминая эти годы, в письме к редактору книжного издательства он так охарактеризовал свою творческую деятельность: «...Много ходил и ездил по Кабарде и Балкарии и написал о них много очерков, в том числе богатые по фактическому содержанию воспоминания активнейших участников гражданской войны на Кавказе – кабардинца Хашпаго Шогенова из Кызбруна 2-го (в 30-х годах он был там председателем колхоза, сейчас (является) председателем ревкомиссии в том же колхозе) и балкарцев: знаменитого балкарского партизана, грозы таубиев – Темирбаша из поселка Мухол и старика Настуева – отца известных Ахмата и Хусея Настуевых, из поселка Зилги, того же Балкарского ущелья. Я был у них, записал их интереснейшие рассказы с их живых слов самым точным и подробнейшим образом. Они были живыми участниками великих исторических революционных событий в Кабарде и Балкарии» (12).

Но еще больше русского писателя поразил небывалый энтузиазм горцев в строительстве новой жизни, те невиданные успехи, которых они достигли за короткий период времени. Вспоминация эти героические дни, он продолжает в своем письме: «В других своих очерках я рассказывал о борьбе за колхозный

строй в Кабарде, о кузнице молодых кабардинских кадров – знаменитом Ленинском учебном городке, о культпоходе в Кабарде и Балкарии, о том, как в недавнем прошлом отсталая Кабардино-Балкария стала первой в Северо-Кавказском крае областью сплошной грамотности и сплошной коллективизации, и о других сторонах жизни и быта Кабардино-Балкарии – эти очерки дают довольно полную картину жизни Кабардино-Балкарии того периода. Все это печаталось в разных журналах – ростовских и центральных – и (выходило) отдельными книжками, – могу сказать, что я активнейшим образом популяризовал достижения Кабардино-Балкарии на весь Советский Союз» (13).

В предвоенные и послевоенные годы очерки П. Максимова получили высокую оценку, отмечалось, что они продолжают лучшие традиции русской документалистики. Литературовед М. Касторский в 1956 году в одной из своих статей, отмечая характерные особенности документальной прозы П. Максимова, писал: «Также был воспитан М. Горьким известный советский очеркист П. Х. Максимов, активнейший сотрудник «Наших достижений». Учеником Горького Максимов стал еще в начале 1910-х годов. Очерки его уже в 1929 году выгодно отличались от большинства других в горьковском журнале. Максимов удачно сочетал в очерках «исследования» с художественной образностью, и в этом методе писателя было что-то от очерков Гл. Успенского, традиции которого так явно ощущались в очерках Горького девяностых годов. П. Максимов умел внести в очерк острую фабулу, придать сюжету драматизм, динамичность. Таков его очерк «Электростанция в ущелье» (1929, № 6)» (14).

По подсчетам самого писателя, к середине 30-х годов прошлого века он написал более сорока художественных очерков, рассказов и повестей. Они были напечатаны на страницах журналов «Наши достижения», «Октябрь», «Стройка», «На подъеме», «Революция и горец», «Советский Северный Кавказ», «За социалистическую культуру», «Путь Ильича», «Костер». Большей частью они вошли в отдельно изданную книгу «Кавказ без романтики» (Ростов-на-Д., 1931), чуть позже под тем же названием она вышла и в Москве. Отдельной книгой появилась повесть «Князь и батрак» (Ростов-на-Д., 1931). Отдельной книжкой в Нальчике вышел очерк «Народный герой Кабарды и Балкарии Бетал Калмыков», переведенный на кабардинский язык Т. М. Борукаевым (Каббалкиздат, 1931). Своими успехами в строительстве колхозной жизни в те годы на всю страну прогремело одно из кабардинских селений – колхоз имени Сталина. Самоотверженным его труженикам и его истории писатель по-

---

святил книгу «Аул Псыгансу», которая увидела свет в 1934 году в Азово-Черноморском издательстве.

Один из переломных моментов в жизни двух народов Северного Кавказа – кабардинцев и балкарцев – их трудный переход от феодализма к социализму русский писатель в своих произведениях описал глубоко, правдиво и художественно убедительно. Хотя национальные историки и литературоведы до сих пор не обратили на них внимания, они и сегодня не потеряли своего значения и послужили бы хорошим подспорьем для воссоздания истории строительства новой жизни в нашей республике. Жизнь обычного очерка, как и газетной статьи, недолговечна, но документальная проза русского писателя, в которой множество открытий, достоверных и интересных фактов, и сегодня читается с увлечением.

Во второй свой приезд, завершив служебные дела, П. Максимов поехал в Баксан, чтобы провести старых друзей. Оказывается, в этот же день и состоялось его знакомство с Али Шогенцуковым. В письме к Е. Белгороковой он описывает эту встречу: «Из Нальчика я поехал в Баксан, где перед этим работала врачом моя жена и где я часто бывал и от знакомых учителей, работавших в Баксанской русской школе, знал, что учитель Али Шогенцуков, работавший, не помню в какой школе – русской и кабардинской (в примыкавшем к с. Баксану кабардинском селе «Старая Крепость»), пишет стихи ... Приехав в Баксан и увидев его на улице, у здания райисполкома, я подошел к нему, сообщил об организации Оргкомитета писателей Кабардино-Балкарии и принятом решении об издании сборников кабардинских и балкарских стихов и рекомендовал ему послать свои стихи для кабардинского сборника...» (15)

В этом письме он отмечает, что кабардинский сборник назывался «Первый шаг», вышел он 29 апреля 1933 года, в него вошли 12 стихотворений Али Шогенцукова. Он даже помнил фамилии редактора и техреда. Но для нас важно то, что русский писатель оставил нам свои личные впечатления о нем, каким он запомнился в день их первой встречи. Вот как он описывает кабардинского поэта: «Смутно помню, что на вид Али Шогенцуков был примерно лет 25–30-ти, одет в обычный городской костюм, держался тихо и скромно» (16).

Подвергнуть обстоятельному анализу все произведения писателя, посвященные Кабарде и Балкарии, нет возможности и необходимости. наших читателей сегодня наиболее интересует, наверное, его своеобразный очерк «Поэты Кабарды», опубликованный на страницах журнала «На подъеме» в 1933 году.

Он был написан до созыва первого съезда писателей области, состоявшегося в Нальчике в 1934 году. В нем представлены, за редкими исключениями, все известные в ту пору кабардинские поэты и писатели как старшего поколения, так и творческая молодежь, которая, получив светское образование, начала делать первые шаги в национальной литературе. По твердому убеждению русского писателя, «...литературно-художественные силы в Кабарде есть. Писать – тоже есть о чем: как известно, гражданская война протекала в Кабарде... с большим ожесточением... огромные успехи Кабарды во всех областях хозяйственно-политического строительства... известны всему Союзу.

Все эти огромные изменения нашли и находят свое отражение в произведениях лучших кабардинских поэтов, но реального выражения творчества кабардинских писателей в виде книг – нет» (17).

Для Максимова определить роль и место того или иного поэта в национальной литературе было нелегко – сказывалось незнание кабардинского языка. Можно предположить, что у него были хорошие советчики и переводчики, которые в достаточной степени знали родную литературу, хотя никого из них он конкретно не упоминает в своем очерке. Среди поэтов старшего поколения он первым называет имя основоположника национальной литературы Бекмурзы Пачева, человека удивительной судьбы.

П. Максимов впервые познакомил русского читателя с этим «чудесным самородком», с его некоторыми произведениями. В своем очерке он приводит, хотя с некоторыми ошибками, его биографические данные, рассказывает о том, как горец самостоятельно изобрел свой алфавит, с его помощью стал записывать свои произведения, обучил своих друзей. Благодаря русскому писателю до нас дошло в переводе на русский язык экспромтом произнесенное кабардинским поэтом приветственное слово на первом съезде стариков-колхозников, состоявшемся в Нальчике в апреле 1933 года. В очерке он приводит и отрывок из его автобиографической поэмы «Как Бекмурза собирался жениться», подробно пересказывает содержание его стихотворения «Курица», впервые опубликованное Х. Теуновым на страницах газеты «Ленин гъуэгу».

До нас не дошло одно из примечательных произведений Б. Пачева – историческая поэма о Шамиле. В данном очерке впервые упоминается ее название, более того, приводится мнение компетентного человека, познакомившегося с ней в те годы. Видный республиканский работник тех лет А. Вода-

хов, который закончил КТВ, а позже был репрессирован, так отозвался об этом произведении: «Это целая эпопея из эпохи борьбы горцев с царизмом. Конечно, старик Пачев многое не понял так, как нужно, но я утверждаю, что отдельные куски поэмы совершенно исключительны по яркости картин и художественным достоинствам. Я знаком с лучшими образцами мировой и русской художественной литературы. Не знаю, может быть, это будет смело, но когда я читал поэму Пачева, временами мне казалось, что она не уступает лучшим известным образцам. Но боюсь, что перевести ее на русский язык будет очень трудно: пропадут вся меткость, остроумие, тонкость, все своеобразие кабардинского подлинника. (...) А издать произведения Пачева на родном языке давно следовало бы, конечно, отобрав лучшее из всего написанного им, хорошо отредактировав. К сожалению, мы еще ничего не сделали в этом направлении – охотно признаю» (18). Свое обещание А. Водахов не смог выполнить из-за политических преследований, но когда П. Максимов и другие русские писатели обратили внимание на творчество нартановского Гомера, определили место и значимость его поэзии в национальной литературе, местная печать стала периодически публиковать его произведения. Чуть позже научно-исследовательский институт организовал группу в составе Али Шогенцукова и Алима Кешокова, которая должна была подготовить его поэтический сборник на родном языке, а подготовку подстрочников на русском языке поручили адыгейскому писателю Т. Керашеву. К двадцатилетнему юбилею республики сборник на родном языке должен был выйти в свет в Нальчике, а на русском в Москве. Из-за начавшейся Отечественной войны эти планы остались невыполненными. Правда, в годы войны под редакцией А. Дадова в Нальчике вышла первая книга Б. Пачева на кабардинском языке.

Кроме Б. Пачева, из представителей старшего поколения П. Максимов в своем очерке называет имя неизвестного современным исследователям народного певца Махотлова из Урванского района, который написал поэму о белом движении Серебрякова в Кабарде. К этому поколению очеркист относит П. Шекихачева, Т. Борукаева и П. Кешокова, многие произведения которых стали широко известны национальным читателям.

П. Максимов основательно познакомился с творчеством молодых кабардинских поэтов, в своем очерке он приводит названия некоторых произведений, которые не сохранились, не

дошли до нас. Однако конкретно о каждом из них он практически ничего не написал, ограничившись перечислением имен авторов, мест их работы или учебы, а также упоминаниями некоторых других их произведений. Тем не менее, следует обратить внимание на то, что в те дни он точно определил, что среди молодых поэтов своим талантом выделялся Али Шогенцуков. Связывая развитие национальной литературы с творчеством молодых, в своем очерке он приводит следующие имена: «Лучшим из молодых кабардинских поэтов является Шогенцуков Али, учитель, работник Баксанского района (кстати сказать, необычайно перегружен своей основной работой); Афаунов (он же редактор кабардинской газеты); Шаков Таусултан (стихи, поэма о Баксанстрое, очерки); Налоев (аспирант Горского научно-исследовательского института в Ростове)»; Пшеноков Абдул (аспирант научно-исследовательского института языкознания в Москве) – стихи, поэма о Баксанстрое, пьеса «Вперед», перевод пьесы Шарванадзе «Честь», ряд критических статей); Шеретлоков Таусултан (ряд пьес, оригинальных и переводных инсценировок, сценариев)» (19).

В очерке несколько раз упоминается фамилия Теунова, студента московского рабфака. По утверждению Максимова, молодой писатель пишет фельетоны, очерки и стихи. Он работал с Б. Пачевым и на страницах газеты «Ленин гъуэгу» впервые напечатал несколько стихотворений поэта.

Северо-Кавказский краевой Оргкомитет и один из его представителей П. Максимов много сделали для организации Кабардино-Балкарского областного оргкомитета писателей, с их помощью и поддержкой решались многие организационные и технические вопросы. Первая областная конференция писателей Кабардино-Балкарии состоялась в августе 1934 года в Нальчике, но она прошла камерно, не были приглашены ни московские писатели, ни представители краевого оргкомитета, которому областной подчинялся хотя бы номинально. Организация союза писателей сыграла значительную роль в становлении и ускоренном развитии двух национальных литератур. Он способствовал консолидации творческих сил двух народов, повышению теоретического уровня и художественного мастерства авторов; с середины 30-х годов заметно увеличилось количество издаваемых на родных языках книг, национальные литературы за короткий период освоили основные жанры словесности, значительные успехи в области образования способствовали тому, что образовалась любознательная и требовательная читательская масса. Эти невиданные достижения были бы еще более успешными,

если бы не тотальные репрессии, развернутые в те страшные годы в Кабардино-Балкарии.

В середине 30-х годов творческая связь П. Максимова с республикой необъяснимо быстро прервалась. Из-за отсутствия достоверных материалов сейчас нет возможности выяснить причину этого, однако никаких сведений о том, что в предвоенные годы он приезжал в республику, нет. Что касается периодической печати, то за этот период республиканские газеты не напечатали или не перепечатали ни одного из его очерков.

Но с началом Великой Отечественной войны семья Максимовых вновь оказалась в республике. При подходе немецко-фашистских захватчиков к Ростову он вместе с женой и дочерью эвакуировался в Кабардино-Балкарию, надеясь, что немецкие оккупанты не дойдут до этих мест. Однако надежды его не оправдались, реальность была более суровой. Как он затем вспоминал: «Небольшой городок (Нальчик. – А. Х.) был переполнен тысячами эвакуированных из разных городов страны, и, конечно, в этих обстоятельствах найти в нем работу и угол для жилья было очень трудно. К тому же мне было как-то неловко ходить по учреждениям и о чем-либо просить для себя – я стеснялся и не умел этого делать, оказался неприспособленным к суровой жизни военного времени, и мне жилось в те дни как никогда мучительно и тяжело» (19). Эти трудности усугублялись еще и тем, что советские партийные работники и писатели, с которыми он был знаком и на помощь которых в какой-то мере рассчитывал, большей частью были подвергнуты репрессиям. Попав в безысходное положение, да еще и с семьей, он вынужден был обратиться к бывшему своему редактору, а ныне председателю правления Союза писателей СССР А. Фадееву с просьбой о помощи. Писатель сразу же получил от своего друга телеграмму с моральной поддержкой, он же поручил Литфонду оказать ему материальную помощь, порекомендовал ему свои очерки присылать в центральные журналы и, по всей вероятности, устроил Максимова на работу в редакцию «Социалистической Кабардино-Балкарии».

Попав в привычную для себя обстановку, он сразу же влился в коллектив газеты. Он ежедневно посещал колхозы и совхозы, знакомился с передовиками народного хозяйства, изучал и пропагандировал их опыт, радовался тому, что в эти тяжелейшие военные годы простые горцы не растеряли свои лучшие человеческие качества, каждый из них трудился самоотверженно, помогая воинам Отчизны, защищающим честь и свободу родины. За период работы в газете он написал множество очерков и

хотел их включить в коллективный сборник, подготовленный работниками республиканской газеты. В своем письме, адресованном директору книжного издательства уже после войны, П. Максимов, перечисляя тексты, которые должны были войти в этот сборник, и поясняя причину, из-за которой не осуществилось это издание, писал так: «В 1941–1942 гг., когда я жил в Нальчике, в эвакуации, мною, совместно с А. С. Кабановым (ныне – редактор «Кабардинской правды») и московской журналисткой Л. И. Бакашевой, был подготовлен сборник наших новых полугазетных очерков «Бойцы трудового фронта» (о самоотверженной работе в тылу, о помощи Кабардино-Балкарии – фронту), был подписан договор с Кабардино-Балкарским издательством об издании этих очерков книжкой, но немцы уже подходили к Нальчику и издание книжки не состоялось. Из моих очерков, подготовленных для этой книжки, у меня сохранились (рукописи): «Дела и люди Баксанской МТС», «Говорит наука» (Кабардино-Балкарская гос. селекционная станция в Нальчике), «Мастер парникового хозяйства Амшочков Цац» (Вольный аул), «Старик-огородник Локяев Локман (с. Гунделен)... «Пшеница, огороды и сады под Эльбрусом», «Передовики горного земледелия», «На Куре».

Чабаны: 1. «Секреты старого чабана Асанова Османа (с. Мухол, Балкария); 2. «Опыт чабана Апшаева Ибрагима» (из колхоза «Коммунар» в с. Белая Речка, Хуламо-Безенкульского (в тексте так. – А. Х.) района.

Табунщики: 1. Сардиянов Татар (с. Верхняя Балкария); 2. Асанов Магомедмурза – зав. конефермой колхоза «Индустриализация» с. Кызбурун 1.

Женщины – звеньевые: (колхоз «Интернационал», с. Малгобек, Курского района).

Свинары и свинарки: (колхоз «Красная нива» Майского района).

Доярки: (колхоз «Советский» Баксанского района, «Вторая пятилетка» Прохладненского района и им. Андреева, с. Гунделен).

Виноградари: 2. «Агроном Чапук» (колхоз «Красная Звезда», с. Баксаненок Баксанского района» (20).

В списке очерков, прилагаемом к данному письму, писатель упоминает еще два произведения, написанных им в тот период. На страницах «Социалистической Кабардино-Балкарии» (№№ 21 и 25, 1942) он напечатал очерк «Душа народа», о сборе теплых вещей в с. Кызбурун для бойцов Красной Армии, и в феврале 1942 года очерк «Новое побеждает» – о горном земледелии в

Балкарии. Как свидетельствует сам писатель, эти очерки были тепло встречены читателями и после их публикации редакция получила множество лестных отзывов на них.

Несмотря на невероятные житейские трудности, писатель трудился без устали, кроме основной работы он добровольно возглавил литературный кружок при газете. Даже в эти неподходящие дни он по вечерам занимался с молодыми писателями, работал над повышением их теоретического уровня и художественного мастерства, готовил их произведения к печати. С особой теплотой он вспоминает поэта-фронтовика Меликьянца, стихи которого он собирался включить в планируемый сборник. Вспоминая эти грозные дни, вот что писал П. Максимов в своем письме Х. Теунову: «В 1941, 1942 годах, когда я будучи в эвакуации работал в Нальчике, в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария», я был руководителем литгруппы при этой газете, и часто получал хорошие стихи т. Меликьянца, нальчинца (так написано в письме. – А. Х.), но находившегося на излечении в госпитале где-то на Урале; я подготовил к печати большой сборник прозы и стихов молодых писателей Кабарды и Балкарии, туда вошли и стихи т. Меликьянца. К несчастью, немцы уже подходили к Нальчику, редакция эвакуировалась, и подготовленный сборник, мне, по предложению редактора И. Н. Давыдова, пришлось уничтожить, чтобы он не попал в руки немцев» (21). Стихи молодого поэта так ему понравились, что он и в послевоенные годы интересовался его судьбой, и, узнав о трагической гибели Меликьянца, ходатайствовал перед Союзом писателей республики о сохранении наследия молодого автора: «А после войны, в книге т. Кабанова, я прочел, что т. Меликьянец, поэт-воин, героически погиб, защищая Нальчик, в партизанском отряде т. Царяпина. Не собирается ли Ваш Союз издать наследие поэта-воина, если хоть что-нибудь сохранилось? Где его семья? Хотелось бы побольше, подробнее знать о нем. Если что-нибудь знаете о нем – при случае черкните» (22). К сожалению, по отношению к этому талантливому поэту-партизану, отдавшему свою жизнь за честь и свободу Родины, национальная интеллигенция и власти республики проявила ничем не оправданное равнодушие, никак не увековечив его память. Просмотрев исследования наших историков по Отечественной войне, кроме рассказа о его подвиге мы ничего не обнаружили. Предположительно, его стихотворения печатались на страницах «Социалистической Кабардино-Балкарии», но и они не сохранились в наших библиотеках, а обязательный

экземпляр, посылаемый в Ленинскую библиотеку, в те дни не всегда попадал туда из-за перекрытий железнодорожных путей. Поисками его рукописей в свое время никто не занимался, и мы, по всей вероятности, потеряли их навсегда.

И после войны, по прошествии многих лет со дня его отъезда из Нальчика, П. Максимов всегда с особой теплотой вспоминал полюбившийся край синих гор, постоянно следил за жизнью и достижениями нашей республики. В приписке к письму к Х. Теунову он упоминает о бессмертном подвиге нашей землячки Шуры Козуб. Старого журналиста чрезвычайно заинтересовала эта тема, создается впечатление, что при наличии материалов он сам взялся бы за написания какого-либо произведения, без них же ему оставалась лишь одна возможность – попытаться инициировать Союз писателей республики на шаги по увековечению памяти мужественной комсомолки. С такой просьбой писатель обратился в 1957 году к Х. Х. Теунову: «В своей книге Т. Кабанов пишет о Шуре Козуб, девушке из Ново-Ивановки, казненной немцами за помощь партизанам. Ведь это же КБ (Кабардино-Балкарская. – А. Х.) Зоя или героиня «Молодой гвардии», о ней надо написать повесть, рассказ, она – героиня, погибла за народ... Пусть в Союзе писателей Кабардино-Балкарии подумают об этом» (23).

При подходе фашистских захватчиков к Нальчику П. Максимов добровольно вступил в 57-ю армию и после этого, в качестве сотрудника газеты «Советский патриот», прошёл множество военных дорог, пройдя от Кавказа до Вены. Войну он закончил капитаном, кавалером множества правительственных наград.

Павел Максимов – один из активнейших деятелей русской литературы, отдавший много сил становлению и развитию культуры горцев Северного Кавказа, развитию и укреплению братских взаимосвязей советских народов. Ученик М. Горького, талантливый журналист, он в своих произведениях глубоко и правдиво отобразил один из главных периодов жизни нашего региона – эпоху ломки старого общества и строительства новой жизни. В его очерках аккумулировалось множество человеческих судеб, были сосредоточены ценнейшие факты и сведения по истории, устному народному творчеству, литературе, культуре, просвещению кабардинцев и балкарцев в начале 20-го столетия – информация, которая и сегодня имеет непреходящее значение. Благодаря очеркам Максимова многомиллионным читателям всего Советского Союза стало известно о достижениях одной из национальных областей Северного Кавказа в

строительстве новой жизни. Эти превосходные произведения талантливого русского очеркиста недоступны для современного читателя нашей республики, поэтому желательно было бы наиболее ценные из них переиздать отдельной книжкой. Так как произведения Максимова разбросаны по многочисленным журналам и газетам, издававшимся в предвоенные годы, их поиски затруднены даже для специалистов-историков, фольклористов, литературоведов, культурологов. Для увековечения памяти русского писателя, столько сделавшего для нашей республики, можно было бы одну из улиц города Нальчика назвать его именем.

Литература

1. Дж. Налоев. Литературное наследие. Н., 2004, с. 117.
2. Там же.
3. Х. Теунов. Литература и писатели Кабарды. Н., 1955, с. 59.
4. Кабардино-Балкарский музей. ИКЛМ, 23/913 – 436, с. 37.
5. Там же, с. 37, 38.
6. Там же, с. 139.
7. УЦДНИ АС КБР, ф. 1, оп. 1, д. 135, с. 10, 11.
8. Дж. Налоев. Литературное наследие. Н., 2004, с. 106.
9. Кабардино-Балкарский музей. ИКЛМ, 23/943 – 436, с. 136.
10. Там же, 21/754, с. 117.
11. Там же, 23/ 943 – 436, с. 136.
12. Там же, 23/913 – 436, с. 37, 38.
13. Там же, с. 38.
14. Горький и вопросы советской литературы. Сб. ст. Л., 1956, с. 225, 226.
15. Музей А. Шогенцукова. Письмо Е. Белгороковой, с. 2.
16. Там же, с. 1, 2.
17. Кабардино-Балкарский музей. ИКЛМ, 23/ 913 – 436.
18. Там же, с. 134.
19. Там же, с. 140.
20. Кабардино-Балкарская правда, 8 сентября 2011 года.
21. Кабардино-Балкарский музей. ИКЛМ, 23/ 913 – 436, с. 38, 39.
22. Там же, с. 48.
23. Там же.

Анфиса ФИРОВА

Фирова (Канукова) Анфиса Азреталиевна – журналист, писатель, переводчик. Родилась в селении Дыгулыбгуей Баксанского района КБР. Окончила среднюю школу № 4 г. Нальчика, затем – химический факультет КБГУ, по специальности ООС и РИПР, имеет магистерскую степень по химии. Будучи студенткой, устроилась корреспондентом в газету «Адыгэ псалгэ», являлась штатным корреспондентом журнала «Псынэ», ведущей передач на кабардинском языке на канале «1 КБР». В настоящее время работает редактором в газете «Адыгэ псалгэ».

Первая книга А. Фировой на кабардинском языке – «Синамис», в которой собраны новеллы, рассказы и повесть «Любовь», вышла в 2010 году. Ее рассказы вошли в коллективный сборник молодых писателей КБР «Молодая ветвь» (2008) и «Звезды млечного пути» (2010).

Л Ю Б О В Ъ

Повесть

Глава 1. Амман

В аэропорту меня провожали всей семьей.

– Как долетишь, сразу позвони, я буду переживать, – просила мама. Глаза ее, голубые, как небо над краем летного поля, туманила слеза.

– Позвоню, конечно, позвоню, не переживай! Все будет хорошо!

– Упрямая ты у нас: чтобы в чем-то убедиться, обязательно надо увидеть своими глазами. Будь осторожна, – шепнула на ухо Дина, младшая сестра. – Найди то, что ищешь, и возвращайся...

Я обняла сестренку, прижала к себе. Отец стоял рядом, нервничал, взгляд его был полон тревоги. Много уже было сказано, и дома, и здесь – в зале ожидания. Он добавил только одно:

– Береги себя, и Бог тебя сохранит!

Папа, конечно же, не знал и не догадывался, зачем я лечу в Иорданию. Иначе бы точно переломал мне ноги. Он думал, что цель этой поездки – общение с друзьями и обычная в таких случаях «культурная программа»: знакомство с жизнью наших соотечественников в далекой арабской стране, осмотр ее красот...

Уже в небе, когда размытая сероватой дымкой моя добрая родина стремительно ушла вниз, пропала за стеклом иллюминатора, я поудобнее устроилась в кресле, но – вместо предвкушения приятной встречи – снова стала терзаться сомнениями. Путь туда – это только полдела. Что меня там ждет? Найду ли то, что ищу? А ищу я две вещи: любовь... и что-то иное, смутное и не вполне осознаваемое самой. Точно знаю, что кроме желания встретиться с любимым человеком меня влечет какая-то непонятная, но неодолимая сила. Я жду встречи с Умаром, но не для того, чтобы навязывать ему мои чувства, я хочу узнать, что же между нами пробежало, когда он был в Кабарде. В чем вообще был смысл нашей встречи, любви, как мне хочется думать.

Представляя, что я ему скажу, когда мы увидимся, какими глазами он посмотрит: удивится? обрадуется? – я плыла в белых облаках. Как же все это было до головокружения красиво. Есть ли на свете что-нибудь невозможное, когда человек вот так легко может оторваться от земли и кружить в небесах, как вольная птица!

Неизвестная сила, вселившаяся в меня, уже не отпускала, и на душе от этого было тепло и спокойно. И я чувствовала, что все будет хорошо, и все мои вопросы, связанные с поездкой в чужую далекую страну, разрешатся сами собой.

***

Писать я начала в девятом классе. Кроме того, что сочиняла музыку и песни. Удовольствие получала огромное, но показывать или даже говорить с кем-нибудь о своем творчестве не решалась, стыдилась. Да и можно ли было называть это творчеством? Музыке я никогда не обучалась, нотной грамоты не знала, просто записывала на магнитофон мелодию песни и подбирала к ней слова. У меня была целая тетрадка, исписанная стихами, и я прятала ее от всех. Но однажды этот заветный сборничек все-таки попался под руку моей матери. Никогда не забуду, какими глазами она смотрела на меня! Швырнула тетрадь на пол и вышла из моей комнаты, хлопнув дверью. А что такого особенного я натворила? Другая на ее месте показала бы эти «творения» знающим людям, поэтам, музыкантам, похвасталась бы перед соседями, отправила бы в редакцию газеты или журнала. А она? «Ты еще совсем ребенок! Что это за любовные стихи?! Не доросла еще!» – мамины резкие слова долго звучали в моей голове. А ведь кроме «любовной лирики» там были и посвящения: ей, папе, бабушке, сестренке. Мне хотелось поднять тетрадку с пола и бежать за мамой, показать, объяснить... Но что-то меня сдер-

живало, в то время как – прижимая к груди мой отвергнутый труд – я не смогла сдержать слез. Мама не разговаривала со мной целую неделю. Я не понимала – в чем моя вина...

В поисках внимания и поддержки пришла к тете Аминат, жене папиного брата. Она работала в саду, выпалывала сорняки. Мы поговорили о моих школьных делах, вполне успешных, как я уверила тетю. Потом, смущаясь и отводя взгляд, все-таки решилась.

– Знаешь, Аминат, я пишу стихи...

Тетя распрямила спину, опираясь одной рукой на тяпку.

– Неужели? Очень интересно. А прочитать что-нибудь можешь?

– Конечно! – обрадовалась я. – Прочту из последних, что написала. Называется «Новорожденная душа»...

Переигрывая в желании показать собственный артистизм, захлебываясь от восторга: все-таки нашелся человек, готовый меня выслушать! – я громко проскандировала мое стихотворение. Понравилось или нет? По реакции тети понять это было невозможно. Она молчала и смотрела как-то задумчиво, чуть грустно.

– У меня еще есть песня. Тоже сама сочинила! – предложила я, старательно копируя интонации концертных ведущих.

– Ну что ж, – Аминат махнула свободной рукой. – Начинай!

Сад огласился еще более громкими звуками. На последнем куплете, косясь глазами на тетю, я заподозрила что-то неладное. Она как-то странно напряглась, вся покраснела и обеими руками, бросив тяпку в траву, держалась за живот.

– Что с тобой, Аминат? Тебе плохо? – кинулась к ней.

Она затряслась.

– Да-ль... да... да-ль-ше что... Ха... ха-ха...

– Да что случилось? – крикнула я, еще не понимая, что происходит.

– Дальше пой, – уже спокойнее, отдышавшись, попросила Аминат. – Какая прекрасная песня!

– Но почему ты смеешься, если она тебе понравилась?! – искренне недоумевала я.

– Это кто же так завладел твоим сердцем? Скажи, кому посвящена эта песня? – Не сдерживаясь больше, тетя взорвалась оглушительным хохотом.

И тогда я поняла. Она просто издевалась надо мной. Ей были смешны мои попытки писать, творить. Она тоже не понимала смысла моих усилий. Как же так?! Меня никто не понимает, никто не может оценить моего творческого дара. Даже родная мать не верит в мои способности. В ответ на мои искренние слова, идущие от самого сердца, от души, – неприятие или смех. Как же мне теперь быть? Разочарование в собственных силах, поч-

ти ненависть к людям, которые не смогли, не захотели понять меня, – все это смутило мой разум, и я убежала от тети Аминат домой. Влетела в свою комнату, схватила ту самую тетрадь, изорвала ее в клочья, мало того – вынесла их во двор и сожгла! Так тебе и надо! Из-за тебя люди надо мной смеются.

После того случая я очень долго ничего не писала. И с учебой начались проблемы, и характер стал невыносимым для окружающих. Я больше не была похожа на своих сверстниц, я с презрением отвергала все, что было интересно им. Я ушла в себя. Тот день оставил в моем сердце неизгладимый, кровоточащий след. Не было ничего, что могло бы отвлечь от боли, избавить от последствий той катастрофы, которая произошла в моей душе. И как бы тяжело мне ни было, на эту тему я больше ни с кем не говорила, да и мама с тетей Аминат к ней не возвращались. Невысказанность только усугубляла мои страдания, она давила подобно сгущавшимся сумеркам...

Потом, случайно увидев на прилавке книжного магазина брошюрку в яркой обложке, – автора уже не помню, но название книжки обещало помощь в преодолении душевного дискомфорта, я купила ее, и это было началом моего серьезного увлечения психологией. Читала много, хоть и не следуя никакой системе, пытаюсь разобраться, в первую очередь, в себе. Понять свой внутренний мир, найти ориентиры в пути, с которого меня когда-то сбили. Между тем, уже имея какую-то опору, окончила среднюю школу, поступила в университет. Мои интересы в эти годы были сосредоточены только на учебе.

Маму, конечно же, простила – за ее реакцию в тот злосчастный день, – мать всегда остается матерью. А вот к тете Аминат, хоть и не подчеркиваю этого, до сих пор испытываю некоторую холодность. Как бы то ни было, в один прекрасный день, неожиданно, ко мне вернулось и вдохновение.

Я должна была участвовать в ежегодной «Студенческой весне». Не сказать, чтобы я этого страстно хотела, скорее – поддалась на уговоры, граничащие с принуждением. Мне поручили выйти на сцену студенческого фестиваля со своей песней. Не помню, как вышла, в каком была состоянии, но я спела песню, которую написала сама, за двадцать минут! Этот веселый студенческий праздник и был толчком к возвращению в мир творчества, стихов и песен, а потом, в свое время, – к известности как певицы.

Именно там, на фестивале, я впервые увидела Умара. Этого момента мне никогда не забыть. Он был высок, хорошо сложен. Безусловно красив, но при этом – хмуро сдвинутые брови, черные, иногда сверкающие яростью глаза. Модная прическа,

небольшая ухоженная борода. Особые предпочтения в одежде, манера держать себя выдавали в нем человека нездешнего, иностранца. При виде этой крепкой фигуры и порывистых движений я испытала что-то похожее на страх, но это только в первое мгновение, затем, как будто проваливаясь куда-то, я поняла, что готова без памяти, безрассудно в него влюбиться.

Я и раньше видела молодых иностранцев, не испытывая ничего подобного, и менее всего – желая познакомиться. Могла ли я подумать, что этот молодой потомок махаджиров так изменит мое представление о мужской привлекательности. Нет, тогда я даже не пыталась рассуждать, что в нем было такого, способного поразить мое воображение. Я просто не могла оторвать взгляда, когда он проходил мимо. Когда слышала его имя, испытывала непонятное волнение, почти головокружение. А когда видела его во сне – понимала, что вот это и есть настоящее счастье.

Как я потом узнала, Умар приехал в Кабарду на учебу. Но при этом он очень мало интересовался занятиями в университете. Этот парень в первый раз приехал на родину предков и, видимо, просто радовался новым впечатлениям, знакомствам, постижению каких-то вещей, знакомых только по рассказам, слышанным в детстве от стариков. Его семья пользовалась большим уважением и влиянием, сам же Умар был очень известным музыкантом и исполнителем, и не только в Иордании, но и в Европе и Америке. Позже, когда у меня вышел свой музыкальный альбом, я все равно понимала, что до уровня моего возлюбленного мне очень далеко.

Мы познакомилась благодаря счастливому случаю, и у меня появилась возможность поближе узнать его многочисленных друзей. Каждый день он был буквально окружен их плотным кольцом. Хороших друзей, известно, много не бывает. Вот и у него в числе близких оказались завистники и недоброжелатели. И чем больше я узнавала его, там очевидней для меня открывалась роль таких «друзей». Что же касается наших личных отношений, они закончились внезапно, не принимая каких-либо отчетливых форм. Как мне рассказали его однокурсники, Умара отчислили из университета, и он, даже не объяснившись со мной толком, спешно уехал домой, в Иорданию. Боюсь, он даже не подозревал, что увозит с собой мое сердце, потому что с моей стороны это было не просто увлечение, а самая настоящая любовь.

Я была безутешна. Я уже не представляла жизни без его черных глаз, его огненных взглядов, энергии, исходящей от него – следствие неведомых мне процессов, происходящих в его мятежной душе. Многие мои знакомые считали Умара стран-

ным. Но какое мне дело до всяких досужих разговоров на его счет, до сплетен! Мне нужен был только он. Только он мог без лишних слов, одним взглядом внушить мне чувство, равное обожанию. Только Умар мог так интересно, с такой пронзительной искренностью рассказывать о судьбах адыгских махаджиров, выживающих в чужих краях. Только с ним я могла делиться своими мыслями, интересами, планами на будущее. И, казалось мне, только он был способен понять состояния моей души, когда я и сама плохо в них разбиралась. Однако моих восторгов совсем не разделяли мои родные и друзья. «Не будет тебе с ним счастья. Вы слишком разные. Где ты, а где он, в какой стране. И ответственности в нем нет. Ты будешь страдать!» – вот несколько голосов из назойливого хора моих доброжелателей. Естественно, я к ним не прислушивалась, просто не слышала. И вот когда он внезапно отдалился, я почувствовала себя так, словно на бегу наткнулась на холодную каменную стену. Больно и обидно. Единственный телефонный звонок накануне его непонятного бегства, как еще это назвать, короткий разговор, нервный и сумбурный, закончившийся словами: «Ты не понимаешь меня, ты такая же, как все. Я сегодня улетаю домой!». Ну что ж, гордости мне не занимать, я решила: подожду, пусть успокоится, подумает и перезвонит. Вечером, так и не дождавшись, перезвонила сама, но его номер был заблокирован. Тогда до меня стало доходить, что это не капризы и не шутки, что он и в самом деле уехал.

Надо ли удивляться запасам слез, которые таятся в душе любой женщины, тем более – брошенной. Мне казалось, я выплакала все эти запасы, скрываясь, не рассказывая никому о своих страданиях, не объясняя своего бледного вида, отсутствия аппетита и прочих симптомов несчастной любви.

Любая ошибка, совершенная человеком, имеет свои последствия. Моя серьезная ошибка заключалась в том, как думалось мне, что я поставила свою гордость выше любви, заботы о любимом человеке, простого внимания. Если бы я сразу перезвонила Умару, поговорила спокойно, разобралась во всей этой истории, наверное, была возможность сохранить наши отношения, рассчитывать на их продолжение в будущем.

И вот теперь я иду по следам моей пропавшей любви. Никто и ничто не может меня остановить – ни родители, ни друзья, ни осуждение молвы. Я хочу разыскать Умара, посмотреть ему в глаза и, наконец, понять: есть ли в нем какие-нибудь чувства ко мне, или все, что было, – игра, развлечение от скуки, банальная интрижка заезжего иностранца. Понять и, быть может, обрести покой, возможность жить разумом, а не израненным сердцем.

***

Уже спускаясь по трапу, я вдруг замерла в нерешительности: ни вперед, ни назад. Страх, сомнения овладели мной... Нет, не могу, лучше назад, домой, к маме!.. Но сзади уже подталкивали другие пассажиры, и – вдохнув полной грудью – я сделала шаг вперед.

Воздух здесь был плотный, тяжелый, насыщенный неведомыми мне запахами, наверное еще и пылью, принесенной из пустыни. Трудно дышать, но это, успокаивала я себя, от волнения. Незнакомая страна, непривычно смуглые, очень смуглые лица, резкие гортанные звуки непонятного мне языка. Не думала, что окажусь такой трусихой – боялась всего, что видела вокруг, что, в общем-то, оказалось не таким уж и страшным. Таксист, который вез меня в гостиницу, был образцом вежливости и предупредительности, а моего знания английского вполне хватило, чтобы объяснить ему направление и мое желание оставить ему небольшую сдачу, принятую им в конце поездки с бурной радостью и тысячей благодарностей.

Мой номер оказался на седьмом этаже. Символично: в Нальчике я тоже живу на седьмом. Чистота безукоризненная, все очень мило, уютно. Все располагало к отдыху, поэтому в тот вечер я решила никуда больше не ходить, остаться в номере и как следует выспаться.

Три последующих дня я ничем другим не занималась, как только ходила и рассматривала город. Амман оказался настолько красивым, что мне даже думать ни о чем не хотелось. Дома из белого камня, сверкающие под солнцем, – в этой жаре я даже успела загореть. Ходила по улицам и прислушивалась к речи прохожих. Арабский, английский, немецкий... Втайне надеялась услышать язык моих соотечественников-адыгов, ведь в этой стране их десятки тысяч. Продвигаясь в моих прогулках, в окружении экзотических красот, я все-таки вернулась мыслями к цели моего приезда. Как найти Умара? На случайную встречу в четырехмиллионном городе рассчитывать не приходилось. Конечно, как популярного исполнителя, его знали многие, но к кому подойти, как спросить...

Прошла неделя, и моя изначальная идея понемногу становилась абсурдной. Даже если обходить только концертные залы, сколько времени уйдет на это? Рассуждая примерно таким образом на одной из улиц города, я решила немного отдохнуть от духоты в кафе, оказавшемся на пути.

Переступила порог, и – в потоке освежающего прохладного воздуха до меня донеслись звуки родного языка!

– Мухамед, ты положил рыбу в холодильник? Вечно ты все забываешь...

Я прислушалась. Речь была понятна, но это не мой родной кабардинский диалект, больше походило на бжедугский. Кафе, как оказалось, принадлежало черкесам.

– Клянусь, положил! – обиженно ответил кому-то молодой человек в белом поварском колпаке. – Если не веришь, можешь убедиться сам!

А меня уже встречал хозяин заведения – крепкий высокий мужчина, с приятными, подвижными чертами лица, с заметной проседью в темных волосах и приветливостью во взгляде.

– Добро пожаловать! Мы еще не открылись, но с удовольствием предложим вам кофе, чай. Освежающие напитки? – сказал он на ломаном английском.

– Мир твоему дому! А я уже и не надеялась. Как приятно встретить земляка в чужой стране! – улыбаясь, я заговорила на родном языке.

Ответная улыбка хозяина была ослепительна. Он подошел поближе, уважительно пожал мне руку и, обернувшись к своим, скомандовал:

– Быстро накрыть на стол! У нас в гостях черкешенка! – И, снова обращаясь ко мне, продолжал: – Мне тоже приятно, что нас посетила такая важная гостья. Если меня не обманывает мой слух, ты – с нашей родины?

Пристально, с надеждой в глазах, мужчина всматривался в мое лицо, может быть, искал в нем родственные черты? А я заметила, как у него повлажнел взгляд.

– Да, все верно. Я – из Кабарды. Мечтала встретить здесь соотечественников, но тур уже заканчивается, а встретила только сейчас.

– Как вы там... – мужчина немного сбился от волнения, – ... на родине?

– Все хорошо, грех жаловаться...

– Лучше, если мы перейдем в другую комнату. Здесь скоро начнут собираться посетители и будут мешать разговору. Меня зовут Казбек, я – бжедуг. Это кафе принадлежит мне. А как зовут тебя?

– Я – Тамара, а родом из Бесленея.

Казбек радушным жестом пригласил в уютный прохладный кабинет, усадил в кресло, продолжая расспрашивать:

– Ты, наверное, еще учишься?

– Да, я студентка...

Стол тут же заставили разными яствами, напитками. Я, честно говоря, с утра ничего не ела и была ужасно голодна, но стеснялась, поэтому, отведав одно из блюд, попросила чаю. Казбек распорядился и снова обернулся ко мне.

– Мы отдаем наших детей на танцы, в спортивные клубы, чтобы не болтались без дела и не забивали голову лишним. Пыта-

емся воспитать достойных черкесов, сохранить себя. Наверное, и у тебя есть любимое занятие?

– Я пою... увлекаюсь поэзией... интересуюсь историей черкесского народа и изучаю диалекты адыгского языка, – ответила я, еще не преодолев смущения. Моему собеседнику, видимо, мой ответ понравился.

– Дай бог тебе удачи в этом деле, красавица! Талант дается не каждому, и поэтому мы должны ценить его, и в других, и в себе. Это бесценный дар. И я бы с удовольствием послушал тебя, твои песни...

Я достала из сумки диск со своими записями и протянула ему.

– Вот, это вам, в подарок.

Казбек благодарил с искренней радостью, потом, спохватившись, снова стал угощать:

– Не стесняйся, прошу тебя, все очень вкусно! Ты знаешь, нам так приятно, когда заходят земляки, с нашей прекрасной родины. Мы мечтаем о земле предков, но не все в наших силах. Сколько стариков уходят в мир иной, повторяя одни и те же слова: родина, Кавказ, земля предков! Это огромное счастье, что теперь мы можем отправлять своих детей на учебу в Кабарду. У меня есть много друзей, просто знакомых, там, на родине. Перезваниваемся, переписываемся...

Я слушала этого человека, видела радость на его лице, и казалось, что и это кафе, и люди, работающие в нем, знакомы мне уже много лет, почти родные... Но между тем заведение заполнялось посетителями.

– Казбек, боюсь, как бы мое присутствие не помешало вашей работе. Да и у меня есть кое-какие дела. Если вы не против, я бы еще зашла вечером, тогда бы и поговорили вдоволь. Можно?

– Конечно, можно, дорогая! Приходи часам к семи. Я приглашаю тебя к нам домой. Моя супруга тоже из бесленеевцев, она так будет тебе рада!

Хозяин кафе проводил меня как самую дорогую гостью и еще раз напомнил, что с нетерпением будет ждать визита.

В тот день я заходила еще в несколько таких кафе, приглядывалась к людям, пыталась задавать вопросы, но ничего полезного для себя не нашла. Расстроенная, вечером вернулась в отель. Надо было подготовиться к встрече с семьей Казбека. Я подошла за ключом на ресепшн и там, у стойки, краем глаза заметила двух молодых людей, оживленно беседующих на арабском. Один из них показался мне знакомым, но я никак не могла вспомнить, где же видела это лицо...

К назначенному часу подошла к заведению Казбека. Он встретил меня у входа, снова усадил за столик и, пока я пила

кофе, отдавал какие-то распоряжения сотрудникам. Потом посадил в машину, и минут через пятнадцать мы уже подъезжали к роскошному дому из белого камня. На шум мотора из дома радостно выбежала женщина средних лет и девочка-подросток, в дверях остановился высокий молодой человек. «В дверях не стоят, это не к добру», – пронеслись в голове слова, которые иногда повторяла моя покойная бабушка.

– Проходи, проходи! – Хозяйка ласково обняла меня. – Добро пожаловать, Тамара. Мне очень приятно видеть такую гостью.

Это была миниатюрная женщина, светловолосая, с едва заметными морщинками вокруг выразительных голубых глаз, которые смотрели на меня тепло и восторженно.

– Добро пожаловать, сестричка, – подошла и девушка, лет шестнадцати на вид. – Я – Сатаней. Маму зовут Дыгъэ. А там, – она указала на парня в дверях, – мой брат, Блан.

– Мне тоже очень приятно. Мир вашему дому! Как поживаете? – я улыбалась, сразу забыв и про неудачные поиски, и свою усталость.

Молодой человек, отрекомендованный Бланом, вышел навстречу и, мягко говоря, шокировал:

– Welcome! – обратился ко мне на английском, гордо и с явной неприязнью. Взгляд – в сторону, руки за спиной.

– Thank you! Nice to meet you! – ответила я ему в тон.

Заметив, что я несколько задета, Казбек поспешил пригласить в дом, пытаясь как-то сгладить впечатление, произведенное его сыном.

Мама с дочкой подхватили меня под руки и повели в гостиную.

Здесь стоял огромный стол, заполненный кушаньями, сладостями, напитками – бесконечное разнообразие цвета, форм и ароматов. Оказывается, они серьезно готовились к моему приходу. Дыгъэ, по-прежнему улыбаясь, спросила:

– Тебе, наверное, здесь ни разу не довелось попробовать черкесской еды? Но мы это сейчас исправим!

– Что правда, то правда, – призналась я.

Разговор еще некоторое время продолжался подобным образом, и когда хозяйка и гостья воздали должное взаимному уважению, все уселись за стол.

Гедлибже, мамалыга, лакумы – все, что мне было знакомо из еды, громоздящейся горами на столе. Остальное я не только не пробовала, но даже никогда и не видела.

– Попробуй вот это, просто вкуснятина! – Сатаней протянула мне тарелку с какими-то продолговатыми шариками.

– А что это?

– Это киббе маглия. Блюдо из мяса, а внутри – лук и пряности, – потчевала Дыгъэ, переводя застольный разговор в тонкости восточной кулинарии.

В этот вечер я познакомилась со многими, не побоюсь этого слова, произведениями иорданской кухни. Она оказалась и разнообразной, и калорийной, и необыкновенно вкусной. «Фат-тайер, хуммус, баба гануш...» – вот только несколько названий из всего этого великолепия, запомнившихся мне. А вот блюда черкесские, которые я тоже с удовольствием попробовала, совершенно не были похожи на те, что готовят у нас дома. Причина, скорее всего, в обилии местных пряностей, не характерных для Северного Кавказа.

Наша беседа продолжилась и после трапезы, когда мы все расположились в удобных креслах. Говорили много и обо всем. Только Блан был молчалив и угрюм. Мне показалось, что это из-за меня, что я произвела на него такое неприятное, отталкивающее впечатление, и поэтому чувствовала себя не вполне комфортно. Хозяин дома, не знаю, разделял ли он мои опасения, в какой-то момент поднялся и извинился.

– Мне надо на минутку отлучиться. – Чуть погодя он знаками позвал к себе и супругу.

Мы с Сатаней и Бланом остались одни. Насколько я успела заметить, девушка не очень хорошо знала родной язык, но все равно изо всех сил пыталась говорить со мной исключительно на черкесском, используя простые слова и несложные сочетания. Блан все так же оставался замкнутым в себе.

– У тебя очень интересное имя, Блан, – решила я немного разрядить обстановку.

Он посмотрел на меня холодно.

– I do not speak circassia!

Он был копией своего отца, только немного выше и, скажем так, сдержанней.

– Пусть ты не говоришь на родном, но ведь понимаешь! – с укором сказала Сатаней брату.

Тот вспылил, и они о чем-то жарко заспорили на арабском. Было заметно, что Сатаней чуть ли не до слез на него обиделась за что-то. Я снова почувствовала себя виноватой. В дверях появились супруги и молча уставились на своего сына. Блан встал и с видом высокомерия вышел из гостиной. Я не знала, куда деться от неловкости.

– Простите, наверное, это я виновата...

– Нет-нет! Ты здесь совершенно не при чем! Уверяю тебя. Блан недолюбливает черкесов с Кавказа, – извиняющимся тоном пытался объяснить Казбек. – Ради бога, простите нас!

– Но разве есть на свете хоть один адыг, который не любит свою родину и не хочет вернуться?! – спросила я в недоумении.

– Конечно, нет! – с жаром подтвердил хозяин дома. – Думаешь, Блан не грезит о ней?!

– Это уже совсем другая история. Давай не будем об этом, Казбек! – хозяйка попыталась перевести разговор в другое русло.

– Я тебя понимаю, Дыгъэ. Но эта девочка – наша гостья, и по вине нашего сына мы опозорились перед ней. Думаю, она имеет право это знать!

– Прошу вас, – вмешалась я, – мне не надо никаких объяснений. Давайте обо всем забудем. Как я могу хоть в чем-то вас винить. Наоборот, это я слышала обвинения от одного потомка махаджиров, который называл нас недостойными, на родине потерявшими свое адыгство. – И я смущенно опустила глаза.

– Это здесь тебе сказали? Скажи, тебя кто-то обидел? – приподнялась негодующая Сатаней.

– Нет, это было в Кабарде. Просто... он сам был отсюда, из Иордании.

Казбек тоже насторожился.

– И кто он?

– Один молодой человек. Учился в нашем университете. Попал в какую-то неприятную историю, и его отчислили. Вот именно он и сказал такое про нас, – неожиданно для себя я осознала, что в этом разговоре появилась возможность продвинуться в моих поисках. И эту мысль тут же подтвердила Сатаней.

– Да это же Умар! – воскликнула она, а я, услышав имя любимого, почувствовала нехватку воздуха и жар во всем теле.

– Кто такой Умар? – поинтересовался у дочери Казбек.

– Да певец этот...

– А-а, да, да. Вспоминаю. Слышал о нем. Но как же он поет! Да, горячий парень, сразу видно.

Я молча ждала продолжения этого разговора, но, к великому сожалению, он снова уклонился в сторону. Направлять же собеседников было мучительно стыдно. Казбек, не зная, что творится в моей душе, продолжал спокойным повествовательным тоном:

– Хочу рассказать тебе одну историю, – в голосе его появилась нота грусти. – Историю, которая разбила мое сердце...

– Казбек, пожалуйста, не надо, – попросила его супруга. – Боюсь, наша гостья пожалеет, что пришла.

Я поспешила поддержать его.

– Не переживай, Дыгъэ, ничего страшного. Я и сама заметила, Казбек, что тебя что-то мучает. Продолжай, пожалуйста...

– Несколько лет назад, – задумчиво начал он, – я узнал, что в Кабарде живут мои дальние родственники, и – в надежде позна-

комиться, подружиться – приехал. И, честно вам скажу, плакал, как ребенок, когда в первый раз прошелся по родной земле, о которой мечтали мои предки. Ты, наверное, не поймешь этого, потому что и родилась, и живешь там, и никто тебя не изгонял из родного гнезда. Я не могу передать словами то, что испытал там. Я был готов умереть, потому что сбылась моя давняя и самая сокровенная мечта – я увидел родину, чего бы я еще мог желать! Это – рай на земле! Такого внимания, такого гостеприимства нет больше нигде... – он прослезился, выговорив последнюю фразу.

– Казбек, прошу тебя, – снова обеспокоилась супруга.

– Я сейчас принесу воды, – Сатаней встала и убежала.

Я была потрясена.

– Представления не имела, что махаджиры так тяжело переживают все это...

– Махаджирам дает силу только одно – мечта о родных краях. Мы надеемся, что когда-нибудь увидим наши горы, зеленые равнины. Все наше богатство и процветание здесь – это пустой звук, если мы хотя бы раз не побывали на Кавказе. В Кабарде часто можно услышать, что мы бросили свою родину во время Русско-Кавказской войны и бежали в Турцию. Но никто не знает, что пережили наши предки тогда, через что они прошли! Многие хотели, чтобы хотя бы их бранные тела нашли успокоение в родной земле, и прыгали в море с кораблей, везущих их на чужбину. Махаджиры не бежали, как последние трусы, их выселяли насильно. Разве это так сложно понять? Это не дает нам покоя, разъедает изнутри! – Казбек замолчал, чтобы успокоиться, и тогда продолжила я:

– Мне примерно понятно, отчего такая пропасть между нами, уважаемый Казбек. Проблема в восприятии давних событий. В наших школах дети не изучают эту тему достаточно глубоко, многие даже не знают, что когда-то была русско-кавказская война. Этот вопрос... не сказать – замалчивается, но осознанно размышляется в школьной программе. А мотивируется это тем, что неустойчивая детская психика якобы может неадекватно отреагировать на такую острую тему. Историки опасаются всплеска национализма среди молодежи, межнациональной розни, которую якобы может вызвать объективное и подробное изложение давних и кровавых событий на Северном Кавказе. Это, конечно, неправильно. Каждый имеет право знать свою историю, смысл тех событий, которые привели к разделению народа. Все это в прошлом, но оно оставило глубокий след в настоящем. Сейчас я это вижу особенно отчетливо. Ни вы, ни мы не виноваты в том, что между нами возникло непонимание, взаимные обиды.

Все, что мы можем, и должны, – держаться друг друга, обрести взаимопонимание и воссоединиться...

– Да ты просто знаток! Как красиво рассказываешь! – В комнату вошел Блан, говорил он громко и на своем родном языке. – А вот у меня есть вопрос, попробуй-ка ответить на него.

Семья была ошарашена выходкой Блана. Смотрели на него молча и в недоумении.

– Слушаю тебя, – коротко сказала я.

– Ты не обвиняешь и не защищаешь людей. Ты утверждаешь, что виноваты время и жизнь. Я правильно тебя понял?

– Блан, она здесь при чем? Ты зачем на нее набросился? Прошу, не позорь нас! – предупредил сына Казбек, в его голосе уже чувствовалась гроза.

Дыгъэ вслед за супругом:

– Не говори того, о чем будешь жалеть! – И, обращаясь ко мне: – Тамарочка, не обижайся на нашего сына, он молод, горяч, он многого еще не понимает.

– Я не могу говорить за весь адыгский народ. И не моя вина в том, что некоторые мои соплеменники не знают своей истории. Я лишь сказала, что это не от нас зависит, – спокойно и отдельно я попыталась донести до парня смысл моих слов.

– Присядь, Блан. Успокойся. Хватит этого позора... – севшим голосом произнес хозяин дома.

Сатаней снова убежала – за таблетками для отца.

Я тоже поднялась.

– Мне, наверное, лучше уйти.

– Нет, нет! Пожалуйста, – попросил Казбек. – Я еще не закончил мой рассказ. Я понимаю, изливать душу – качество, которое не красит адыга. Но мне очень хочется поделиться с тобой мыслями... измучившими меня. И не только меня, но и всех махаджиров.

Смысл его рассказа заключался в том, что мы все, хоть и являемся адыгами, – разные, оттого что, во-первых: живем в разных странах, сосуществуем в тесном соседстве с разными народами и «нахватались» чужих черт. Мы что-то взяли от русских, махаджиры – от арабов. Поэтому и мыслим по-разному, изменились наше мировоззрение, национальный характер, цели. Говоря иначе, современные адыги – не совсем адыги, утрачена аутентичность. Мы что-то потеряли в себе, но что-то и приобрели, так же, как и махаджиры. И это «что-то» нас изменило.

Слушая Казбека, я снова невольно отвлеклась на свое, личное: смогли бы мы с Умаром поладить, даже если бы у нас что-то и получилось? Ведь мы такие разные, между нами столько

противоречий, взаимных обид и обвинений. Получается, что «русский адыг» и «адыг арабский» не могут сосуществовать...

Из задумчивости меня вывела Сатаней.

– Оставайся у нас на ночь. Пожалуйста, – попросила она.

– Спасибо, сестренка. Но я должна возвращаться в отель.

– Посиди еще немного с нами, – попросила и Дыгъэ. – Ты почти и не ела ничего.

– Ну что вы! Я наелась на несколько дней вперед. Все было очень вкусно. Не могу, честное слово. Казбек, спасибо за гостеприимство. Я вызову такси.

– Какое такси! Блан тебя отвезет. Я не могу доверить такого важного гостя таксисту, буду переживать, – настаивал Казбек.

«Я вашего Блана боюсь больше, чем любого таксиста», – подумала я, но согласилась.

Некоторое время мы ехали молча. Потом Блан заговорил:

– Считается, что я сложный человек. Наверное, это так и есть. Ты прости меня за сегодняшнее, я не хотел тебя обижать. Отец пытается воспитать из меня настоящего адыга, он хочет мной гордиться. А я сегодня не сдержался, опозорил его... Конечно, я мечтаю вернуться на землю наших предков, как и любой другой махаджир. Я прекрасно владею родным языком и люблю разговаривать на нем. Но меня удручает то, что вы считаете нас трусами, утверждая, что наши предки бежали от войны. Это все политика. Этого и добивалась царская Россия. А сегодня, благодаря тебе, я понял, что был неправ. Как бы там ни было, мы – единый народ, где бы ни жили – мы остаемся адыгами.

– Я все понимаю, Блан. По одному человеку не судят о целом народе.

– И это правда. Я мечтаю побывать на родине, и когда-нибудь я это сделаю.

– Человек всегда возвращается к своим истокам. И ты вернешься, – сказала я самым дружелюбным тоном, желая показать, что не обижаюсь на него.

Даже у себя на родине мы не всегда понимаем друг друга, что же говорить о людях, разделенных тысячами километров, странами, политическими системами. Я провела не самый легкий вечер, но в той семье многое поняла, ответила на многие свои вопросы.

– Ты очень хороший человек, Тамара. Мне было приятно познакомиться с тобой. Еще раз прости за сегодняшний вечер. – Этот молодой человек уже не был похож на того Блана, который еще час назад испепелял меня взглядом. Я не понимала одного: в ком из нас осталось больше адыгства – в нас или в них? Парень,

что сидит слева от меня и ведет машину, с виду – адыг, в нем течет благородная адыгская кровь, но проявления его характера мне совсем не знакомы.

Переборов смущение, я задала вопрос, давно горевший на языке:

– А ты знаком с Умаром?

– Конечно, знаком. Кто ж его не знает. Все девушки от него без ума...

Мне было больно представлять его рядом с другими девушками, и я, наверное, покраснела от злости, когда Блан об этом сказал.

– Слушай, а какой он?

– Ну, как сказать. Он неплохой человек. А почему ты спрашиваешь?

– Просто он был какое-то время в Кабарде. Мы как-то имели случай познакомиться, но потом потеряли связь, когда он вернулся сюда. Хотелось бы увидеть его, пока я здесь. – Я боялась, что Блан поймет истинные причины моего интереса. – По-моему, с ним поступили несправедливо.

– Я не знаю, что тебе сказать. Мы знакомы достаточно близко. Говорят, если хочешь узнать человека, посмотри на него, когда он пьян. Я, конечно, не буду тебе рассказывать то, что знаю сам. Ты сама все увидишь и поймешь...

Кажется, он все-таки догадался, что этот мой интерес – личный. Я смутилась еще больше, отвела взгляд в сторону. Хорошо, что в этот момент мы подъезжали к гостинице.

– Доброй ночи, Тамара.

– Спасибо тебе, Блан...

Утром я проснулась, наскоро позавтракала и вышла на улицу. Я еще не знала, чем сегодня займусь. Пройдя несколько шагов, вдруг остановилась в изумлении: недалеко от гостиницы, рядом с витриной какой-то ювелирной лавки, спиной ко мне стоял... нет, это не видение. Силуэт не исчезал, оставался на месте. Парень с гитарой, переброшенной на ремне через плечо. В той же его манере, очень хорошо мне знакомой. Умар! Ноги сами понесли меня к нему. Я сдерживала себя, чтобы не побежать и не броситься ему на шею. Хотелось закричать издали: «Умар, я здесь! Я приехала!» Посмотреть в его глаза и увидеть в них взаимность. Тротуара мне уже было мало, мешали прохожие, и я выбежала на проезжую часть. В этот момент появилась какая-то девушка, подошла к моему дорогому Умару и крепко к нему прижалась. Он обернулся и радостно заключил ее в объятия. Все так же, в обнимку, они пошли вперед. Я остановилась, потрясенная, с тем-

ными кругами перед глазами, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Откуда-то сбоку послышался резкий сигнал, скрежет шин.

– Уйди с дороги!.. – Краем сознания я поняла, что кричат на моем родном языке.

...Казалось, кто-то методично и размеренно, не прерываясь, бьет меня кувалдой по голове. Это тикали часы. Такие маленькие часы, и столько шума. Идут, не замедляясь, а с ними идет время. Наверное, я еще среди живых – вряд ли в ином мире есть время. Я жива. Лучше бы я умерла. Как теперь жить, зная, что он – с другой, что в этом романе я была второстепенным, проходным персонажем?

Я открыла глаза. Одна в светлой больничной палате. Часы, не дававшие мне покоя, стояли на столике, справа от кровати. Куда же меня занесла моя непонятная любовь?

Мне хотелось только одного – снова оказаться в Кабарде. Где все знакомо и понятно. Серые горные вершины, зеленые поля, просторные леса. Знакомые, родные лица. Черт погнал меня в чужие края! И чего мне не сиделось дома! Кто сказал, что я должна искать свое счастье здесь, среди махаджиров? Дура! Какая дура! Я заставлю себя забыть его, даже если для этого понадобится вырвать свое сердце! Да, мне не довелось увидеть его глаза, я не знаю, что он ответил бы мне. Но я поняла: он – не мой. Он не принадлежит мне. Мы не созданы друг для друга.

Я попыталась поднять голову, но она оказалась такой тяжелой, как будто к ней привязали мешок с гремящим железом. Почувствовала острую боль и потеряла сознание. Не знаю, сколько пролежала так, но когда снова пришла в себя, почувствовала, как кто-то пощипывает подушечки пальцев. Мадина! Это ее привычка. Подруга детства. Рассказывали, что она вышла замуж за иорданского черкеса и переехала с ним сюда. Неужели это она?!

Сквозь туман в глазах я пыталась разглядеть фигуру, сидящую рядом с моей кроватью.

– Мадина?.. Ты что тут делаешь? – спросила чуть слышно, еще не веря глазам.

– Я здесь работаю, – улыбнулась она и погладила меня по голове. – Как же тебя угораздило, ты ведь всегда такая осторожная? Тебя чуть машина не задавила. Если бы не тот парень... даже думать не хочу об этом.

– Какой парень?

– Молодой парень, из Кабарды. Красавчик!

– Я ничего не помню...

– Ты зачем на дорогу выбежала? Он кричал тебе, потом выскочил следом, выхватил почти из-под машины. Вы оба упали, ударились головой о бордюр.

– С ним все в порядке?

– Да как сказать. Лежит тут, в соседней палате, с рассечением. Слава богу, обошлось без сотрясения мозга. Наложили швы, через пару дней выпишут. Тебя тоже обещали скоро поставить на ноги, так что не залежишься. А ведь если бы не этот случай, когда бы мы еще увиделись, подружка?! Сколько лет тебя не видела! – Она еще сильнее сжала мои пальцы.

– Когда-нибудь ты оторвешь их!

– Голова не болит?

– Чуть лучше... У меня сердце болит. Бьется, выкручивает так, кажется – выпрыгнуть хочет. – Говоря, я почувствовала на своей щеке прохладную слезу. Мадина вскочила.

– Я сейчас доктора позову!

– Нет, не надо. Это не та боль, о которой ты подумала. Это не лечится. Но давай не будет об этом... Расскажи лучше, как ты? Как семья?

– Все хорошо, Томка. Вот вы все переживали, говорили: «Как ты там будешь, в чужой стране, среди чужих людей?» А люди здесь обычные, такие, как и везде. И хорошие есть, и добрые. – Подруга засмеялась. – И в хиджаб никто насильно не заставлял одеваться. Работаю в этой клинике. Детей пока нет. Хотела сказать, что ты не изменилась, однако ты не по годам повзрослела. Как будто незнакомая мне девушка...

– Мадина, – прервала я подругу, не желая развивать эту тему, – отведи меня к тому парню, к моему спасителю. Хочу поблагодарить его.

– А ты дойдешь? Не свалишься.

– Пошли, пошли...

С помощью подруги кое-как доковыляла до двери в соседнюю палату. Мадина постучалась.

– Мурат, к тебе гостя, – предупредила наше появление и открыла дверь.

У окна стоял молодой человек и листал какую-то книгу. Я сразу узнала в нем того парня, которого видела вчера в своей гостинице, у стойки портье. Добрый, внимательный взгляд, аккуратный прямой нос, атлетическое тело.

– Привет! – Молодой человек шагнул мне навстречу и, широко улыбаясь, протянул руку.

– Кажется, ты пострадал... из-за моей невнимательности...

– Мурат.

– Тамара.

Мой новый знакомый был довольно высок, я оказалась ему по грудь.

– Говорят, мы с тобой земляки. Давно здесь?
– Больше недели. Мы с тобой одним самолетом летели.
Надо же, какой внимательный. Запомнил.
– Ну, вы пока побеседуйте, а я пойду, у меня много пациентов, – со значением улыбнулась Мадина.

– А я, знаешь, не заметила тебя в самолете...
– Ты присядь, тебе нельзя долго стоять. Голова болит?
– Болела, но теперь лучше. А что у тебя?
– Все в порядке. Мне пришлось тебя толкнуть, извини.
– Если бы не ты, я бы уже была на небесах. Спасибо тебе, Мурат. Я не заметила, как оказалась на дороге, задумалась... – Перед моими глазами возникла четкая картинка, на которой любовь моей жизни обнимается с другой девушкой, и волна отчаяния снова накрыла меня.

– Бывает, не переживай. Слава богу, с тобой все в порядке. Сберегли нашу знаменитую певицу! – Он говорил весело, доброжелательно.

– Оставь, назавтра все бы забыли такую знаменитость. – Я пыталась шутить, но как-то не шло. – Мне кажется, мы и раньше где-то встречались, там, на родине. Вот только не могу вспомнить...

– Да, мы встречались. И эта встреча... не знаю, как для тебя, а для меня она незабываема.

– В смысле?..

Мурат молча протянул мне книгу, которую держал в руках.

– Что это?

– Открой и посмотри.

Я открыла. И на первой странице сразу узнала свой почерк, торопливую запись шариковой ручкой: «Мурат, пусть исполнятся все твои желания. Тамара».

...В тот день, когда я узнала, что Умар уехал к себе в Иорданию, мне было очень плохо, я просто сходила с ума. Не знала, что делать. Дома оставаться не могла и поэтому вышла прогуляться в парке. Ходила по аллеям, подолгу сидела на парковых скамейках, телефон отключила. Уже под вечер моя подруга Амина и ее парень, Азамат, разыскали меня и чуть ли не силой привели в кафе, чтобы покормить. Только присели за столик, подбежал официант.

– Что будете заказывать?

Его торопливые неловкие движения, желание услужить показались мне отвратительным притворством. Его вежливость – навязчивой. Официант, конечно, ни в чем не был виноват, просто от злости на себя мне хотелось разнести в пух и прах весь мир.

– Брат, ты бы сначала меню нам показал. А там, глядишь, и выбрали бы что-нибудь, – резонно заметил Азамат.

– Прошу прощения, это мой первый рабочий день, – смутился официант и исчез. Через полминуты вернулся и положил на стол карточку меню.

– Спасибо, – кокетливо улыбнулась Амина, а когда официант ушел выполнять заказ, я недовольно бросила ему вслед:

– Неужели не нашел для себя другой работы!

Парень, судя по всему, уловил мои слова в сдержанном шуме посетителей и наплывах тихой музыки. Он резко обернулся, но промолчал, продолжая свою работу. А когда вернулся и принес наш заказ, рядом с моим прибором положил темно-алую розу.

– Это – для настроения.

– Спасибо... – я не знала, что добавить. Было неловко за свои слова, но злость все еще бурлила во мне.

А когда мы уже собирались уходить и Азамат попросил принести счет, официант заявил:

– Ужин – за счет заведения! Но мне будет очень приятно, если Тамара подарит свой автограф, – и он протянул мне книгу – «Пособие по астрономии».

Официант-астроном. Неожиданное сочетание.

– Я не звезда, чтобы раздавать автографы.

– Для меня – звезда! Я поклонник вашего творчества.

Амина толкнула меня под столом.

– Жалко тебе, что ли?

– Как вас зовут? – И я потянулась за книгой, которую парень все еще сжимал в руках.

– Мурат.

Я достала из сумочки ручку, открыла книгу и на титульной странице написала: «Мурат, пусть исполнятся все твои желания. Тамара».

...Сцена из того времени, когда я потеряла свою любовь. Сцена, за которую сейчас мне было бесконечно стыдно.

– Да, теперь я вспомнила... я... прошу прощения за тот вечер! У меня был очень тяжелый день...

– Ничего страшного, не переживай ты так!

– Слушай, а ты неплохо говоришь на арабском. – Я напомнила ему ту встречу в гостинице, чтобы изменить наш разговор.

– Мой дед читал Коран. Он и меня научил, еще в детстве.

Пригодилось, как видишь.

– Ты по-прежнему работаешь в кафе?

– А я там никогда не работал. Кафе принадлежит моему отцу, а в тот день заболел официант, и мне пришлось его под-

менять. Если честно, мне понравилось, – Мурат от души рассмеялся.

– Если честно, то эта работа совсем не для тебя! – Я улыбнулась ему в ответ. – И все-таки не могу избавиться от неловкости за свои слова...

– Да я уже все забыл, правда!

– А чем же ты тогда занимаешься? Астрономией?

– Нет, астрономия – это увлечение. Я люблю наблюдать за звездным небом, изучать процессы, которые происходят в космосе...

Мне было близко его увлечение, я разделяла эту любовь к небесным светилам, потому что и сама, бывало, часами всматривалась в ночное небо.

– Да, это так захватывает! Кажется, что небо, с бесчисленными звездами, обнимает тебя, понимая все твои мысли и переживания... Это, не сочти за пафос, – вдохновляет меня, как муза!

– В твоих занятиях поэзией?

– И в поэзии, и в прозе, и в жизни. Во всем!

– А что тебе нравится больше всего? – Мурат спрашивал мягко, заинтересованно, ни одного признака, что он делает это только из вежливости.

– Писать. От пения я как-то отдалилась... Но, кажется, я поняла, чем ты занимаешься, – прищурилась я. Он улыбнулся.

– И чем же?

– Ты – журналист!

Мурат снова засмеялся, открывая ряд ровных белоснежных зубов. Он так радуется жизни, так красиво, свободно смеется. Наверное, он не знает, как обжигает огонь безответной любви.

– Так я права? Ты действительно журналист?

– Да, действительно, – Мурат пригладил рукой свои густые непослушные волосы, а я почувствовала легкое головокружение.

– Пожалуй, я вернусь в свою палату. Голова что-то снова разболелась. Спасибо тебе еще раз. Увидимся!

Только прилегла, ко мне в палату зашел врач-араб в сияющем белом халате, за ним – Мадина. Врач подсел к моей постели, посветил в глаза лучом какого-то прибора.

– Как ты себя чувствуешь? – переводила Мадина, успевая и за мной и за доктором.

– Все хорошо. Надеюсь, со мной ничего страшного. Верно?

– Через пару дней можно будет выписывать. А если переживаешь, что не успеешь осмотреть все достопримечательности, я подарю тебе книгу о нашей стране! – Доктор дождался, пока Мадина переведет его слова, улыбнулся, утвердительно качнув головой, и вышел.

Мы с подружкой остались наедине.

– Здесь очень хорошие врачи, – заметила Мадина.

– Вижу. Приятные люди...

– А того парня послезавтра выписывают. – В этот раз подруга посмотрела на меня не без лукавства.

– Ну и хорошо. Если бы не он, меня бы здесь не было, – сказала я, а в сердцах подумала: «Какого черта ему было меня спасать!»

Тут дверь в палату открылась снова, заглянула высокая смуглая девушка, что-то сказала Мадине по-арабски. Подруга вопросительно посмотрела на меня.

– Говорит, к тебе гости. Выйдешь или сюда пригласить?

– Конечно, выйду. Лежа, что ли, принимать гостей! – возмутилась я. – Кто бы это мог быть?

– Я посмотрю, если хочешь...

– Посмотри.

Через минуту Мадина вернулась.

– Они говорят, что ты их знаешь. По-моему, они всей семьей пришли. Старший представился Казбеком.

– А-а! Это мои знакомые! Иду-иду...

Казбек стоял в дверях и приветливо махал мне рукой. За ним, чтобы увидеть меня, привставала на цыпочках Сатаней. Блан и Дыгъэ стояли рядом.

– Девочка наша, – начал Казбек, как только я подошла к ним, – разве для этого ты приехала в Иорданию! Как ты нас напугала! Как же это произошло? – Казбек погладил меня по голове. Остальные, каждый в свою очередь, подходили, обнимали, прижимая к себе, как будто мы сто лет были знакомы. Я попыталась объяснить:

– И сама не знаю. Задумалась и вышла на проезжую часть. Водитель не виноват, это все моя невнимательность.

– Беда чуть не настигла нас! Как же мы отпустили тебя в тот вечер?! Нужно было настоять, чтобы осталась ночевать, тогда бы всего этого не случилось, – причитала Дыгъэ.

– Прошу вас, не надо так переживать, все же обошлось. Послезавтра меня выписывают...

– А мы думали, вместе поедем на пикник. Покажем тебе самые красивые, заповедные места. – Блан говорил с досадой. – Как теперь быть?

– Ничего, братец, в следующий раз пылинки сдувать будем, – Сатаней обняла меня, поцеловала в щеку.

– Вы такие приятные, сердечные люди. Мне так повезло, что я познакомилась с вами.

Дыгъэ протянула мне большой пакет.

– Я не очень доверяю больничной еде, так что принесла тебе немного домашней. Ешь, пока не остыло.

Когда, расспросив и поговорив обо всем на свете, они собрались уходить, Блан как-то странно засуетился, и я поняла: он хочет мне что-то сказать. Мы отошли от остальных на несколько шагов.

– Я тут кое-что разузнал... – начал он, и у меня чуть сердце не выскочило от этих слов. – Короче, Умара сейчас нет в стране. Он в Сирии, записывает новый альбом. Недели две будет там.

– Неправда! – вцепилась я в него грозным и обиженным взглядом.

– Как неправда? Я сам был у них, специально, чтобы узнать. Это мне его отец сказал. А он врать не будет. И вообще, с чего ты взяла, что это неправда?

– Я его утром видела, рядом с отелем! – выпалила я, при этом предусмотрительно утаив, что чуть не попала под машину, засмотревшись именно на него.

– Послушай, он часто бывает в Сирии по делам. Там хорошие музыканты и отличная студия звукозаписи. Я точно знаю, что тем утром ты никак не могла видеть его в городе.

– Кого же я видела?!

– Я не знаю, кого ты приняла за него, но это точно не Умар! Ладно, Тамара, я побегу. Еще увидимся!

Как я могла ошибиться? Но ведь если это был не Умар, значит, у меня еще есть надежда! Я ведь еще не знаю, почему он меня оставил. Может, он все еще любит меня? Не сейчас, так встретимся в другой раз. Или он сам ко мне приедет, если я все-таки ему не безразлична. А может, позвонить ему?.. Достать номер телефона... Но, с другой стороны, у него же есть мой номер. Почему он не хочет звонить? Кто я, в конце концов?! Разве я не черкешенка, разве у меня нет гордости?! Как я могла так низко опуститься! Поехать на край света за мужчиной, который даже не удосужился объясниться. Зачем я перешагнула через свою гордость, самолюбие?! Зачем я так унижаюсь?!

Проведя в этой стране две недели, так ничего и не добившись, я вернулась домой с твердым намерением: успокоиться и жить дальше. Об Умаре больше не думать. Решение было принято, но что-то подсказывало мне, что история эта с продолжением...

Перевод Л. Местича

Мухадин КИШЕВ

ВЕРНИТЕ ХУДСОВЕТЫ¹

В последние годы меня мучают одни и те же мысли: проблема спасения искусства – изобразительного искусства. При посещении выставок во всём мире видишь одно и то же: инсталляции. Инсталляции бывают грамотные, но это – пять процентов от того, что я вижу. Остальное – фокусы. Так же и абстрактные работы. Заходишь в разные академии художеств, художественные институты и колледжи стран Запада – одно и то же – только абстракция. Никакой учёбы уже нет. Вроде бы говоришь им: «Рисуйте!» – но студенты же самостоятельно не будут, да и не могут рисовать, если нет программы. Меня пригласили на экзамен, шёл просмотр дипломных работ в Лондонской академии художеств. Ни одной реалистической дипломной работы там не было! Всё абстракции, все где-то, в чем-то похожи. Они не несли глубокой идеи, мысли. Конечно, всегда есть таланты. Но они живут и развиваются за счет интуиции, природного дара, а не профессиональной школы.

В России всегда была сильная профессиональная школа. Надо отдать должное коммунистам, они уделяли громадное внимание искусству. Художники всегда были обеспечены заказами, работой. Была потрясающая, большая советская школа, хотя запрещали абстракцию, свободное творчество как таковое. Но в реалистическом направлении создавались же хорошие работы. Я вспоминаю зональные, всероссийские, всесоюзные выставки, большие картины, красиво и смело написанные.

Там не было этого проходного двора, как сейчас в том же ЦДХ. Была строгая комиссия, которая, естественно, не пускала абстрактные, свободные работы. Да, в целом профессиональное, интересное искусство было сильнее, чем сейчас. Потому что сейчас все хотят сделать с ходу какую-то мазню, кляксы «под кого-то», вторичную, десятеричную, не имея ни о чём понятия, что-то случайно увидев. Это ни в коем случае нельзя выдавать за абстракцию, вообще за искусство.

Абстракция – самый сложный вид творчества, особый метод художественного мышления. В настоящей абстракции выражаются философские идеи, которым должны соответствовать язык,

¹ Публикуется по стенографической записи Л. В. Гамлицкого.

Мои друзья. II. 2004. Бумага, чернила

профессиональное качество. К сожалению, последние выставки Московского союза художников показывают, что мастера, которые неплохо писали реалистические картины, обратились к абстракции, исключительно следуя моде. Я некоторых хорошо знал раньше, ещё до своего отъезда за границу, и могу сказать: они потеряли то хорошее, что у них было. Они стали не реалистами, не абстракционистами: непонятно для чего они делали свои работы.

И сплошь и рядом в художественных вузах и училищах молодые уже меньше стараются, меньше прилагают усилий в изучении природы, меньше пишут и рисуют. Но это же очень нужно, без этого нельзя! Если ты умеешь виртуозно писать обнажённую натуру, натюрморт и так далее – ты начинаешь постепенно понимать, что этого недостаточно, начинаешь обобщать, переосмысливать, переходить к свободному творчеству. Если я вижу четыре-пять цветков, может быть, мне нужно сделать из них один, которым я что-то скажу зрителю.

Но когда у тебя нет школы, профессионального навыка писать, компоновать, а с годами ты этого не приобрёл – ты не развил свой талант и интуицию, и переходить к абстракции нет смысла. Потому что в абстракции те же задачи: композиция, колорит,

пятно. Именно средства выражения – палочки, квадратики, круги – это не просто круги, они несут некую колоссальную идею, сформулированную цветом, размером – точно так же, как и в реалистическом искусстве.

Посмотрите, что творится в Европе, особенно во Франции: на Монмартре, в некогда знаменитых парижских галереях. Совершенно беспомощная самодеятельность. Никто уже не хочет учиться рисовать. Они потеряли реалистическую школу как первооснову изобразительного искусства, художественного творчества.

Авангардисты начала века – Кандинский, Малевич – профессионально писали и рисовали в реалистической манере. Это своеобразный мост, лестница: от реализма к абстракции. Нельзя с нижней ступеньки сразу залезть на верхнюю, никогда не получится.

Поэтому я очень обеспокоен. Как художник уже в годах, который видел работы очень многих мастеров мира, я утверждаю: пока не поздно, в России надо вернуться к традиции, взять все хорошее, что было даже в коммунистическое время. Стоит задача возродить профессиональную школу. Убедить студентов в необходимости реалистической подготовки, доказать, если надо – заставить! А параллельно пусть ведут творческие поиски, более свободно, чем при социализме.

Но самое главное – нужно вернуть художественные советы. Я совершенно убежден, что без них всё у нас погибнет, как на Западе. Почему? Потому что на Западе висят «шедевры» еще похлеще, чем у нас в ЦДХ. Даже политкорректная западная общественность возмущается: что случилось с искусством?! Где оно?! В Испании, после Всемирной выставки АРКО, вышла статья с вопросом: когда это безобразия закончатся? Куда дели наше высочайшее искусство Испании? Хорошо, хотя и поздно, но начинают задумываться.

Приведу один пример. У нас ещё до такого не додумались, несмотря на сегодняшнюю «свободу» вешать что попало в ЦДХ и в галереях. У меня должна была состояться выставка в Мадриде в центре «Эль Атенео», очень престижном месте, старинном, со своими традициями. Мы с моим менеджером пришли посмотреть залы и увидели работы с предшествующей выставки. «Гвоздем программы» там был двухметровый планшет из фанеры, к которому гвоздем прибит толстый кусок сырого сала. Даже без названия. Жара, все это пахнет, течет на пол...

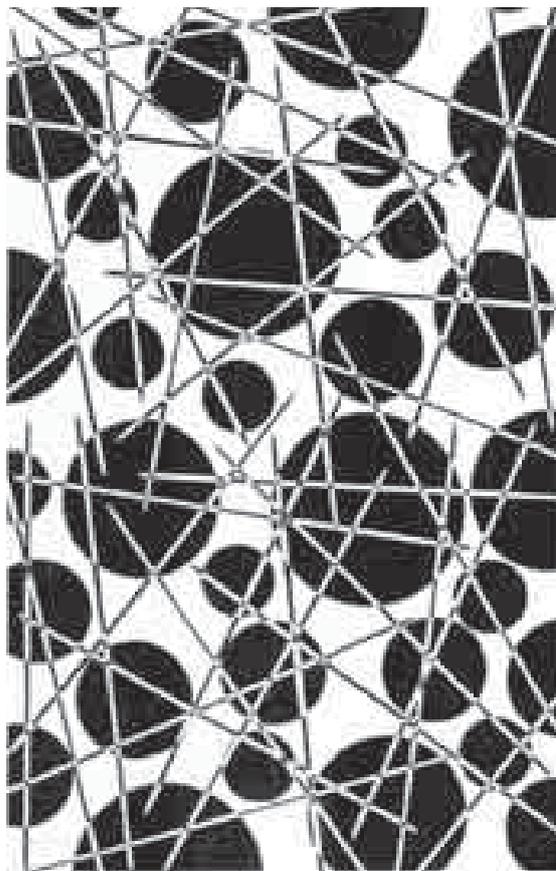
И таких примеров тысячи во всех странах – одно и то же. За исключением редких полотен Пикассо, Миро, Дали, вы-

ставленных на продажу, остальное всё – фокусы. Исключение составляют народные промыслы – африканские, наши, индийские, резьба всякая и т. д. Вот они живут, сохраняются. А профессионального искусства я не вижу, его нет.

Поэтому мне и кажется, что в России должен быть худсовет. Не такой, конечно, как при советской власти, но худсовет не может быть идеальным, как и любое правительство. Могут в худсовете быть и личная неприязнь, и интриги, мы всё это проходили. Но в целом худсовет не пропустит барахло от тех, у кого деньги некуда девать, а он совершенный ноль как художник. За деньги он диктует, имеет славу, каталоги, а талантливые люди, которых и у нас, и на Западе много, оказываются не у дел, они – никто, потому что у них нет денег.

Не то чтобы на Западе нет талантов. Издержки полной свободы – плати и делай все что угодно.

Пять лет назад видел японского художника. Он выпускал тараканов на палитру, а потом они у него бегали по девятиметровому холсту и получилась разноцветная схема метро. Об этом неоднократно говорили на Би-Би-Си, объясняя, что это находка и шедевр.

*Иракская трагедия. 4. 2002.
Бумага, чернила*

О чем это говорит? Сегодня все хотят удивить. Даже какой-то молодой парень во время открытия выставочного центра отрезал себе половой орган. Удивил, ошарашил. Но какое это имеет отношение к талантливому профессиональному художеству? Дешёвая мода уничтожила искусство.

Приведу еще один пример: в галерее Тейт – знаменитейшем центре современного искусства в Лондоне – проводился конкурс молодых художников. Одна девочка перенесла в зал свою комнату: неубранную, с разбросанным нижним бельем, стаканом недопитого пива, какие-то таблетки разбросаны. То есть показала то, чего люди обычно стесняются. И ей присудили первую премию

в 15 000 фунтов. Эту выставку видела английская королева и ничего не сказала, потому что Великобритания считается свободной страной.

Но при якобы свободе, при высочайшем уровне жизни, развитии технологии они полностью уничтожили искусство. В Национальную галерею на Трафальгарской площади вход бесплатный, висят блестящие работы всех выдающихся мастеров мира, а современных художников нет, потому что они сами всё уничтожили такими фокусами,

И так же всё уничтожено и в Германии, и в Бельгии, и во Франции, и в Испании. Везде всё заполнено работами, которыми хотят удивить, но они вызывают только тошноту. И не только у меня.

Люди идут на выставки в надежде что-то увидеть – вдруг появилось новое, свежее в искусстве. Нет. Ещё хуже. Надо гадать, что автор хотел сказать. Я не хочу это видеть. Я профессиональный художник, пятьдесят лет работаю, и даже мне это непонятно. И как это поймет обычный человек?!

Естественно, теперь появились люди, и их много, которые идут на такие выставки не столько увидеть, сколько показать себя. Никто не смотрит выставки. Я наблюдал – идут без остановки. Один английский искусствовед сделал интересный опыт: сколько времени в среднем смотрят на произведения старого и современного искусства. Получилось – где-то пять-десять минут смотрят на старинную картину и шесть секунд на новую – то есть её и не смотрят вовсе. Это тоже о многом говорит.

Я, когда уезжал на Запад, думал: какая свобода, как здорово. У нас пейзажи, натюрморты, больше ничего не увидишь, не говоря уже о многочисленных изображениях Ленина или рабочих с молотами. А сейчас, годы прошли, я насмотрелся этих безобразий. Я не то что вспоминал, скучал по всесоюзным выставкам, я готов был восхищаться любым замызганным, маленьким серым пейзажем, в котором на академической даче какой-нибудь несостоявшийся художник пытается изобразить красоту природы. Мне он кажется честнее и лучше.

Но с другой стороны, если такая ситуация существует, значит, она чем-то обусловлена. Кое-кому это нужно. Есть механизмы протаскивания таких странных персонажей. Я ещё не до конца разобрался в принципах их действий, это очень тонкая вещь. Но без согласия определенной группы богатых людей нельзя попасть, например, в галерею Тейт. В галерее Тейт висят такие вещи, что вздыхает вся Англия и все художники: какие-то маленькие финтифлюшки в громадном зале. А это отбирает

определенная комиссия галереи Тейт. Кстати, своеобразный худсовет. А у нас: приходи в ЦДХ, привези свои произведения, если тебе помогут. Вот это на Западе сорок лет существует.

Сейчас в России получается даже проще, чем на Западе. Группа искусствоведов, критиков определенного толка – парня на руках понесли, сделали выставку, говорят «это большое искусство», и он даже с нашими художниками не разговаривает. В наших частных галереях часто сидят люди, которые не разбираются в искусстве, и это очень опасно.

Вот поэтому уровень искусства должен зависеть от тех, кто в нём разбирается – от профессоров, в первую очередь от Академии художеств, от Союзов художников, от искусствоведов, музейных и не только. Надо сделать общий худсовет, найти деньги, туда привести разных людей: реалистов, авангардистов, абстракционистов, дизайнеров, которые смогут осуществлять контроль в ЦДХ и везде.

Говорят: галереи частные – свобода предпринимательства, свобода культуры. Ерунда! Я частный предприниматель, у меня, допустим, ресторан, много денег. Могу я бесконтрольно вести дела, без налоговой, без санитарной инспекции? Конечно, не могу. И это, так сказать, пицца телесная. А почему галерейщик, художник может всё? Разве здоровье искусства, здоровье культуры, нации не так важны, как еда или качество бензина?

Я не призываю вернуться к жесткой советской системе. Должно быть широкое обсуждение внутри худсовета, его решения должны быть гласны и понятны. Худсовет пусть предлагает своего художника, все пусть предлагают по несколько человек, нужно какую-то зарплату платить членам худсовета. Если кто-то из них какой-либо талант не пускает – поднять вопрос, на то и совет.

Говорят, каждая эпоха имеет то искусство, которое она заслуживает. Не знаю. Когда делают какую-то ерунду – для моды, чтобы удивить, пытаются эмоцию выразить без идеи, без любви – получается, искусства нет. Уехал на Запад, думал, худсоветы, сволочи, загубили нас заказными работами, сделали всех одинаковыми. Но теперь считаю, что нужно возвращаться к этой практике, практике контроля, цензуры, если хотите. Я убежден, если искусство есть, оно должно быть под контролем. Не может быть искусства без контроля.

Может показаться странным, что я – абстракционист, который исповедует свободное творчество, так много говорю о цензуре и реалистической школе. Ничего странного. Я абстракционист, но не против реализма. Работаю в абстракции, не занимаюсь

фокусами, воспринимаю ее через реализм. От души, от сердца – вот, что меня волнует, а не то, что перед выставкой какую-то «кляксу» делать.

Я шел с самого детства через художественные школы, кружок, училище, институт, я изучал искусство шесть лет в Лондоне, во всех центрах, какие были: познавал, что такое абстракция. И сейчас, через пятьдесят лет ежедневного труда, изучения реалистической школы, пришел к очень плодотворной для себя ситуации. На конкурсе членов Европейской Академии художеств я получил золотую медаль за серию об Ираке. Там у меня взрывы, бомбы – будем считать, что это абстракция. А на том же конкурсе в следующем году (2004. – А. Г.) получил вторую золотую медаль за предельно реалистическую работу «Улетающие фламинго». То есть мне и абстракция, и реализм одинаково нравятся. Но оба направления имеют общий исток: реалистическую школу.

Я много лет изучал натуру. Писал красивую осень, этюды, тридцать с лишним лет по два раза в год бывал в Домах творчества, где прекрасную школу прошел, ведь там были лучшие художники России. Убежден, что российский опыт Домов творчества, общения художников, вечеров – это бесценная школа.

Я сам принадлежу к реалистической школе, но ее нужно модернизировать. Необходимо писать многочасовые постановки, но нужно пробовать свои силы в свободных композициях. Неважно, какое направление человек в результате выберет, важно, как он это делает. Должен быть талант. Но когда он будет делать реальную композицию, ему может не хватить умения компоновать или рисунка. Не может человек, ничего не умея, взять холст и написать. Чувство композиции нужно развивать. Реалистическая школа дает возможность думать дальше.

Конечно, реалистическая школа не может быть идеальной. Человек рисует, рисует, цветочек какой-нибудь – цветочек облетел, – и он не может больше рисовать. Так не бывает, это не творчество. Если Шишкин выбирал какое-то дерево, это был Шишкин. Он умел писать.

Реалистическая школа иногда выпускает художников, которых невозможно ничем убедить, что абстракция – это искусство, и он всю жизнь борется с абстракцией, с тем, чего не понимает. Его дело – копировать. Знаю такой случай: один «художник» спилил три дерева, чтобы улучшить пейзаж – по воображению он не мог ничего написать.

Конечно, покупатель как бы сам решает, за кого он. Но ему подсказывают галерейщики, искусствоведы. Среди них попа-

даются люди совершенно без понятия об искусстве. Наоборот, они хотят удивлять людей, быть модными, но если будет общий контроль, современный худсовет, эти силы смогут как-то немного положительно воздействовать. К тому же на наше искусство очень сильно и плохо влияет Запад, плохих распространителей тоже много.

Всё покупается. Читаешь статью – шедевр, а посмотришь работу – нет работы. Это давно присутствует на Западе. Опять же, что требуется: худсовет. Какой-то контроль, общий. Мы вот говорим: Бог над нами всеми. Мы его не видим, но с ним считаемся.

Срочно нужно вести пропаганду в газетах и журналах. Единственная известная передача об искусстве на российском телевидении – «Культурная революция». И то, я как-то попросил Швыдкого поднять проблему современного искусства живописи, он пообещал. До сих пор жду. Неужели государство такое бедное, что об искусстве нельзя сделать одну передачу? Может быть, по аналогии с передачей «К барьеру». Передачи делают о чём угодно, только не об искусстве. Я не хочу видеть пятновыводители, я их не запоминаю.

Искусству нужно учить с детства. Но не нужно делать фабрику художников. Сохранить настоящее искусство могут единицы. Нужны статьи, передачи об искусстве, эту работу нужно вести годами.

Я, может быть, зло говорю, резко. Но наболело, знаете ли. Годами бьешься, мучаешься, чтобы красоту создать, а приходят эти... С фокусами – и какой смысл дальше работать? А ведь столько мыслей, идей! Хочется много сделать. И загадок много, задач, которые настоящие – от искусства, а не от фокусов.

Например, фактура живописи. У меня она везде разная – это школа, которую я годами проходил «в гостях» у старых мастеров, черпал в книгах. Что-то я сам нашел, но остальное – всё школа. Сейчас, когда мне нужно написать реалистическую вещь, я использую разнообразие техники. Сибирская зима очень фактурная, а бабочку нужно делать иначе.

Или краски, колорит. Я очень люблю серебристый день, лунную ночь, яркий закат. Я не оглядываюсь на старых мастеров, хотя знаю их работы, и какая-то часть их, наверное, живет в моих работах, она помогает. Но всё я делаю, как мне хочется, как я люблю. Не копирование, не подражание. Я специально никогда не повторяю работы ни по технике, ни по композиции, ни по колориту, ни по размеру. Для меня главная задача – ни в коем случае не повторять. Я всегда думаю о цвете, о сочета-

емости, это, наверное, самое трудное, и не без интуиции. Есть художники с хорошим рисунком, но колорит не чувствуют.

Я делаю животных не только красивыми, я через них хочу увидеть любовь ребенка и матери, человека и зверя. Это отношение глубокое. Я в них вижу всегда человеческое отношение, не звериное, ни птичье. Хочется делать глубже, кроме отображения красоты природы, тем более в абстракции. Я не делаю специально абстракции. Мне кажется, всё реально.

Есть опасность в реализме: передний план коричневый, средний – холодноватый, задний – синий, это обыкновенная художественная перспектива. Если ты сделаешь крупный передний план, получится фотография. Нужно учиться у старых мастеров. Фотографический прием неприемлем в творчестве, поэтому я не люблю и не делаю планы.

Когда долго работаешь в абстракции, впадаешь в какие-то дебри, можно и заблудиться. Поэтому я стараюсь периодически возвращаться к реалистическим работам. После абстракции – здесь конкретность, лаконичность, броскость. Если я обращаюсь к реальности, я уже не впаду в дробность, без перспективы и светотени. Они взаимно влияют. Рисунок – как ноты. Это не реальность. Например, мое «иракское» произведение. Я всё черное сделал, но разное. Нужно сохранить красоту общей композиции. Человек должен любоваться, а уже потом понимать, что это связано с трагедией.

Когда меня спрашивают, где ваши национальные картины, я отвечаю, что делаю пейзажи Кабардино-Балкарии и прочее. Но дело не в этом. Моя национальность не из-за черкески на мне. Художник должен быть общечеловеческим, а не узко национальным. Национальную тему можно делать для музея в Нальчике. Есть смысл. А общечеловеческие темы нужно делать для всех.

На любую тему можно делать абстракцию. Осень, зиму я делал одними мазками. Я просто нарисую состояние холста. Я взял кусок травы и через него показал состояние земли. Я делал осень через листву и переливы её цвета.

Я так много говорю о своих картинах, своем их видении, потому что среди фокусов пропадает настоящий смысл искусства. Не только у художников, но и у критиков. Вот у меня открылась выставка в Академии художеств. Я много лет за рубежом, не знаю сегодняшних искусствоведов и раньше их знал мало. Сейчас технически не успел с ними связаться. Кто-то что-то сказал. Написали мои короткие высказывания о каждой серии. Рядом с нами оказался человек, критик Слава Лён. Он обрадовал меня, сказав, что я – новое течение XXI века. Я не

хотел «застреть» в искусстве, хотя ничего не понял из его слов. Но приветствовал, что человек ищет что-то новое. Он попросил занести эти его слова в книгу¹, но в дальнейших разговорах я почувствовал, что у него нет определенного взгляда, философского отношения к проблеме. Есть протест непонятно против чего. Я категорически против протестов, против функционеров, которые хотят что-то свергнуть. Я не думаю, что его (Славы Лёна. – А. Г.) слишком горячий, протестующий тон – это конструктивно. Я люблю диалог, я люблю конкретность. Он, может быть, что-то хочет начать, но это начало, я чувствую, ошибочно и мне непонятно.

Я не хочу, чтобы меня куда-то «отнесли». Я работаю от души. Меня вряд ли можно отнести к какому-то стилю, я как дитя, история разберется. Но если критики отзываются о моих работах, они должны точно сказать, что им нравится или не нравится.

Много лет мои абстрактные работы нравятся самым разным людям. Они их хвалят. Но если будет критика, если я сам призываю к конкретному разговору, как я буду обижаться? Эксперимент: я показываю эскизы детям пяти-шести лет, внучкам своим и спрашиваю, что нравится, и прошу пометить сзади. Они отмечают. Потом в разных странах также показываю пожилым, критикам, затем сравниваю, и часто мнения совпадают. Искусство проходит через сердце, никого не обманешь. Хорошее всем и всегда понятно.

---

¹ Имеется в виду каталог выставки: «М. Кишев. Окно в Европу». Российская академия художеств. 4–23 сентября 2005. М., 2005.

В нём содержится следующий текст: «Творческие поиски Кишева в последние годы, по определению Славы Лёна, относятся к новому направлению современного искусства России – ре-цептуализм, который он разработал... Ре-цептуализм – это искусство третьего тысячелетия. Это экзистенциальное искусство: второй рефлексии старого опоязовского лозунга: «Искусство – в быт!». Отсюда – принцип тотальности искусства: мир – это искусство и ничего, кроме искусства...

Ре-Цептуализм утверждает три фундаментальных закона: развитие искусства непреложно; развитие искусства необратимо; искусство, как Бог, бессмертно».

Оставляю эти высказывания на совести автора (Славы Лёна). Относительно существования самого направления ре-цептуализма мне ничего не известно. Однако я совершенно согласен с М. Кишевым, что к его творчеству это направление не имеет никакого отношения. (Прим. А. Гамлицкого).

ОТВАЖНЫЙ КОМАНДИР

Очерк

Изучая различные архивные документы, касающиеся боевой деятельности 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, ее бойцов и командиров, мной было обнаружено около 100 наградных документов, в которых говорится о подвигах, мужестве и героизме, проявленными нашими земляками в Мартыновском районе Ростовской области, Сальских степях и на подступах к Сталинграду. Сегодня, в канун 75-й годовщины ухода национальной дивизии на фронт, я хотел бы рассказать об одном из славных сынов Кабардино-Балкарии, отдавшем свою жизнь за Родину.

Мамиша Хапитович Наурузов родился в 1914 году в селении Нартан Чегемского района КБР. На действительную военную службу в ряды Красной Армии был призван в 1936 году. Службу проходил в 126 и 127 кавалерийских полках на должностях политработника. После демобилизации из армии работал заведующим военным отделом обкома комсомола и председателем республиканского ОСОАВИАХИМА. В 1939 году Мамиша Хапитович стал членом партии большевиков. После начала Великой Отечественной войны он не раз обращался в военкомат с просьбой об отправке его на фронт. В декабре 1941 года Нальчикский ГВК и областная партийная организация направляют Наурузова ответработником в политотдел только что сформированной 115-й национальной кавалерийской дивизии. Бойцы дивизии еще продолжали обучаться военному делу. Опытные командиры готовили артиллеристов, пулеметчиков, связистов, саперов и кавалеристов. В течение короткого времени бойцы дивизии овладели сложными воинскими специальностями.

*Мамиша Хапитович
Наурузов*

Особое внимание во время обучения военному делу уделялось и политической подготовке. Среди тех, кто умело направлял боевую и политическую подготовку воинов кавдивизии, был и политрук М. Наурузов.

После майских праздников дивизия, погрузившись в эшелоны, отправилась на фронт. Прибыв к месту дислокации, командиры и политработники продолжили боевую учебу и подготовку личного состава к предстоящим боям. В этих условиях помощник начальника политотдела по комсомолу политрук М. Наурузов торжественно вручал комсомольские билеты молодым кавалеристам, принятым в ряды ленинского комсомола. Подразделения 115-й кавалерийской дивизии, вступив в бои в районе населенных пунктов Большая Мартыновка, Арбузово, Батлаевская, Крепянка, Курган Лысый и Ново-Николаевская, понесли значительные потери. Героизм и бесстрашие проявили в этих боях бойцы и командиры дивизии.

В книге «Боевая слава Кабардино-Балкарии» об этом говорится: «Противник, используя свое превосходство в танках и самолетах, наседал. Самолеты его беспрерывно бомбили позиции наших войск.

Враг неоднократно предпринимал танковые атаки. Особенно тяжелые бои шли на территории МТС, где отважно дрались с врагом Наурузов, Захаров, Галачиев, Черкесов, Захохов. Смертью храбрых пал Хагажеев, а Блянихов, Пшидугов, Ширитов получили ранения. На следующий день старшему политруку Наурузову пришлось участвовать в ожесточенных боях на территории хутора Ново-Николаевка. Здесь против двух наших танков, прикрывавших 297-й кавполк, противник бросил 50 танков и большое количество солдат. Но наши доблестные воины не испугались численно превосходящего врага. Они дрались храбро и отважно. Всюду, где было тяжело, появлялся Наурузов и своим личным примером воодушевлял бойцов. В том, что наши бойцы с честью выдержали восьмичасовой ожесточенный бой с превосходящими силами противника, немалая заслуга старшего политрука Наурузова. После тяжелых оборонительных боев на территории Н. Сальска, Ремонтного, Валувки, совхоза № 10 сильно истрепанные подразделения 115-й кавдивизии отошли в район Цаган-Нура. Здесь все полки были сведены в один 297-й кавполк, комиссаром которого был назначен Наурузов. 10 августа бойцы 297-го кавполка во время разведки боем уничтожили 125 гитлеровцев, захватили много трофеев. На следующий день они выбили фашистов из совхоза № 10. Неоднократные попытки противника вернуть занимаемые ранее

позиции, были отбиты. Оставив на поле боя танк, три автомашины и много убитых, враг отступил.

В 9 часов утра 22 сентября в районе хутора Деде-Ломин 297-й кавполк перешел в наступление. Бой разгорелся и принимал все более и более ожесточенный характер. Смертью храбрых погибли командир полка капитан Чугунов, боец Мажид Шогенов и другие. Командование полком берет на себя Наурузов. К 12 часам бойцы под командованием Наурузова ворвались в окопы противника. Были пущены в ход штыки и гранаты. В этом бою отличились Мисиров, Бузуртанов, Казанчев, Гызылов, Шогенов, Сабиев, Захохов и другие. От своих боевых друзей не отстал и Мамиша Наурузов».

За проявленные в боях за Деде-Ломин героизм и отвагу, свыше 50 бойцов и командиров 115-й кавдивизии были награждены орденами и медалями СССР. В числе награжденных был и Мамиша Наурузов.

Вот строки из наградного листа: «22.09. 1942 г. во время наступательных действий, тов. Наурузов, ободряя и воодушевляя бойцов и командиров, вел их до рубежа атаки. В момент атаки т. Наурузов с кличем «За Родину, за Сталина!» поднял весь личный состав полка и стремительно атаковал врага, находясь сам впереди. Когда командир полка был убит, тов. Наурузов взял на себя командование и продолжал руководить атакой, при этом проявил исключительную храбрость, мужество и умение бить фашистов, сам лично уничтожил расчет ручного пулемета противника, убил одного унтер-офицера. В разгар боя проявил исключительную заботу в помощи раненым, лично сам оказывал им помощь».

Приказом войскам 51-й Армии № 037/н от 30 сентября 1942 г. М. Х. Наурузов был награжден медалью «За отвагу». Высокая оценка ратного труда в тяжелое для страны время воодушевила нашего земляка на новые подвиги. Мамиша Хапирович и в последующих боях проявит мужество и отвагу, будет идти в атаку впереди своего подразделения, личным примером воодушевляя бойцов и командиров на боевые подвиги. За мужественное поведение в бою, внимательное отношение к каждому бойцу, любовь к Родине и веру в победу над врагом его любили и бойцы и командиры. Будучи заместителем командира 7-го гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона по политчасти, гвардии майор Наурузов, отличившись в боях лета и осени 1943 года, представляется к правительственной награде. «Тов. Наурузов будучи зам. командира дивизиона по политчасти, проделал большую работу по подготовке дивизиона к решающим

боям с немецко-фашистскими захватчиками, в результате чего личный состав дивизиона показал образцы мужества и отваги, высокой боевой выучки. Тов. Наурузов несмотря на то, что эскадроны были приданы частям корпуса, выезжая к месту боевых действий, лично руководил эскадронами, обеспечивая выполнение боевых задач, поставленных командованием, рискуя своей жизнью, тов. Наурузов несмотря ни на какие трудности сумел обеспечить высокий моральный дух и боеспособность частей. За отличное выполнение боевых задач, проявленные мужество и храбрость в боях 78 красноармейцев и офицеров части представлены к правительственной награде». Гвардии майор Наурузов М. Х. приказом войскам 7-го кавалерийского корпуса № 027/н от 03.11.1943 г. награждается орденом Отечественной войны 1-й степени.

В ноябрьских боях 1943 года Мамиша Хапитович вновь отличился и был награжден за то, что «...в должности зам. командира дивизиона по политической части приложил большие усилия в дело политического воспитания бронебойщиков. Несмотря на разбросанность подразделений, тов. Наурузов, не считаясь с трудностями, в любых условиях и в любое время суток выезжал в подразделения и своим личным участием помогал командирам подразделений решать боевые задачи. Правильной постановкой политико-воспитательной работы среди личного состава дивизиона тов. Наурузовым бронебойщики-истребители в боях проявили железную стойкость, мужество и отвагу, что видно по их боевым делам: за период с 11 ноября с/г дивизион в целом уничтожил 25 танков, до 20 автомашин и свыше 400 солдат и офицеров противника. За период боевых операций дивизиона в его рядах не было ни одного случая малодушия, трусости и тем более дезертирства.

Непосредственное участие в боях тов. Наурузова, личный пример мужества и отваги в большинстве случаев решали исход каждой операции в нашу пользу, с большими потерями для врага». Приказом по 7-му кавкорпусу № 033/н от 13 декабря 1943 г. Наурузов М. Х. был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Наступил 1944 год. 12 января в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» была опубликована статья заместителя начальника политотдела гвардейской части гвардии подполковника И. Федорюка. Вот что он пишет о нашем мужественном земляке: «...Одним из решающих источников мощи Советского государства, обеспечивающих достижение полной победы над врагом, является дружба народов нашей страны, которая выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей

против фашистских захватчиков... У всех народов, независимо от национальности и вероисповедания, одни чувства, одно стремление – как можно скорее освободить нашу Родину от фашистских варваров... У русского и украинца, кабардинца и балкарца кипучая ненависть на сердце к фашистским разбойникам, и горячая, не знающая предела любовь к своей Отчизне... В этом письме мы решили рассказать всему народу Кабардино-Балкарии о подвигах сыновей на полях сражений за освобождение братской Белоруссии... С чувством законной гордости можете вы говорить о замечательном сыне своего народа, талантливым, мужественном офицере майоре Наурузове М., который, находясь на фронте... и будучи участником Сталинградской эпопеи, многое сделал по воспитанию благородных качеств у наших воинов. В результате его самоотверженного труда, личного примера в части, где тов. Наурузов является заместителем командира по политчасти, весь личный состав по одному и более раз награждался орденами Советского Союза, а некоторые получили высокое звание Героя Советского Союза.

Заслуги тов. Наурузова достойно оценены. Грудь его украшают ордена и две боевые медали...

Зам. начальника политотдела гвардейской части гвардии подполковник И. Федорюк».

Не только участием в ожесточенных боях и политработой в подразделениях занят Наурузов. Он находит время для общения с земляками из соседних подразделений, делится с ними новостями из родного края. Спешит сообщить на Родину о том, как воюют на фронте наши земляки.

23 февраля 1944 года газета «Социалистическая Кабардино-Балкария» опубликовала статью Мамиши Хапитовича, в которой он пишет: «...Защищая Советскую Украину... воины могучей Красной Армии, армии братства и дружбы народов СССР, представители различных национальностей, но сыны одного великого народа, сражались так же мужественно, как дрались украинцы и белорусы, защищая и освобождая Кабардино-Балкарию...».

Далее рассказывает, как мужественно воюют на фронте представители Кабардино-Балкарии пулеметчик Сарби Пшицуков, гвардии старший лейтенант Мухарби Герандоков, гвардии рядовые Уянаев, Рахаев, Бокаев, Кожаев, Шачев. «...Рассказанные в статье факты достаточно убедительны, чтобы сделать выводы, как воюют на фронте сыны Кабардино-Балкарии.

Мы хорошо знаем, что впереди еще много трудностей и много испытаний.

Но мы твердо и уверенно глядим вперед и в зареве боев видим приближение нашей победы.

В день 26 годовщины Красной Армии мы клянемся своему родному народу, что не будем знать покоя и не будем думать об отдыхе, пока хоть один фашист топчет землю нашей великой Родины.

Гвардии майор Наурузов».

В письме к своему другу Хачиму Исхаковичу Теунову от 6 июня 1944 года Мамиша Хапитович пишет: «Безгранично рад твоим письмам. Как первое, так и второе дали мне узнать о многом и многих. Я теперь в курсе основных событий нашей любимой республики, Хачим! Ты сто раз был прав, когда говорил, что за успех любого земляка мы должны быть рады и горды. У меня всегда было исключительное чувство любви к республике. Каждый успех и достижение радуют меня и воодушевляют на отличное выполнение боевой задачи. Готовимся к будущим боям. Готовим личный состав всесторонне и технически, политически и психологически к предстоящим боям...».

В июле 1944 года мужественный офицер, истинный патриот своей Родины, гвардеец-политработник Мамиша Наурузов представляется к очередной высокой правительственной награде. «При форсировании реки Западный Буг гвардии майор Наурузов невзирая на грозящую опасность в момент, когда переправа первого эшелона была приостановлена сильным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем противника, личным бесстрашием и умелыми действиями воодушевлял бойцов на героические подвиги. Организовал переправу первого эшелона. Благодаря его примеру подразделения первого эшелона были вовремя переправлены и была обеспечена переправа всему полку. В боях на подступах к г. Холм гвардии майор Наурузов находясь в боевых порядках полка, в тот момент, когда противник решил контратаковать во фланг боевые порядки и приостановить их движение, видя предстоящую опасность, немедленно появился в боевых порядках флангового подразделения и, личным примером увлекая за собой бойцов, отбил контратаку.

Противник при этом потерял до двух взводов. Боевая задача, поставленная полку, была выполнена. В бою на западной окраине полка, когда часть попала в танковую засаду, своевременно организовал эвакуацию раненых и своевременное обеспечение полка боеприпасами и продовольствием, чем обеспечил вы-

полнение боевой задачи полком. Во всех боях гвардии майор Наурузов воодушевлял личный состав на героические подвиги и обеспечивал морально-политическое состояние полка. За боевой подвиг, личный героизм, обеспечение морально-политического уровня бойцов и офицеров в бою достоин награждения орденом Красного Знамени».

Приказом войскам 1-го Белорусского фронта № 243/н от 12.09.1944 г. гвардии майор Наурузов был награжден орденом Красного Знамени.

Обращаясь к односельчанам в конце октября 1944 года, Мамиша Хапитович пишет в письме: «Здравствуйтесь, дорогой товарищ Шибзухов Г. А.!

Наша великая Родина – Союз Советских Социалистических Республик – переживает сейчас радостные дни. Героическая Красная Армия, поддерживаемая мужественным тылом, громит врага на всем протяжении Советско-Германского фронта.

Почти полностью очищена вся наша Отчизна от кровожадных немецко-фашистских разбойников. К своему знаменательному дню – Дню Великого Октября – приходим мы с огромными победами, как на фронте, так и в героическом тылу.

Узнав из газетных материалов и через товарищей, что мой родной колхоз в борьбе за богатый военный урожай добился высоких показателей, своевременно и без потерь закончил уборку и досрочно рассчитался с государством, был глубоко рад и воодушевлен на новые боевые дела.

Прошу Вас, тов. Шибзухов, передать колхозникам, колхозницам и интеллигенции селения Нартан мой сердечный боевой гвардейский привет. Передайте также нашим дорогим отцам, матерям, сестрам, братьям и женам, что мы, фронтовики, приложим все усилия, не пожалеем ни сил, ни крови, ни самой жизни для быстрейшего разгрома и окончательного уничтожения немецко-фашистской армии. Одновременно призываем их еще лучше, активнее и смелее принимать участие в работе колхоза. Сделайте так, чтобы наш колхоз «Нартан» снова был лучшим, передовым колхозом республики, чтобы все колхозники и колхозницы нашей славной орденоносной республики завидовали вам, чтобы вся республика говорила: «Работайте и живите так, как нартановцы!». Честь и хвала стахановцам и стахановкам – лучшим людям нашего колхоза. Вперед – за новое процветание, за культурную зажиточную колхозную жизнь.

*С братским приветом, Ваш М. Наурузов.
Полевая почта 30022 В, 23 октября 1944 г.»*

Война приближается к победному концу. наших бойцов и командиров ничто не может остановить. Желание скорее добить фашистов в его же логове влечет воинов Красной Армии вперед. Чувствуя приближение своего неизбежного конца, фашисты ожесточенно сопротивляются. Гибнут бойцы и офицеры, с которыми рука об руку долгих четыре года шел к победе Мамиша.

Он тяжело переживал потерю каждого бойца и командира на заключительном этапе этой войны. Вместе с тем, Мамиша Хапитович находил возможность написать родственникам погибших или раненых воинов. Находил он и слова утешения для матерей и жен погибших, писал о том, как воевал их сын или муж, при каких обстоятельствах погиб, где и когда был похоронен. 1 февраля 1945 года он пишет очередное письмо Хаяиму Теунову.

«Здравья желаю, дорогой Хачим! Вот и проклятая берлога фашистской Германии. Четвертый день, как я вступил в это логово... Смотрю на все то, что немцы бросили, отступая в панике, и среди этого добра вижу богатство всей разграбленной Европы.

У каждого рядового немца имеются вещи, вывезенные из России, Франции, Польши и других стран... Пока ты получишь это письмо, произойдут большие изменения. Обо всем этом ты узнаешь по радио и из газет. Но все же я хочу, чтобы ты знал то, что... такого наступательного порыва, как сейчас, я не видел за все время войны. Каждый воин – рядовой, сержант и офицер – хочет быть первым в Берлине. Дорога наша усеяна трупами и техникой врага так, что тыловые подразделения вынуждены расчищать ее, чтобы проехать в глубь Германии. Выполняя свою освободительную миссию и освободив Польшу, мы пришли в Германию...

Хачим! Мне кажется, что лучше, чем кто-либо, ты понимаешь наше чувство, в частности мое чувство. Ведь почти четыре года я мечтал только об одном – перешагнуть границу Германии... Многие думают и мечтают о своей личной славе, но я почему-то не думаю о ней. Моя заветная мечта – оправдать доверие нашей партии, народа и вернуться к вам, друзьям, с полной победой над врагом. И вот я очень рад, что в этом победоносном наступлении принял практическое участие. Трудно себе представить силу и мощь, наступательный порыв наших войск. Меня, участника многих боев, поражает все то, что я вижу... В общем, И. Эренбург был прав, заявив, что «война родилась в Германии, она там и умрет». Да, действительно, война умрет в Германии, но вместе с ней умрет и сама фашистская Германия... Обнимаю и целую крепко, твой Наурузов». В этот же день в письме к родителям он напишет: «Нахожусь в берлоге врага. Немцы дрожат, чувствуя ответственность за свои злодеяния...»

Заместитель командира по политической части 55-го гвардейского кавалерийского полка 15-й гвардейской кавалерийской Мозырской Краснознаменной дивизии гвардии майор Наурузов «...в боях за город Пабяница 20 января 1945 года проявил личную инициативу и мужество, разбив группировку врага, устроившего засаду в городе, при этом уничтожено до 40 человек убитыми, 5 станковых пулеметов, до 40 винтовок и автоматов». Приказом войскам 1-го Белорусского фронта № 488/н от 05.03.1945 года гвардии майор Наурузов М. Х. награжден еще одним орденом Отечественной войны 1-й степени. Несмотря на то, что Победа близка, тяжелые бои идут под Берлином, Мамиша Хапитович не прячется за спины своих подчиненных, а увлекая их на врага, идет впереди подразделений». Всего 10 дней осталось до падения столицы фашистской Германии – Берлина, когда фашистская пуля оборвала жизнь славного сына Кабардино-Балкарии, героя Великой Отечественной войны Мамиши Хапитовича Наурузова. В заключение хотелось бы привести строки из письма Сахатгери Тлеужева жене Наурузова – Кулюх Локмановне.

«22 июля 1945 года. Здравствуйте уважаемая Кулюх Локмановна! С горячим боевым приветом к Вам Сахатгери Тлеужев.

Получил Ваше письмо 20 июня 1945 года. Вы просите написать подробности гибели Мамиши Хапитовича...

Поверьте, как начну писать или вспоминать о Мамише, так приходится вытирать немало слез. Он любил меня как родного брата. Кулюх Локмановна! Мамиша Хапитович погиб под городом Берлином 21 апреля 1945 года. Похоронен в городе Ланберг. В его похоронах я участвовал.

Похоронен он по всем правилам, с отдаванием воинских почестей ...Без меня его вынесли с поля боя мертвым... в 18 часов 30 минут 21 апреля 1945 года я был уже около его тела... Об извещении. Его давно выслали в райвоенкомат. Выслали также ордена в Ваш адрес. Если не получили, скоро получите.

Родственникам высылают только ордена Отечественной войны. У него были три ордена Отечественной войны, орден Красного Знамени и две медали.

Вот все, что могу пока сообщить о любимом и дорогом товарище – Мамише Наурузове... С искренним уважением, С. Тлеужев».

Память о мужественном сыне Кабардино-Балкарии хранят благодарные потомки. Его именем названы школа-интернат и улица в родном селении Нартан. Его дочь 9 мая с портретом отца вновь примет участие в шествии «Бессмертный полк». Память о герое жива. Мы помним, мы гордимся.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Демьяненко Эдуард Петрович

Подполковник в отставке.

Родился в 1939 году. С 2009 года по настоящее время – помощник начальника Управления МВД России по г.о. Нальчик по работе с ветеранами, председатель Совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск г.о. Нальчик.

За годы службы награжден более чем двадцатью правительственными, ведомственными и общественными наградами, в том числе медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», «Ветеран МВД», «Маршала Жукова», «За мужество и героизм», «За службу России», «За службу на Кавказе» и другими. Также награжден почетными грамотами многих республик и ведомств РФ.

Является членом Союза журналистов России. Лауреат форума «Общественное признание России», лауреат премии имени М. С. Гончаренко – первого председателя Совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск КБР и г. Нальчика.

Внес огромный вклад в дело по пропаганде патриотического, интернационального и нравственного воспитания молодых сотрудников органов внутренних дел и учащейся молодежи Кабардино-Балкарии.

Алексюк Яков Михайлович

Родился в 1939 году в г. Славута Хмельницкой области УССР, где окончил среднюю школу. В 1958 году был призван в Советскую Армию, служил в Южной группе войск. В 1970 году поступил в Северо-Осетинский государственный университет г. Орджоникидзе, который окончил в 1976 году по специальности «Правоведение» (юрист).

В 1965 году перевелся служить в МВД КБР.

Ушел в запас в 1993 г., прослужив в общей сложности 35 лет, в звании полковника. Удостоен правительственных наград.

Мирзоев Залимгери Умар-Бекович

Родился в 1944 году в станице Курсавка Ставропольского края. Окончил Пятигорский государственный институт иностранных языков. Работал в горкоме и обкоме комсомола. Руководил Кабардино-Балкарским отделением Всесоюзного общества «Знание». Был заместителем заведующего отделом пропаганды Кабардино-Балкарского обкома КПСС. В органах МВД КБР с 1983 по 1996 год – заместитель министра – начальник политотдела.

Член Президиума общественной организации ветеранов органов внутренних дел по КБР. Руководитель литературного объединения «Поэты в погонах». Неоднократный лауреат конкурсов и фестивалей поэзии. Автор нескольких сборников стихов.

Касаев Исхак Исмаилович

Родился в 1942 году в г. Карачаевске Ставропольского края. Служил в рядах Советской Армии. Окончил Бакинскую школу милиции, Ростовскую высшую школу МВД и Академию МВД СССР. По образованию – юрист.

В органах внутренних дел с 1969 г. По 1993 год занимал различные начальствующие должности.

Председатель юридической комиссии Совета ветеранов Управления МВД Российской Федерации по г.о. Нальчик.

Лауреат премии имени М. С. Гончаренко – первого председателя Совета ветеранов органов внутренних дел КБР и г.о. Нальчик.

Награжден медалью «Расул Гамзатов».

Барагунов Зубер Исуфович

Майор милиции в отставке.

Родился в 1936 году в селении Урожайное Терского района КБАССР.

Участник Венгерских событий 1956 года. В органах внутренних дел КБР проработал более 30 лет. Был начальником спецкомендатуры МВД г. Тырныауз.

Имеет ряд правительственных, ведомственных и общественных наград.

Является лауреатом премии имени генерал-полковника Б. Т. Шумилина – первого председателя Совета ветеранов ОВД и ВВ России.

Алиев Олег Ибрагимович

Родился в г. Баку в 1938 г. В 1957 г. поступил в Орджоникидзевское военное училище МВД СССР им. С. М. Кирова. По распределению был направлен в г. Новосибирск в дивизию специальных частей ВВ МВД СССР. С 1960 г. и до 1984 г. проходил службу на различных командных должностях – от командира взвода до заместителя командира полка. В 1984 г. в июле был уволен в запас по состоянию здоровья.

На военной службе был награжден орденами и многими медалями.

С ноября 1984 г. до февраля 2015 г. работал в учебном заведении руководителем начальной военной подготовки, преподавателем основ безопасности жизнедеятельности (ОБЖ), инженером по охране труда.

Жабелов Владимир Исхакович

Капитан милиции.

Родился в 1938 г. в селении Кенделен Эльбрусского района КБР.

В марте 1944 г. был репрессирован, реабилитирован в 1956 г. В 1958 г. окончил среднюю школу. В 1958 г. призван в Советскую Армию. Служил в ВМФ на АПЛ. В 1962 г. демобилизовался. В 1964 г. поступил в Бакинскую школу милиции. Работал на разных должностях в органах внутренних дел.

В 1988 г. вышел на пенсию.

Несколько раз избирался депутатом сельского Совета. Депутат Ленинского района г. Нальчика. С 1993 по 1997 г. избирался народным заседателем Нальчикского городского народного суда.

Имеет награды: медаль «Ветеран труда», «За безупречную службу», «50 лет Советской милиции», «За службу России», «90 лет Вооруженным силам РФ».

Кертиев Хабил Хамидович

Старший прапорщик в отставке.

Родился в 1942 г. в сел. Заюково Баксанского района КБР. Служил в рядах Советской Армии. С 1971 г. по 1991 г. проходил службу во внутренних войсках.

Активист Совета ветеранов Управления МВД Российской Федерации по г.о. Нальчик.

Удостоен правительственных наград и Почетных грамот командования.

Лауреат премии имени М. С. Гончаренко – первого председателя Совета ветеранов ОВД и ВВ КБР и г.о. Нальчик.

Награжден медалями: «За безупречную службу», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «70 лет Вооруженных Сил СССР», «200 лет МВД России», «200 лет внутренним войскам МВД России», нагрудным знаком «За отличие в службе».

ХАСАНИ

***

В этом году весна пришла рано, и от высыпавших озорных цветов исходил дружный аромат, носящийся повсюду, будто созывая рой молодых неугомонных пчел. Повсюду раскинулся волшебно манящий образ внезапно возникающих тайн природы, из прежней нашей жизни, где мы с тобой строили причудливые мечты, забывая о странностях мира, где пленительная тревога мерцала одухотворенностью надежд.

Я помню, ты тогда будто пугалась своих возвышенных чувств и старалась закрыть свое сердце девичьими слезами, окрыленными неизвестной судьбой. В такие минуты я пытался сердцем поймать твои дрожащие чувства и поместить их в поющий мир моего душевного простора. Я понимал, что между нами стоял безмолвный порыв сердечного родства, скрывающий тайный трепет волнения. А сердце искало, пытаясь найти в своем смятении силу, которая могла бы преодолеть эту завесу, и боролось со всей своей неисчерпаемой теплотой. Мы тогда не понимали, как может звучать язык прощанья, какими красками окрашена судьба и сколько может сохраниться теплота наших безгрешных душ.

О, непостижимые слезы томящейся любви, вы – как невысыхающие росинки нашей юности, изнемогающие в жертвенном смятении. О, разве все это исчезло, и в муках рожденная любовь осиротела, не успев взрасти?! И разве у нашего счастья есть только прошлое, наподобие увядшего цветка, что ушел в небытие?!

Мне почему-то кажется, что мелодии и краски этой ранней весны были посланницами твоих далеких и грустных песен, что похожи на воздушный поцелуй, легкий и теплый, что – порхая от нашей весны – до сих пор не находит себе душевного приюта, – бедный скиталец любви, что жадно смотрит на каждый вздох поющих сердец под луной.

О, весна, посланница слез и умиления! Ты явилась ко мне, чтобы вновь потревожить мое усталое сердце, чтобы оно ожило, трепетом воспоминания преодолевая угнетающую тишину ночных глубин, лежащих покрывалом на моих осиротевших чувствах.

О, неожиданная и негаданная посланница моей ревнивой юности, ты окружила меня своей безмолвной заботой, и мне кажется, будто каждый твой цветочек смотрит на меня сочувственно и ласково, с пониманием своего значения для моих растревоженных воспоминаний.

О, годы любви и незримая тайна желаний; безмолвие мук; постижение боли...

***

Сеem гроши по базару, где из сплетен шьем узор,
Кто-то купит тихо совесть, кто-то вам продаст позор.
Здесь народ в торгах мужает, учат нас искусству жить,
А над всеми класс имущий смотрит гордо, как дозор.

***

Так живем, народ с народом, в куль копеечки кладем
И плетем из байки чудо, будто торг с собой ведем.
Но однажды мы увидим, что из байки мы сплели
И откуда с этой байкой, и куда мы с ней идем.

***

Поднимаюсь по ступеням в звездный мир, где все как храм,
В храме борются безмолвно свет и тьма, без всяких драм,
А судьба глядит далеко, где и ангел, и палач, –
Охраняя берег жизни по причудливым кругам.

***

В храме неба, у ворот, блудницы толпятся,
А грехи с добром внутри ласково роднятся.
Знать бы, что же ждет их там, в том союзе странном,
Если Бог позволил им без борьбы тягаться.

***

Путь лежит через пустыни, через горы и леса,
Через жизнь, через бессмертье и людские полюса.
Как идти сквозь эти дебри, чтоб вести свой караван,
Где и ныне разноречье, где бунтуют голоса.

***

Так живем в эпохе новой: наша совесть – как тюрьма.
Те, кто быстро преуспели, ввысь воздвигли терема.
А Аллах глядит с улыбкой: кто как может, как живет,
Где под солнцем, как и прежде, все кружится кутерьма.

***

Мой Талмуд – это небо, мой Учитель – Аллах,
Где небесная сфера – беспредельный размах.
О, земное раздолье, где во всем – семена,
Где развешена в ядрах жизнь бессмысленных плах.

ПРЕМИЯ ЗА ПОДБИТЫЙ ТАНК

Очерк

Для Хачима Безрокова днём боевого крещения, когда он впервые в смертельной схватке встретился с врагом лицом к лицу, стал день 8 марта 1942 года. Случилось это недалеко от села Колесниково-Матвеево Курганского района Ростовской области. Село располагалось вблизи реки Миус. Сюда и прибыл миномётный батальон, поднятый по тревоге в начале марта, совершив марш-бросок. Его боевые позиции развернулись в сторону посёлка Колесниково. Тогда же Хачим первый раз ощутил на себе беспощадную мощь бомбовых ударов немецких стервятников. Его первый бой навсегда остался у него в памяти ещё и потому, что миномётчики потеряли в тот день многих своих боевых товарищей.

С первых дней Великой Отечественной войны Хачим Безроков рвался на фронт. С её начала прошло уже почти полгода, а его всё не призывали в армию. И он решает: сам пойду в военкомат и попрошу отправить меня на фронт добровольцем. Вместо этого ему вручили повестки и дали задание срочно разнести их по указанным адресам. Среди этих повесток Хачим с удивлением обнаружил и свою повестку.

Вскоре вместе с другими призывниками его отправляют в Пятигорск. Здесь Безроков проходит недолгую военную подготовку, принимает 12 декабря присягу. В первые дни января Хачим уже в Ростове-на-Дону, где его определяют в миномётный батальон. Отсюда и начались долгие фронтовые дороги молодого воина, полные скорби и печали, перемешанные с радостными событиями, когда всё чаще и чаще удавалось наносить врагу сокрушительные удары и отвоевывать у него пядь за пядью родную землю.

В своих фронтовых записях Хачим Андулахович запечатлел эпизод, который долго отзывался болью в его сердце. Батальон, где он служил, перебросили в середине мая 1942 года под Таганрог. Миномётчики расположились на оборонительном рубеже в районе населенного пункта Курлатское. Неподалёку в селе Самбек, или Самбеково, противник готовился к отражению атаки советских подразделений. Вот что рассказывал Х. Безроков об одном из этих дней:

– Так уж получилось, что в ходе боя наша огневая позиция оказалась на окраине села, во фруктовом саду с разбитым домом. Сад так сильно расцвёл, что иной раз казалось, будто и нет войны. В саду созрели вишни, да такие крупные, что трудно было не поддаваться соблазну, чтобы их покушать. Я вышел из окопа, осторожно подкрался к дереву. С удовольствием наелся ягод и прилег отдохнуть под деревом. В это время подошел ко мне солдат из нашего расчета. Не припомню его фамилию, но имя не забыл. Звали его Ваней. «Что, наелся?» – спрашивает он меня. «Да», – отвечаю ему и, закрыв глаза, продолжаю лежать. И вдруг слышу, как Ваня повалился рядом со мной. Я ему говорю: «Быстро ты наелся». А он молчит. Повернулся к нему, смотрю, а у него по виску бежит кровь. Немецкий снайпер снял солдата. Я его по-пластунски притащил в окоп недалеко от батареи. В этом же саду и похоронили Ивана.

В боях за освобождение Крыма 72-й полк, где воевал Х. Безроков, получил наименование Евпаторийский, отличившись при освобождении города Евпатория. Позже, числа 20 апреля, полк приблизился к Севастополю. Немцы укрепили город железобетонными оборонительными полосами. «Мы заняли высоту и установили здесь минометы, – вспоминал Хачим Андудлахович, – перед нами раскинулась большая балка с устрашающим названием «Балка смерти». Но это нас не остановило. Мы начали штурмовать севастопольские укрепления

и со своим расчетом в числе первых вошли в Севастополь. За освобождение Крыма Х. Безрокова наградили медалью «За отвагу», а Верховный главнокомандующий объявил ему благодарность.

В ноябре Хачим со своими минометчиками впервые ступил на немецкую землю. Им предстояло штурмовать город Тильзит – первый немецкий город, который Безроков увидел своими глазами. В одном из боёв, преодолевая упорное сопротивление противника, минометчики вместе с полком наступали на оборону немцев. Шквальный пулемётный огонь заставил залечь нашу пехоту. Её нещадно поливал из пулемёта хорошо замаскированный танк «Фердинанд». Из-за плохой видимости его не могла достать наша артиллерия. Тогда командир полка приказал минометчикам открыть огонь по танку. Х. Безроков со своим расчетом, выполняя приказ командира, выдвинулся вперед и прицельным огнем из 120-ти мм миномета заставил навсегда замолчать грозную машину.

Довелось Безрокову в составе 2-ой гвардейской армии участвовать и в уничтожении немецкой группы «Север». У городка Вайнеда батарея Безрокова попала в засаду. Но он не растерялся, быстро развернул батарею в боевой порядок, и в коротком бою враг был уничтожен. Однако сам Хачим получил тяжелое ранение в ногу. Случилось это 23 ноября 1944 года. Как ни было ему обидно, но в госпиталь пришлось лечь, где он долго лечился. В марте 1945 года Безрокова откомандировали в 43-й отдельный батальон для выздоравливающих, где он работал секретарем комсомольской организации. Ходил с палочкой, все еще хромя. В этом батальоне Хачим и встретил Великую Победу над фашистской Германией. Домой Х. Безроков вернулся в декабре 1946 года.

К сожалению, война, беззаветно сражавшегося с врагом на пяти фронтах Великой Отечественной, нет среди нас, живущих уже более 70 лет под мирным небом на своей родной земле. И я верю: слава о войне будет жить вечно в памяти народа, взрастившего достойного и отважного сына.

*Салих ЭФЕНДИЕВ,
доктор филологических наук,
профессор*

ВЕНОК ПОЭТУ

Совсем недавно вышла в свет очень интересная монография председателя Совета писателей Калмыкии, народного поэта республики Эрдни Эльдышева – «Венок Давиду Кугультинову». В это издание включены стихи выдающихся поэтов, посвятивших свои стихи Давиду Кугультинову, – Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Михаила Дудина, Ярослава Смелякова, Педера Хузумгая, Юлии Неман, Риммы Ханиновой и многих других.

Давид Кугультинов является национальным гением не только калмыцкого народа, его произведения вошли в мировую классику, его талант принадлежит всему человечеству. Он – человек Планеты. Поэзия Давида Кугультинова звучит как симфония космоса и земли.

Для увековечения памяти Давида Кугультинова многое сделал бывший президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов. К 75-летию поэта он построил ему в самом центре города Элиста большой двухэтажный дом из белого силикатного кирпича (будущий музей) и во дворе – два навеса в восточном стиле. Президент республики в торжественной обстановке сам вручил ключи Давиду Кугультинову. Мы с Хасаном Тхазепловым и с другими приглашенными гостями принимали участие в этом мероприятии. Это поучительный пример того, как надо уважать своих великих людей, национальную гордость. Перед домом – большой участок, около двадцати соток земли. Здесь посажены различные деревья и цветы. Все это выглядит как оранжерея. Так, из Рязанской области, из села Сергея Есенина, привезли белые березы, из Кабардино-Балкарии – голубые ели, плакучие ивы из Узбекистана.

У входа в дом-музей стоит величественный памятник поэту из белого мрамора. Мрамор привезли из Челябинской области. В музее богатейшие уникальные сувениры, которые подарили Давиду Кугультинову, когда он был в зарубежных странах. А также награды, рукописи и книги, подаренные известными поэтами, писателями, учеными и общественно-политическими деятелями не только Советского Союза, но и зарубежных стран.

Руководит музеем племянник поэта, Эдуард. Он сын его младшего брата Владимира. Дом-музей является культурно-историческим комплексом Калмыкии. Ежегодно музей посещает большое количество людей из Российской Федерации, СНГ и ряда зарубежных стран. Музей великого поэта стал священным местом для жителей Калмыкии.

Я часто бываю в Элисте, участвую в межвузовских и международных конференциях. И всегда посещаю дом-музей выдающегося поэта XX века Давида Никитича Кугультинова. Я был с поэтом в очень близких и дружественных отношениях более 40 лет. У меня есть несколько уникальных фотографий великого поэта. Я сохраняю Давида Никитича Кугультинова в своей сердечной памяти как большого патриота, подлинного интернационалиста и выдающегося гуманиста современности.

Давиду Кугультинову также посвятили свои стихи Инна Кашежева, Хасан Тхазеплов, Танзиля Зумакулова, Муталип Беппаев, в том числе и я.

Читателям журнала «Литературная Кабардино-Балкария» будет небезразлично познакомиться с этими материалами.

Салих Эфендиев

ДАВИДУ КУГУЛЬТИНОВУ

Великий сын калмыцкого народа,
Ты был и нашим, песенный Давид,
Печальный отзвук твоего ухода
И в нашем сердце горестно звенит.

Ты воспевал размах степных просторов,
Родных степей апрельскую красу
И в тяжкий час бесправных приговоров,
Когда былинкою качалась на весу

Судьба и твоего, и моего народа...
Ты и в тюрьме не сгинул, не угас,
И в Заполярье твой могучий глас,
Твой мощный стих, крепчая год от года,
Звучал и рос... Для каждого из нас

Ты был примером... Для отца и сына,
Твои стихи читали, как свои.

Ты другом был и братом для Кайсына,
Вы знали цену дружбы и любви!

О, сколько раз, обрядовой привычке
Ты, следуя, душистый наш айран
Из рук балкарки-матери принял...
И сколько раз от матери-калмычки
Кайсын с поклоном принимал чигян!

...Ты больше не приедешь в наши горы,
Они осиротели навсегда,
Твои беседы, размышленья, споры
Хранят деревья, камни и вода...

Когда, Давид, ты уходил из жизни,
Эльбрус двуглавый в черных облаках
Стоял весь день, скорбя на горькой тризне,
Среди вершин – белеющих папах...

Чегемские рыдали водопады,
Смывая боль потоками воды,
И, ни на миг не находя отрады,
Кружили в небе горные орлы.

В твоих степях калмыцкие тюльпаны
Следят, печалясь, за твоей звездой, –
Твоей Планетой Малой, золотой, –
Ей не грозят земные ураганы,
Она навек останется с тобой!

Ты обнимал нас, говорил: «Мы – братья!
Нам под одним высоким небом жить!»
О, как нам дороги те братские объятья,
Мы никогда не сможем их забыть!

*Мухаб БЖЕНИКОВ,
отличник телевидения и радио,
социолог электронных СМИ, публицист*

ЗВУЧАЩЕЕ СЛОВО

Очерк

Среди открытий на рубеже XIX и XX столетий самым гениальным оказалось радио. Родиной этого изобретения является наша страна. 25 апреля (7 мая) 1895 года преподаватель минного офицерского класса в Кронштадте Александр Степанович Попов продемонстрировал на собрании ученых первый в мире аппарат, принимавший электромагнитные волны на значительном расстоянии. Этот день стал днем рождения радио. Заканчивая свой доклад, изобретатель с большой убежденностью произнес слова, которые и сегодня, спустя более 120 лет, характеризуют его как крупного ученого, обладавшего необычайной смелостью идей и умевшего делать далеко (теперь можно утверждать: на века) идущие практические выводы: «Мой прибор, при дальнейшем его усовершенствовании, может быть применен к передаче сигналов на любые расстояния».

Понадобилось чуть более 30 лет с момента первого электро-сигнала, посланного в эфир нашим знаменитым соотечественником, чтобы радио стало распространяться по всей России. Почти все эти годы радио считалось исключительно техническим изобретением. И только в самом начале 20-х годов XX века радио заново было открыто как величайшее средство общения, связывающее народы и страны и умеющее быть собеседником, воздействующим на духовную сферу человека. Справедливости ради надо отметить, что эти свойства, заложенные в специфике радио, первым отметил В. И. Ленин. Под его руководством советское правительство приняло в 1921–1923 гг. ряд декретов и программ о широком радиостроительстве в России и на ее окраинах, таких, как Дагестан, Кабардино-Балкария, Грузия.

У истоков

Открытие Кабардино-Балкарского радио состоялось 1 мая 1927 года. В жизни трудящихся области это явилось историческим событием, на которое были приглашены гости из Москвы, Ростова-на-Дону, Ставрополя и других городов страны. Газета «Советский Юг» писала: «Через горы и равнины Нальчик говорил с аулами и селениями, говорил о том, что народ становится

теперь на широкую дорогу культурной жизни».

С тех пор прошло 90 лет. И все это долгое время на трех языках – кабардинском, балкарском и русском – местное радио каждое утро обращается к народам республики, принося в сердца и души людей одно из самых ценных достояний человека – родной

Из этого здания радио республики выходило в эфир до 1941 года

язык, язык матери. На своем долгом пути радио КБР вместило звуковую летопись республики на изломе 30-х, 40-х, 50-х и последующих годов, вместе с судьбами и деяниями первопроходцев радиовещания. С первых дней работы радиостанции они организовали это уникальное по новизне дело таким образом, что радио полюбили, его слушали, ему доверяли.

Феномен звучащей журналистики

В последнее время становится правилом чуть шире приоткрывать завесу недостаточного знакомства слушателей с организаторами вещания. Здесь имеются в виду оба крыла Кабардино-Балкарского радио: ГУ ВТК «Кабардино-Балкария» и ГТРК «Кабардино-Балкария». Хотя местное радио, функционирующее все годы как единая система и единый организм, было разделено на республиканское и федеральное – оба радио исторически являются правопреемниками нового СМИ, рожденного в Кабардино-Балкарии 90 лет назад. Так вот, если попытаться раскрыть феномен звучащей журналистики, он заключается в том, во-первых, что между организаторами вещания и слушателями стояла и стоит «некая стена». Работников радио слышат, но их не видят, разве что изредка читают о них в газетах и также изредка показывают по телевидению. Психология радиослушателя оказалась в полной предрасположенности к «домысливанию портрета» радиожурналиста, ведущего передачи. В этой невидимости, а только слышимости, в том процессе домысливания и воображения стоящего за «стеной» человека – собеседника, как раз и заключается то «незримое благословление» и та прелесть общения, которые, по словам Анны Ахматовой, несет радио людям. Это незримое благословление долгие годы несли люди высокого класса общения, радиожурналисты, работавшие

Индрис Кажаров и концертная группа радио

главными редакторами, – Раиса Афаунова, Мухамед Кармоков, Эльдар Гуртуев, Ибрагим Нашапигов, Ахмат Созаев, Хасан Кодзоков, Инна Халишхова (Газарова), Сагид Гочияев, Татьяна Ульянова, дикторы Хуж Безрокова, Фатимат Рахаева, Зинаида Семенова, диктор и ведущий Ильяс Созаев, прозванный кабардино-балкарским Левитаном, и многие другие.

В последнее время в республиканской радиожурналистике появилась молодая талантливая поросль, довольно быстро освоившая методы звучащей журналистики. Она заслуживает отдельного разговора. Это Булат Халилов, Ибрагим Хаджиев, Ислам Макоев, Диана Кармокова, Мадина Карданова, Даяна Альбирова. Мы от души говорим им: в добрый путь.

Следующим моментом феномена звучащей журналистики оказалась её способность единовременно охватить миллионы людей и осуществлять заданное коммуникативное воздействие. Разгадка такого влияния волновала умы политологов, психологов, социологов, языковедов. На Западе проводились специальные исследования для выяснения того, что за тайна такая скрыта в природе радиовещания. Интерес к нему чуть ли не дошел до ажиотажа, вызванного обыкновенной радиопостановкой по роману Герберта Уэллса «Война миров». Вся Америка была охвачена паникой (а передача шла в эфир в этой стране), хотя диктор несколько раз объявлял, что это радиопостановка, в реальности войны с марсианами нет и не будет, – но миллионы радиослушателей уже покидали свои города и в спешном порядке уходили в неприступные, по их мнению, места. Такого случая паники в истории нашего радио не было, хотя охват миллионов слушателей на огромной территории выглядит внушительнее,

чем в Америке. В СССР радио было средством массовой пропаганды коммунистической идеологии, и, наряду с печатью, а позже телевидением, оно укрепляло веру массовой аудитории в строительство коммунизма, что в результате оказалось несбыточной мечтой.

Сегодня на республиканском радио работает третье поколение радиожурналистов. Их хорошо знают слушатели. «Стена», стоящая между ними, можно сказать, преодолена: ежедневно в редакции радио приходят люди из самых разных уголков республики. Они дают советы, высказывают пожелания. А есть и такие (их немало), которые преодолевают солидное расстояние, чтобы встретиться и познакомиться с редактором. Опыт нынешних радиожурналистов основательно впитал специфику звучащего слова, природы и языка радиопрессы: не только сообщение, но и общение, не только воздействие, но и взаимодействие.

Концепция круглосуточного радиовещания

Переход на круглосуточное вещание поставил перед коллективом республиканского радио ГУ ВТК «Кабардино-Балкария» новые, усложненные задачи. Они и раньше не были легкими. Но здесь встала необходимость выработки единой системы взглядов трех редакций: кабардинской, балкарской и русской, и подвести под общий знаменатель концепции круглосуточного вещания. К чести коллектива, он без раскачки справился с этой задачей.

Что сегодня является главным для радиожурналистов? Главным было и остается формирование общественного мнения в соответствии с целями и задачами, которые ставит и решает руководство КБР. Четко и слаженно каждое утро на трех языках выходит в эфир главная редакция информации. Вещание строится в пропорциональном сочетании новостных программ, публицистических и других, более сложных жанров, и музыки – в основном песен, национальных наигрышей, фольклора и классики.

Новая концепция вещания отвечает интересам абсолютно большинства слушателей. Однако с переходом радио на круглосуточное FM 99,5 были единичные случаи, когда кто-то из радиослушателей про-

Радио республики ведет трансляцию с 1-го съезда женщин-горянок

Радио сегодня

являл недовольство: радио круглые сутки поет и танцует. Вообще, надо сказать, подобный формат вещания – не выдумка сегодняшних радиожурналистов, он взят из истории радио. С самого зарождения радиовещания (с 1927 г.) развлекательным программам отводилось до 60 про-

центов эфирного времени. Это были выступления народных сказителей, певцов, мелодистов, гармонистов. Журнал «Говорит СССР» отмечал привлечение народных талантов как положительное явление для подготовки слушателей к восприятию более сложных жанров музыки, что мы реально видим сегодня.

Вместе с тем, возросшая популярность круглосуточного радиовещания «подтянула» радиожурналистов: ведь это более высокий уровень ответственности. Надо сказать, что именно с такой позиции они подходят к своей работе. Руководит коллективом республиканского радио в ранге заместителя директора ГУ ВТК «Кабардино-Балкария» Марианна Теуважукова, главными редакторами главных редакций являются Астемир Татроков, Мухтар Ботаев и Татьяна Шидакова. Общим знаменателем этих трех редакций выступает редакция выпуска программ, которую возглавляет главный редактор Нина Богатырева. Этим людям и их коллегам, связавшим свою судьбу с радио, выпало вести круглосуточное радиовещание в многонациональной республике на трех языках. Это не последовательность передач, идущих в эфир одна за другой, а продуманная система воздействия на массовую аудиторию и взаимодействия с ней, имеющая свою стратегию.

Чем привлекает круглосуточное радио слушателей? Умелым сочетанием звучащего слова и музыки – в первую очередь. Эта форма информационно-музыкального вещания зародилась на республиканском радио более четверти века назад. И, представьте себе, слушателям не надоела – наоборот, становится популярнее. Речь идет о ежедневной утренней передаче «Си Къэбэрдей Балъкъэр» («Моя Кабардино-Балкария»). И такая живучесть вполне объяснима. В передачах «Си Къэбэрдей Балъкъэр» находят отражение в разнообразных жанрах и тематике основные

направления социально-экономической и общественной жизни КБР: проблемы развития культуры, сохранение родного языка, образование и учеба молодежи, школьные дела и дела соотечественников. Это является наглядным примером возвращения людей к радио, связь с которым была прервана в 90-х годах с ликвидацией проводного радио. Несмотря на транспортные трудности для выезда радиожурналистов в дальние селения республики, эта связь крепнет с каждым днем. Переход республиканского радио на круглосуточное многонациональное вещание на трех государственных языках КБР массовая аудитория восприняла как благо. Теперь в большинстве случаев журналисты не едут к слушателям – они сами приходят на радио и признаются к нему в любви.

Статус СМИ, права и обязанности журналиста

Статус журналиста произведен от статуса СМИ. Если главное в работе СМИ – доставлять аудитории самую свежую, самую точную информацию обо всем её интересующем, то для журналиста главным является право знать, понимать и делать свое знание и понимание достоянием других. Это положение сопряжено с понятиями «экология информации», «внутренняя цензура» журналиста и его готовность защитить свое, так сказать, информационное пространство от всевозможных «загрязнений», что может привести к перекосам в использовании свободы слова и т. д. Подобные профессиональные установки в практической деятельности большинства работников СМИ КБР реализуются небезуспешно. Тем не менее, стоит проследить, как это происходит в программах круглосуточного радиовещания, не рассматривая в отдельности рубрики и циклы, а выделяя общие закономерности.

Эти закономерности характеризуют основные направления круглосуточного эфира: историческая тематика, культура, сохранение и развитие родного языка, прямой эфир (дискуссионные передачи, рассчитанные на формирование об-

щественного мнения). Воспитание чувств и музыка. В программах, как правило, предусмотрены передачи чисто тематические и передачи журнальной формы, «втягивающие» в себя разные жанры. Назовем некоторые из них: упомянутые выше утренние передачи «Моя Кабардино-Балкария» на кабардинском, балкарском и русском языках, «Макъамэ», «Адыги: история, этикет» (на каб. яз.), новая, но уже полюбившаяся рубрика «Жизнь – кладезь мудрости» (каб. яз.), «Откровенный разговор» (на русском яз.), «Прямой эфир» (на русском яз.) и др.

Опинионика и эффективность радиовещания

Опинионика – наука об общественном мнении. Само словосочетание мелькает в текстах СМИ. Оно знакомо большинству журналистов, и они относятся к нему как к предмету своей профессиональной деятельности, а формирование общественного мнения понимают как свою основную задачу. Но, чего греха таить, встречается немало журналистов, которые рассуждают так: какое там общественное мнение? Все это ученые рассуждения, к делу не относящиеся. Однако эффективность СМИ достигается в основном теми журналистами, редакторами, ведущими программ, которые понимают и используют уникальную возможность СМИ влиять на общественное мнение.

Вообще говоря, почти все программы, публикации, коль они направлены на массовую аудиторию, массовое сознание, так или иначе влияют на общественное мнение. Среди них есть передачи прямого влияния. Не так уж много времени прошло, чтобы не вспомнить жесткое противостояние государственных СМИ КБР и оппозиционной прессы в борьбе за сохранение единства Кабардино-Балкарии. Тогда, «не жалея живота», как говорят, в прямом эфире работали, отстаивая неделимость нашей республики, радиожурналисты Алик Хажикаров, Кадир Хамтуев, Хаджат Махотлова, Майя Мизова, Лида Кудоева, Мария Виндижева и др. Ныне, хоть никакого социального слома в обществе нет, вопросов для прямого эфира и передач, адресуемых на общественное мнение, предостаточно. Практика прямого контакта со слушателями на республиканском радио с каждым днем расширяется, и журналисты, с блестящим мастерством справляющиеся со своей основной задачей – формированием общественного мнения, продолжают трудиться, держа порох сухим. Эту характеристику в первую очередь адресуя двум заслуженным журналистам КБР Татьяне Шидаковой и Ахмеду Мизову.

От музыкального фольклора к симфониям

Еще до открытия Кабардино-Балкарской радиостанции областная газета «Карахалк» обратилась с просьбой к населению, к учащимся, к агрономам, работникам библиотек и других учреждений культуры с просьбой выявить у себя на местах народные таланты: сказителей легенд, преданий, знатоков-исполнителей старинных народных песен и истории их создания, музыкантов, гармонистов – и сообщить о них в комиссию по радиофикации области. Предполагалось сделать отбор людей, обладающих даром народного творчества и музыкального фольклора. В областном Управлении искусства считалось, что музыкальное радиовещание лучше начинать с народных песен, чтобы постепенно готовить слушателей к более сложным жанрам музыки. Здесь уместно привести воспоминания великого советского композитора С. С. Прокофьева, который, находясь в эвакуации в Нальчике в 1941 году, собрался писать квартет на темы кабардинского фольклора, но опасался, поймут ли это местные жители. На это начальник Управления искусств Хату Сагидович Темирканов уверенно сказал: пишите, если сейчас не поймут, потом поймут. Именно так и произошло с музыкальным вещанием на радио Кабардино-Балкарии.

Его организаторы начали с музыкального фольклора, потому что хорошо знали, что, радуясь тому, что теперь мы можем слушать больших композиторов, нельзя тешить себя иллюзиями и проявлять спешку в приобщении тысяч деревенских слушателей к классической музыке. Развитие художественных вкусов сопряжено с глубоким воздействием на сферу эмоциональных переживаний, а это ведет к переделке сознания.

Недавно республиканским радио ГУ ВТК «Кабардино-Балкария» осуществлен новый музыкальный проект «Симфония Кавказа». К 90-м годам прошлого века оставлен позади этап музыкального фольклора в радиовещании, хотя он, наряду с классикой, в программах присутствует. В рамках проекта «Симфония Кавказа» на радио стройным и неповторимым аккордом часто звучат симфонические и другие произведения наших композиторов Хасана Карданова, Мухадина Балова, Джабраила Хаупы, Заура Жирикова, Нихата Османова, Мустафира Жеттеева. В концепции круглосуточного радиовещания ГУ ВТК «Кабардино-Балкария» в части, относящейся к радиомызыке, обозначен тезис, значение которого говорит о многом: искусство, вносимое вещанием в духовную жизнь слушателей – это своеобразный резонатор, который усиливает все лучшее и прекрасное в людях.

Мурадин ОЛЬМЕЗОВ

ИЗНАНКА ТИШИНЫ

Драма в четырёх главах,
в тринадцати частях

Действующие лица:

АЧАН –

благообразный старик со стриженной бородкой.

НАЗИФА –

его жена; опрятная старушка.

ТЕБО –

его сын; самовлюбленный мужчина с приятной внешностью.

МАРО –

его дочь; деловитая женщина с озлобленным сердцем.

АСЛАН –

его зять; добрый человек.

КЕСАМ –

его соседка; рано состарившаяся женщина с трудной судьбой.

КЫЛИП –

сын Кесам; конченный пьяница.

ШАМСА –

жена Тебо; гонористая, склонная к самолюбованию.

КЫДЕН –

сельский дурачок.

АХИЛ –

сын Тебо; студент.

АЙГЮЛЬ –

дочь Маро, ученица 11 класса.

ИНЕССА –

сельчанка, ученица 11 класса.

Действие происходит в одном из горных сел в настоящее время.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Часть первая

Занавес раскрывается.

Добротный сельский дом. Во дворе новый навес, летняя кухня. В комнате на стене висят ковер с орнаментом и молитвенный коврик из козьей шкуры. Посреди комнаты обеденный стол, стулья.

Н а з и ф а, сидя на табуретке во дворе, прядет шерсть. А ч а н обновляет мутовку для айрана. Слышится курлыканье журавлей, постепенно приближающееся.

А ч а н (*оставив работу, смотрит в небо*). Журавли что-то рано прилетели. Видать, хороший год будет.

Н а з и ф а. Дай-то Бог, дай-то Бог. (*Немного помолчав.*) Когда я слышу курлыканье журавлей, будто благодать какая-то на душу нисходит, хочется думать, что они что-то доброе предвещают. Верить, что в мире не будет горя, что все мечты сбудутся.

А ч а н (*улыбаясь*). Мечты, говоришь? Погляди-ка на нее! Все еще восемнадцатилетней себя чувствуешь?

Н а з и ф а. А что, старым и помечтать нельзя?

А ч а н. Мечты стариков – что сон: мигнул – и все исчезло.

Н а з и ф а. Я не о многом мечтаю. Вот сейчас я мечтаю увидеть своих внучат, чтобы они оба вбежали во двор.

А ч а н. Тейри¹, по ним и я очень соскучился. Не странно ли, по внукам скучаешь больше, чем по детям?

Н а з и ф а. Не зря говорят: «Дитя ребенка – слаще меда».

А ч а н. Ахил уже мужчина, благодарение Аллаху, огонь моего очага не погаснет.

Н а з и ф а. Да и Айгюль вытянулась, словно камышинка, убереги ее Аллах от дурного глаза! А как на отца похожа! Говорят, у таких девушек счастливая судьба.

А ч а н. Зато Ахил в нас пошел.

Н а з и ф а. Да сбережет их Аллах, оба они – прекрасные дети. Стыдиться за них не приходится.

Во двор вбегают сельский дурачок К ы д е н.

К ы д е н. Ача! Ача! Что ты стоишь? Не видишь, что твой дом горит?! Смотри, на крыше черный дракон с красным сражается!

А ч а н (*спокойно*). Пускай сражаются, Кыден, устанут – перестанут.

---

¹ *Тейри* – мужская клятва, очень употребительна в разговорной речи.

Н а з и ф а. Зачем ты так говоришь, Кыден? Беду накликаешь! Тоба-тоба¹!

К ы д е н. Ушш, ушш! Чтоб вас обоих орлы растерзали! Ушш!
(*Радостно.*) Ача! Ача! Смотри! Улетают! Улетают!

А ч а н. Ай, молодец! Не будь тебя, пропал бы наш дом!

Н а з и ф а. (*подает Кыдену конфету*). Кыден, бедняжка, на, скушай конфетку.

К ы д е н. Я очень люблю кушать конфеты, Назий!

Н а з и ф а. А я очень люблю угощать тебя. Ешь, бедолага.

К ы д е н уходит радостный. Слышен шум подъехавших машин.

А ч а н. Кажется, наши приехали!

Н а з и ф а (*откладывая в сторону веретено*). Похоже на то.

Во двор входят М а р о, Т е б о, А с л а н, Ш а м с а, А й г ю л ь, А х и л.

А й г ю л ь и А х и л подбегают и обнимают стариков.

Н а з и ф а (*лаская обоих*). Ой, сладкие вы мои! Я по вас до смерти соскучилась.

А й г ю л ь. Я тоже по тебе скучала, бабушка. Но мама не может вырваться с работы, чтобы почаще приезжать.

А х и л (*обнимая Ачана*). Как здоровье, дедушка?

А й г ю л ь. Как ты себя чувствуешь, самый лучший в мире дедушка?

А ч а н (*лаская внуков*). Пока у меня есть вы – все у меня будет хорошо. Как ваша учеба, дети мои?

А й г ю л ь. Прекрасно, дедушка! Собираюсь окончить школу с золотой медалью.

А х и л. И за меня тебе не придется краснеть.

А ч а н. Обрадовали вы меня, да обрадует вас Аллах!

Все радостно здороваются друг с другом.

М а р о. Ання², как ты себя чувствуешь? Меня беспокоит твое здоровье. Может, еще раз врачу покажемся?

Н а з и ф а. Все в порядке, дочка, не волнуйся. Как сама?

М а р о. У меня все хорошо, Ання.

Н а з и ф а. Слава Богу, слава Богу.

Т е б о. А ты как, Аття³, ноги не тревожат?

---

¹ *Тоба-тоба!* – междометие, выражающие недоумение, удивление и т. п.

² *Ання* – (букв. «бабушка») – обращение, которым пользуются не только внуки, но и все остальные члены семьи: дети, снохи, зятья и т.д.

³ *Аття* – (букв. «дедушка»). Употребляется так же, как Ання.

А ч а н. Благодарение Аллаху, сейчас не болят... А ты, Аслан, чем занимаешься?

А с л а н. Ничем, кроме ежедневного хождения на работу.

А ч а н. По нынешним временам это немало – иметь работу.

Ш а м с а. Ання, а вы к нам никак не соберетесь. Приехали бы, погостили немного. В городе много интересного.

Н а з и ф а. Где нам по городам разъезжать... Уедем, а кто за скотиной присмотрит?

Ш а м с а. Ой, и вправду, я и забыла совсем. А так приехали бы, пожили бы немного, порадовали бы нас...

Мужчины в это время беседуют в сторонке.

Зрителям их разговор не слышен.

Н а з и ф а (*Шамсе*). Спасибо, доченька. Доброе слово от чистого сердца – дороже дела. (*Обращаясь ко всем.*) Пойдемте на кухню, проголодались, наверное, с дороги.

М а р о. Не беспокойся, Ання, не так уж долго мы были в пути, чтобы проголодаться.

Н а з и ф а. Знай я, что приедете, приготовила бы хычины со свежим сыром.

Ш а м с а. А это мы сами сейчас быстренько сообразим... Что нам стоит хычины приготовить?

М а р о. Ання, не беспокойся, пожалуйста, мы все с собой привезли.

Ш а м с а. Пойдемте, быстренько накроем на стол.

Н а з и ф а (*Шамсе*). До меня дошли слухи, что ты по ворожеям зачастила, неужели это правда?

Ш а м с а (*бросив злой взгляд на Маро*). Нет, Ання, неправда.

Н а з и ф а. Хорошо, если так. А то я все переживала. Это большой грех.

М а р о (*Шамсе*). Я тут ни при чем. Если бы это шло от меня, я бы ничего не утаила! (*Назифе.*) А ты все не расстанешься со своим веретеном? Ну зачем тебе это? Любые шерстяные вещи прекрасно можно купить на базаре. А если уж совсем не можешь без вязания, давай я хоть нитки тебе готовые привезу.

Н а з и ф а. Да я просто, чтобы без дела не сидеть. Если руки чем-нибудь не заняты, не знаешь, куда их девать. А потом, мне хочется своими руками связать для вас что-нибудь красивое.

А й г ю л ь. Нет в мире другой бабушки, которая умела бы вязать такие красивые узоры. Мне так нравится носить связанное тобой!

Н а з и ф а. Золотце мое, разве я могу связать для тебя не-красиво?

Женщины, за исключением А й г ю л ь, проходят на кухню.

А ч а н. Тебо, ты говорил, что вроде бы собираешься на другую работу переходить?

Т е б о. Собирался... Доходное было место, да, к сожалению, оказалось не про нас.

А ч а н. Почему?!

Т е б о (*поднимает указательный палец вверх*). Дали родственнику высокопоставленного хапуги!

А ч а н. Чтоб им пусто было! Жаль, что так получилось. (*Аслану.*) Ну а ты все на старой работе?

А с л а н. Да. Мне она нравится. Да и зарплата неплохая.

А ч а н. Это хорошо. А вообще, были бы здоровы, а работа и все остальное приложится.

А х и л. Айгюль, пойдём, сходим за нарзаном.

А й г ю л ь (*радостно*). Пойдём! Только маме сейчас скажу.

Уходят.

Во двор входит К ы л и п. Озираясь, он находит под навесом старый пятарожковый подсвечник, хватает его и собирается уходить.

В это время выходит А ч а н.

А ч а н. Куда ты это тащишь, негодник?

К ы л и п. А тебе теперь и ржавую железяку жалко?!

А ч а н. Да ведь это подсвечник моего деда!

К ы л и п. Ну и что? Он у тебя просто так валяется, а мне пригодится.

А ч а н. На что он тебе пригодится, по голове своей стучать?

Входит Т е б о.

К ы л и п. Сахай попросил. Хочет в гостиной у себя повесить... Ачан, прошу, отдай его мне.

Т е б о. Кылип, старинные вещи сейчас в большой цене. А ты сплывишь его за бутылку водки. Так что положи, где был, а на водку я и так тебе дам.

К ы л и п (*ставит подсвечник на место*). С превеликим удовольствием, дай только денег...

Т е б о (*протягивает Кылипу деньги*). На, на бутылку хватит.

А ч а н. Тебо, не давай ему денег: напьется. (*Кылипу.*) И в кого ты такой уродился, бедняга?

К ы л и п. Не я такой, время такое, Ачан!

К ы л и п уходит.

А ч а н. Зря ты дал ему деньги!

Т е б о. Аття, ему сейчас срочно надо выпить.

А ч а н. Грех ведь...

Т е б о. Ты же видел, в каком он состоянии? Да ради выпивки он сейчас на все готов.

А ч а н. Врагу такого не пожелаю.

А й г ю л ь (*из кухни*). Все готово, пойдете перекусим.

Все садятся за стол.

Ш а м с а ставит на стол блюдо с дымящимися хычинами.

Ш а м с а. Пробуйте, пока не остыли.

Н а з и ф а. Давайте, давайте, приступайте.

Т е б о. Разве мы похожи на людей, у которых хычины успевают остыть?! (*Потирает руки.*) Сейчас будем трескать так, что нашему аппетиту позавидует бригада косарей.

А ч а н. Всемилостивый Аллах, благослови нашу пищу. Бисмилляхий.

А ч а н, а за ним и остальные тянутся к блюду.

Т е б о (*Ачану*). Мы с Маро купили для тебя и матери путевки в санаторий. Отдохнете, подлечитесь. Хватит уже вам надрываться.

А ч а н. Спасибо, дети мои. Нам очень приятна ваша забота, но на кого мы оставим скотину? За ней ведь ежедневный уход нужен.

Т е б о (*смотрит на Аслана*). Мы все продумали.

А с л а н. Я возьму отпуск и поживу здесь, пока вы будете отдыхать.

А ч а н (*улыбаясь, смотрит на Назифу*). Что скажешь, дочь Бийсо? Я, пожалуй, соглашусь.

Н а з и ф а. Не могу тебе перечить, но, клянусь Аллахом, мне никуда уходить из дома не хочется. В старости нет ничего милее тепла родного очага.

А ч а н. Я о твоём здоровье пекусь, а так, Аллах свидетель, мне и самому не хочется отлучаться из дому.

М а р о. Ання, ты всегда найдешь какие-нибудь причины. Я же знаю, как у вас обоих неважно со здоровьем.

Ш а м с а. Атя, Ання, мы же вас просим, не огорчайте нас отказом.

Н а з и ф а. Ладно, ладно, будь по вашему.

А с л а н. А о скотине можете не беспокоиться, я за ней присмотрю.

А ч а н. Ну так и быть, уговорили. (*Немного помолчав.*) Дети мои, для меня и для вашей матери это – неожиданный подарок. Вы знаете, что для нас нет ничего приятнее вашего внимания. Дай Аллах вам долгих лет жизни.

М а р о. Клянусь Тебо, для нас самая большая радость – уго-
дить вам.

Н а з и ф а. Да не лишит вас Аллах радости!

Свет гаснет и загорается вновь.

Часть вторая

Вечер. Все, кроме А х и л а, поужинали и сидят, беседуя.

Н а з и ф а. А куда Ахил запропастился?

А й г ю л ь. Ушел, сказал, что ему нужно кое с кем встре-
титься.

Н а з и ф а. Даже не поужинал...

А ч а н. Дети мои, сегодня вы доставили большую радость старикам. Много ли нам уже надо? Лишь бы видеть вас время от времени. Слава Аллаху, мы ни в чем не нуждаемся, вы нам во всем помогаете. Кроме того, скот кое-какой есть, пенсия... Единственное, что нам от вас надо – немного заботы и сердечного тепла. *(Помолчав.)* Вы все, наверное, помните Асана? При живом сыне он остался без ухода, и умер, дойдя до такого состояния, что люди, обмывавшие его после смерти, проклинали его сына. И не только они, все село его проклидало. Такое в наших горах раньше и представить было невозможно. Ногти на руках и ногах отросли на три-четыре сантиметра. Подстричь их было некому, а сам он был не в силах это сделать. Подумайте, разве должно было такое случиться с человеком, родной сын которого жив и здоров? Хотя, не знаю, можно ли назвать его живым? Уехал в город, а немощного отца оставил одного. И не один он такой, есть еще брошенные старики. До чего же мы дошли?! Или, вернее сказать, до чего нас довели?! Почему народ, переживший несравнимо более трудные времена, так очерствел, стал настолько бездушен? Очень надеюсь, что нам не доведется испытать то же, что Асан. *(Немного помолчав, Назифе.)* Вставай, время намаза подошло.

Оба уходят. Ш а м с а присаживается к столу. Тягостное молчание.

М а р о. Надо нам почаще проведывать стариков. Бедный Асан!..

Т е б о. Я знаком с его сыном, он в Вольном Ауле живет.

Ш а м с а. Да лучше бы он помер! Так поступить с родным отцом!

М а р о. наших стариков невозможно уговорить переехать в город.

А й г ю л ь (*утирая слезы*). И что, значит, надо бросать их одних?

М а р о. Конечно, нет! Сын не должен был оставлять отца одного, даже если для этого ему пришлось бы вернуться в село.

А с л а н. Не могу поверить... Как так можно?! Вам всем известно, я рос, не зная, что такое родительское тепло. После возвращения из изгнания, когда жить было невообразимо тяжело, меня приютила сестра матери. И это несмотря на то, что у нее было четверо своих детей. Словами не передать, как я благодарен ей за то, что она не отдала меня в интернат. А ради того, чтобы хоть разок увидеть своих родителей, я и сегодня готов камни на спине таскать!.. Как бессердечны бывают люди!

Т е б о (*Маро*). Надо нам по очереди навещать их раз в неделю.

А й г ю л ь. А почему бы вам обоим не приезжать каждую неделю? Тут два часа езды.

Т е б о. Ты права. Мы слишком беспечны. Надо приезжать почаще.

Пауза.

М а р о. Время позднее, может, на покой?

Т е б о. Да, пожалуй, пора.

Ш а м с а. Что-то Ахил задерживается.

Т е б о. Не беда. Дело молодое, на турбазах молодежи есть чем заняться.

Все, кроме М а р о и А й г ю л ь, уходят.

М а р о (*Айгюль*). Что ты сидишь, доченька, пойдем.

А й г ю л ь (*утирая слезы*). У меня перед глазами стоит этот старый, беспомощный Асан... И мне не понравилось, как дедушка сказал: «Я очень надеюсь, что нам не доведется испытать то же, что Асан». Почему он затеял этот разговор, если вы не даете повода?

М а р о. Доченька, он не нас имел в виду. Сама видишь, как я к ним отношусь: они ни в чем не нуждаются. (*Обнимает Айгюль.*) Рано тебе еще забивать голову такими вещами, мое золотце.

Уходят.

Сцена погружается в темноту и снова освещается.

Часть третья

На следующий день. Все, кроме А х и л а и А й г ю л ь, сидят, беседуя, на кухне.

М а р о. Аття, Ання! Мы с Тебо посоветались и пришли к выводу, что будет лучше, если вы будете жить с нами. Как вы на это смотрите?

А ч а н. Дети мои, понимаю, что вы хотите нам добра, но никуда мы отсюда на старости лет не уедем. Наша жизнь – этот дом.

Н а з и ф а. Отец прав, доченька: куда нам отсюда уходить?

Т е б о. Когда вас нет рядом, мы за вас в постоянной тревоге. А приезжать каждый день у нас нет возможности.

М а р о. Клянусь Тебо, будь вы рядом, было бы легче и нам, и вам.

Т е б о. Сосед мой квартиру продает. Если бы мы смогли ее купить, вы жили бы там припеваючи.

Н а з и ф а (*удивленно*). Ах, Аллах, так вы даже не к себе забрать нас хотите, а по соседству где-то поселить? Тоба-тоба.

М а р о. Ання, опять ты все вкривь и вкось понимаешь. Прекрасно ведь знаешь, в какой тесноте мы живем. Вам же самим будет лучше, если вы будете жить рядом. Поверьте, в городской квартире жить гораздо удобнее, чем в сельском доме.

А ч а н. Удобнее? Нет уж, не смогу я справлять нужду в том же помещении, где живу! Да и потом, я не хочу заживо замуровать себя в четырех стенах. Ни родственников, ни друзей, ни хозяйства... Гарь от машин да люди, не считающие нужным здороваться друг с другом, – вот и все, что есть в вашем городе.

Н а з и ф а. Един Аллах, квартира для меня все равно, что тюрьма. Что это за жизнь, если не можешь утром выйти во двор и покормить своих курочек?

А ч а н. Двор, вот что делает дом – домом. Не иметь своего двора, куда в любой момент могут зайти люди – на что это похоже?!

Ш а м с а. Извините, ради Аллаха, что вмешиваюсь в разговор, но в городе тоже люди живут. И живут не в пример лучше, чем сельчане. Зря вы так отзываетесь о городе.

М а р о. Ведь мы для вашего же блага хотим...

А ч а н. Хотите нам блага – не принуждайте нас покидать наш дом. Каждое утро, вставая на намаз, я хочу видеть перед собой эти горы. Один раз меня уже разлучали с ними, и я еще помню, что я тогда испытал. Тосковал даже по камню, который и сегодня торчит в моем дворе и о который я вечно спотыкаюсь.

Т е б о (*стараясь быть убедительным*). Аття, ты сам видишь, как тяжела стала жизнь. С тех пор, как в стране наступил этот демократический бардак, люди лишились покоя.

Пауза.

А ч а н. Что же ты замолчал? Я слушаю.

Т е б о. Никто не знает, что нас ожидает завтра. А потому надо уже сегодня предпринимать меры, чтобы не оказаться на обочине жизни. (*Немного помолчав.*) Аття, Маро и я давно хотели вам сказать, но все не решались... Мы очень надеемся, что вы нас правильно поймете.

А ч а н. Говори, я слушаю...

Т е б о (*Маро*). Скажи ты. Ты лучше объяснишь.

М а р о. Нет, сам говори.

Т е б о. Хватит уже, начинай, не тяни.

М а р о. В общем, так... Есть один богатый человек, который готов купить наш дом. Аття, если ты согласишься его продать, это будет большой подмогой и для меня, и для Тебо.

А ч а н (*удивленно*). Продать дом?! Дети мои, как вам в голову могло такое прийти?!

Н а з и ф а. О Аллах, так вот почему вы так о нас беспокоились?

М а р о. Ання, ты прекрасно знаешь, что это не так, зачем ты нас обижаешь?

Н а з и ф а. Клянусь Аллахом, это вы нас обижаете.

Т е б о (*рассудительно*). Аття, Ання, раз уж на то пошло, мы все-таки – ваши дети! Нельзя же все время думать только о себе?! Подумайте и о нас!

М а р о. Мы знаем, как вам тяжело будет расстаться с этим домом, но если вы войдете в наше положение, думаю, вы нас поймете.

А ч а н. А раз вы знаете, как это для нас тяжело, не настаивайте. Да и живете вы, по-моему, не так уж и плохо...

Т е б о. Я еще раз говорю: никто не знает, что в этой стране может случиться завтра. А на сегодняшний день здесь у вас земля дороже, чем в городе. И если мы продадим этот дом, то сможем купить для вас квартиру, а для себя открыть магазин.

М а р о. Клянусь Тебо, если не так, то скоро будем перебиваться с хлеба на воду. А со временем, даст Аллах, и частный дом для вас построим.

А ч а н молчит. Входят А х и л и А й г ю л ь.

Ш а м с а. Где вы гуляете до сих пор?!

А х и л. Мало ли здесь мест, чтобы погулять? Любовались красотами родных гор.

Ш а м с а. Вы, наверное, проголодались, садитесь, я подам вам поесть.

А й г ю л ь. Нет, Шамса, мы не голодны. Ахил угостил меня в отличном ресторане.

М а р о. Хорошо, если у него есть деньги на рестораны.

А й г ю л ь. Знаете, сколько у него денег? Полный кошелек!

Т е б о. Полный кошелек?! (Ахилу.) Откуда у тебя деньги?

А х и л (исподтишка показывая Айгюль кулак). Папа, кроме учебы, я занимаюсь еще тем, что пишу рефераты и дипломы для нерадивых студентов. Деньги не проблема, была бы голова на плечах.

А ч а н. Деньги – это хорошо, лишь бы это были честные деньги. Ты правильно делаешь, сынок.

М а р о (продолжая прерванный разговор). Сами видите, уже и дети подросли. Подумайте хотя бы о будущем своих внуков. Что мы сможем им дать при нашем нынешнем положении?

А ч а н. Конечно же, есть доля правды и в ваших словах, но дайте нам умереть в этом доме.

А х и л и А й г ю л ь в недоумении смотрят друг на друга.

М а р о. Аття, может, мы и не самые лучшие дети, но вы не можете сказать, что мы неблагодарны. Мы все понимаем: и как-ково вам было растить нас, и что родительский труд ничем не возместить. Вы очень много сделали для нас, помогите же нам и на этот раз, просим вас.

Т е б о. Если у вас есть возможность улучшить нашу жизнь, неужели вы откажете нам?

А ч а н. Дети мои, не думал я, что вы способны на такое... Да будь даже этот дом из чистого золота! Поймите: мы – не молодые саженцы, которые могут приняться, куда бы их ни посадили. Мы – старые деревья, другая почва нас уже не примет.

А х и л (тревожно). Что здесь происходит?

Т е б о. Вам не обязательно это знать. (Ачану.) Я думал, ты нас поймешь.

А й г ю л ь (недоуменно). Мама, что здесь такое происходит? Почему вы довели бабушку и дедушку до такого состояния?

М а р о. Тебе следовало бы знать, что дети не должны вмешиваться в разговоры взрослых! Уйдите или сидите молча. (Продолжая прерванный разговор.) Мы же не чужие вам, мы – ваши дети!

А ч а н (*обреченно*). Дети, которые ради собственного благополучия готовы лишиться престарелых родителей счастья умереть в собственном доме...

Ш а м с а (*шепчет Тебо*). Слишком уж Маро разошлась, напхни ей, чей это дом и кто может им распоряжаться.

Т е б о (*шепчет Шамсе*). Не торопись. Дай сначала уговорить отца, с Маро разберемся потом.

Ш а м с а. Нет, скажи сейчас!

Т е б о. Угомонись...

Ш а м с а. Ты скажешь ей это сейчас!

Н а з и ф а (*Ачану, со слезами на глазах*). Послушай, дети, наверное, не просто так об этом говорят, сделай, как они просят. Много ли нам уже осталось, проживем как-нибудь...

А ч а н. Что ж ты тогда плачешь?!

Т е б о (*обиженно*). Аття, ты так заставляешь просить себя, будто речь идет о хоромах!

М а р о (*Тебо*). Я говорила тебе, что отец не согласится! А ты только посмеивался! Откроешь теперь магазин!

Т е б о. Маро, я хочу сразу же внести ясность: согласно обычаям, дом должен достаться мне, ты зря возлагаешь на него большие надежды.

М а р о (*удивленно*). Тебо, ты это говоришь серьезно?!

Т е б о (*неуверенно*). Д-да... серьезно. Тебе достанется ровно столько, сколько я дам. (*Уловив злой взгляд Шамсы.*) Если вообще что-то дам.

М а р о. Боже мой, и тебе не стыдно, Тебо?! Тебе, который сутками пропадал на турбазах, меж тем как я чуть не с колыбели засыпала со спицами в руках, ела свою пищу вперемешку с шерстью, делала все, чтобы в этом доме был достаток! А теперь дом должен достаться тебе?!

А ч а н. Ради Аллаха, прекратите!

М а р о. А ты, оказывается, чудовище, братец!

Н а з и ф а. (*плачет*). Дети мои, заклиная молоком, которым я вас вскормила, не разговаривайте так друг с другом. ... О, я несчастная...

А й г ю л ь и А х и л идут и становятся рядом со стариками.

А й г ю л ь. (*горько плачет*). Как вам не стыдно?!

А х и л. Вы хотите воспитывать нас, а как сами обращаетесь с родителями? Перестаньте, пока совсем их не довели!

М а р о. Это не твоего ума дела, Ахил!

Ш а м с а (*Маро*). Оставь моего сына в покое, кричи на свою дочь!

М а р о (*рагьярившись*). Да чтоб твой крик у тебя в горле застрял! Интриганка несчастная, думаешь, я не знаю, что ты всеми силами пытаешься поссорить меня с братом?! Клянусь, Тебо, я тебе космы повыдергиваю!

А ч а н (*сердито*). Я субхан Аллах ¹! Прекратите сейчас же!!

Н а з и ф а (*плачет*). Ах, дети, дети, лучше бы вы приехали на мои похороны!

А ч а н. (*Встает, пораженный до глубины души, обреченно.*) Ни этот дом, ни эта земля никуда от вас не денутся, потерпите немного, не грызитесь... Недолго уже осталось... (*Назифе.*) Вставай, время вечернего намаза подошло.

Т е б о. Аття, такой ценой мне ничего не нужно! Считай, что этого разговора не было.

А ч а н останавливается, собираясь ответить, затем грустно смотрит на Т е б о и уходит.

Сцена погружается в темноту и снова освещается.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Часть четвертая

Время сенокоса. А ч а н сидит во дворе и обстругивает деревянные вилы.

На голове у него войлочная шляпа, за поясом – ножны.

Тут же возится Н а з и ф а.

Входит К ы д е н.

К ы д е н. Назий, когда Маро снова приедет?

Н а з и ф а. Зачем она тебе, Кыден?

К ы д е н. Я хочу жениться на ее дочке. Маро обещала выдать ее за меня, если буду хорошим парнем.

Н а з и ф а. Выдаст, если обещала. А ты стал хорошим парнем?

К ы д е н. Да. Я никогда не буду таким, как Кылип... И таким, как Чымай, не стану.

Н а з и ф а. А Чымай тебе чем не нравится?

К ы д е н. Он жену бьет.

Н а з и ф а. Когда выпьет?

К ы д е н. Нет, он не пьет.

Н а з и ф а. Тогда почему он ее бьет?

---

¹ Я субхан Аллах – (араб. букв.: «О Всемогущий Аллах!») – употребляется для выражения возмущения, удивления.

К ы д е н. Потому что дурак. Да обрушится на дураков скала! (*Внезапно повеселев.*) А знаешь, Назий, я построю для нее хрустальный дворец до небес.

Н а з и ф а. Для кого? Для жены Чымая?

К ы д е н. Да нет! Для дочки Маро!

Н а з и ф а. Ах, да...

К ы д е н. Красивой девушке нужен красивый дом, так ведь, Назий?

Н а з и ф а. Конечно, красивой девушке нужен очень красивый дом.

К ы д е н (*деловито*). Пойду я, не буду терять время!

К ы д е н уходит.

Н а з и ф а (*вслед ему*). Иди, бедняжка, иди. Если есть кто в нашем селе счастливый, то это ты. Никто тебе не завидует, никто тебя не осуждает, никто не обижает, везде тебе рады. Даже собаки на тебя не лают.

А ч а н. Если Тебо не приедет, останемся в этом году без сена. Плохо ли, хорошо ли, до сих пор справлялся сам. Но старость берет свое, теперь мне без помощника не обойтись. (*Немного помолчав.*) Сын Атлы – профессор, тем не менее, каждый год во время сенокоса приезжает помогать отцу. Не гнушается брать в руки косу. А вчера, проезжая мимо меня, остановился, взял у меня косу и, по обычаю, рядок прокосил. Вот что значит воспитанный человек! (*Немного помолчав.*) Честно говоря, дочь Бийсо, я не столько на Тебо обижаюсь, как злюсь на Маро. Знает ведь, как тебе тяжело самой справляться по дому... Стираешь, готовишь... А мне каково на это смотреть?

Н а з и ф а. Так ведь они предлагают переехать к ним, что они могут еще сделать?

А ч а н. Никуда я из этого дома не уйду. Здесь родился, здесь и помру. Так же, как и мой отец. Здесь мои корни. И сын мой должен был жить здесь, со мной. (*Тихо.*) Этот дом должен жить, дочь Бийсо, должен жить!

Н а з и ф а. Конечно, конечно... Оставим этот разговор. Не порть себе настроение... Я пойду с тобой, помогу. Не дай Бог, еще один дождь, и сено испортится.

Откладывает веретено в сторону и встает.

А ч а н. Сядь на место, дочь Бийсо. Ты во дворе-то еле ходишь, как я тебя в горы возьму? (*Тепло улыбается.*) Если помнишь, я тебя и в молодости не заставлял ходить на уборку сена.

Н а з и ф а (*тепло*). Да, ты всегда был чуток ко мне... Ой, совсем забыла, я же через автобус сыр передавала Маро. Позвоню,

предупрежу ее. (*Говорит по мобильному телефону.*) Доченька, я вам опять немножко сыра послала, встретить автобус и забери. Айгуль пошла уже забирать, говоришь? Ах, да... (*Ачану.*) Совсем забыла, что уже с утра звонила. (*Маро.*) Как дела, доченька?.. Как там моя Айгюлька?.. Хорошо, хорошо. А зять вернулся?.. С подарками даже?.. Ладно, доченька, если все хорошо... Отец ваш спрашивается о вас ... На этой неделе сможете приехать? А то мы по Айгюль очень соскучились... Ладно, смотрите сами ...

А ч а н. Значит, и на этой неделе их не будет...

Н а з и ф а тяжело вздыхает.

Ты жизнь готова отдать за детей, а из них ни один не удосужится справиться о здоровье, пока сама не позвонишь.

Н а з и ф а (*защищая детей*). Да я сама не даю им по мне соскучиться – по два раза в день звоню.

А ч а н (*подходит к Назифе*). Дочь Бийсо, зачем ты пытаешься обмануть и меня, и себя? Как это ни тяжело признавать, не смогли мы воспитать детей как следует. Невнимательны они к нам. Мы ночей не спали, чтоб они росли, никому не завидуя, ни в чем не зная недостатка. Дали образование, теперь у обоих дома, семьи. Живут, никого себе ровней не считая... У обоих машины, но они не считают нужным навещать нас хотя бы раз в неделю. Да что там в неделю, раз в месяц и то не приезжают.

Н а з и ф а. Обидели мы их тогда... Насчет дома...

А ч а н. А до этого?! Да и насчет дома, это они нас обидели, а не мы их. И сильно обидели.

Н а з и ф а. Ой, что только нужда не заставит сделать...

А ч а н. Слава Аллаху, они ни в чем особо не нуждаются. Будь это не так, разве я заставил бы себя упрашивать?

Н а з и ф а. Да я-то знаю...

Пауза.

А ч а н. Дочь Бийсо, мне уже перед соседями стыдно... Ты вот все спрашиваешь, почему я перестал ходить на ныгыш¹. А я отмалчиваюсь, чтобы тебя не огорчать. Не хожу же я туда потому, что когда начинают задавать вопросы о детях, мне приходится врать... Но там же не дураки сидят...

По улице проходит К ы д е н, волоча за собой дохлую собаку.

А ч а н. Кыден, куда ты это тащишь?

К ы д е н. На кладбище.

---

¹ *Ныгыш* – место, где собираются и проводят досуг старики села.

А ч а н. Где это ты видел, чтобы собак на кладбище хоронили? На кладбище хоронят людей, Кыден.

К ы д е н. Этот пес был больше человеком, чем его хозяин.

А ч а н. А кто его хозяин?

К ы д е н. Галак Плосконог. Постарел, говорит, никакого от него толку. И выгнал на улицу... А он, бедняга, (*плачет*) и помер от голода.

А ч а н. Да, Галак на такое способен. Чтоб ему!..

К ы д е н собирается уходить.

Кыден, не положено собак хоронить на кладбище, зарой ее на окраине села.

К ы д е н. Я знаю, Ача. Я его похороню на собачьем кладбище. Я всех собак там хороню.

А ч а н. А разве есть собачье кладбище?

К ы д е н. Да, Ача, есть.

А ч а н. Почему же тогда я ничего про него не слышал?

К ы д е н. А я один только знаю, где оно находится.

Уходит.

Н а з и ф а. Какой он сердобольный... Бедняга, у него сердце оголенное, и людское равнодушие ранит его постоянно.

А ч а н. Таким дурачкам, как он, приходится исправлять ошибки таких умников, как мы.

Уходит.

Н а з и ф а (*вздыхает*). О Аллах, кто бы мог подумать, что доживем до такого дня?

Входит К е с а м.

К е с а м. Назифа! Назифа!

Н а з и ф а (*встревоженно*). Что случилось? На тебе лица нет.

К е с а м. Вчера Азнаур пришел выпивший...

Утирает слезы кончиком платка.

Н а з и ф а. Опять?.. Ой-ой-ой-ой-ой!

К е с а м (*плачет*). Аллах Всемилостивый, избавлюсь ли я когда-нибудь от этой напасти? Или и на тот свет мне придется забирать ее с собой?

Н а з и ф а. Не надо, Кесам, не плачь. Постарайся взять себя в руки. Аллах не любит отчаивающихся.

К е с а м (*успокаиваясь*). Веришь ли, Назифа, мне теперь даже ад не страшен: все его муки я уже испытала здесь.

Н а з и ф а. Бедная, чем же мне тебе помочь?

К е с а м. Назифа, даже не знаю, что бы я без тебя делала...

Н а з и ф а. Да что я тебе такого хорошего сделала?

К е с а м. Я знаю, что говорю, Назифа. Оказывается, и брат, и сестра – все пустое... Как изменился мир!

Н а з и ф а. И не говори! Что мы только не испытали: война, изгнание, нужда.. Но никогда прежде люди не были так безучастны друг к другу. Чем труднее жилось, тем лучше они относились друг к другу. А посмотри, что творится сейчас: брат не разговаривает с братом, сестра – с сестрой. Более того, готовы перегрызть друг друга. Миром правят алчность, зависть, корысть.

К е с а м (*немного помолчав*). Да, совести у людей мало стало... Даже люди старшего поколения изменились, а уж о молодежи и говорить нечего.

Н а з и ф а (*насторожившись*). Кесам, о чем это ты?

К е с а м. Ты разве не слышала, какой скандал разгорелся между Хайдаровыми и Эштаровыми?

Н а з и ф а. Нет, клянусь Аллахом, не слышала. А что случилось-то?

К е с а м. Скороспелка-дочка Эштаровых, школьница еще, Инессой, кажется, зовут, загуляла со своим сверстником.

Н а з и ф а. Да что ты?!

К е с а м. Аллах свидетель! Говорят, к ней еще один наркоман из города приезжает. Привозит наркотики, а она их здесь продает. Он и загубил ее.

Н а з и ф а. Как только светопреставление еще не наступило?! Ой-ой-ой-ой-ой! Погубила себя, бедняжка. Но, раз уж такое случилось, надо поженить их.

К е с а м. Со стороны девушки возражений нет, но парень ни в какую. Мне, говорит, не нужна такая «девушка». После этого и поскандалили.

Н а з и ф а. Аллах, Аллах, совесть, честь, обычаи – куда все исчезло?

К е с а м. Мать одна ее воспитывала, без отца. Да, как видно, не справилась...

Пауза.

(*Тяжело вздыхает.*) Я-то, несчастная, кого пытаюсь осуждать?..

Н а з и ф а. Не надо, не терзай себя, все наладится. (*Смотрит в глаза Кесам.*) Кесам, тебе, наверное, опять деньги нужны?

К е с а м. Ох, лучше бы я умерла...

Плачет.

Но к кому мне еще идти, кроме тебя, Назифа? Если я не принесу денег на бутылку, сын меня домой не пустит. Сегодня ночью... я в сарае сегодня ночевала...

Плачет.

Н а з и ф а (*пораженно*). Да что ты говоришь?! Как такое может быть?!

К е с а м. Он стал требовать денег на водку, я собрала последние копейки и отдала. А ночью вернулся выпивший и выгнал меня на улицу. Такая у него привычка, когда не в духе.

Плачет.

Н а з и ф а. Тоба-тоба.

К е с а м. В доме не осталось ни одной приличной вещи, все продал. А больше денег взять неоткуда.

Н а з и ф а. Какой он дом сравнял с землей!.. А твой брат, он не пробовал с ним поговорить?

К е с а м. Что толку говорить с человеком, который пропитался водкой до мозга костей?.. А когда его побили, он вернулся и выместил зло на мне.

Плачет.

Н а з и ф а. О, Аллах, Аллах! Поднять руку на тебя?! На мать, которая кормила его грудью! Кесам, бедная, поэтому ты тогда ходила закутавшись? Надо что-то делать!

К е с а м. Если я пожалуюсь, его арестуют... Но как я могу родного сына отдать в руки милиции? Как?! (*Плачет.*) Ты знаешь, у нас долго детей не было. Когда родился Азнаур, все село делило с нами радость. Отец души в нем не чаял, баловал его больше, чем я, и рос он, ни в чем не нуждаясь. А вот, видишь, чем закончилось.

Н а з и ф а. Аллах свидетель, не знаю, что и сказать.

К е с а м. Назифа, я так тебе благодарна, родной брат не заботится обо мне, как ты... (*Немного помолчав.*) Мне надо купить водку, пока он не проснулся, не то... Ох-ох-охо, зря люди, оказывается, боятся умереть.

Н а з и ф а. Хоть это и грех большой, я дам тебе денег на бутылку. Но ее ненадолго хватит, Кесам...

Уходит.

К е с а м (*в зал*). Клянусь Аллахом, я не боюсь умереть, хоть сегодня готова. Вот только не хочу принять смерть от рук

собственного сына. А так, поверьте – смерть мне будет только в радость...

Входит Назифа.

Назифа. На, возьми.

Кесам (*берет деньги*). Ради Аллаха, не обессудь, вернуть смогу только с пенсии.

Назифа. Ничего страшного, Кесам, вернешь, когда сможешь.

Кесам. Спасибо. Да возблагодарит тебя Аллах, Назифа.

Собирается уходить.

Назифа (*опомнившись*). Вот я глупая, ты же, наверное, помираешь с голоду... Заболтались, и я даже поесть тебе не предложила. Пойдем, покушаешь, я пирожки вкусные приготовила.

Кесам. Нет, нет. Я и так...

Назифа. Даже не думай отказываться! Я не отпущу тебя, пока не поешь. Слава Богу, у нас все есть: и сын, и дочка помогают.

Кесам. Если Азнаур проснется и увидит, что бутылки нет, мне не поздоровится. И так я слишком задержалась.

Назифа. Тогда подожди минутку. Я быстро...

Кесам (*вслед Назифе*). Назифа, ради Бога, мне еще...

Назифа (*обернувшись*). Говори, я слушаю, Кесам.

Кесам. Все ножи наши куда-то подевались... Если есть, дай мне ножик какой-нибудь, а то даже хлеб резать нечем.

Назифа. Ножей у нас много, конечно же, дам.

Назифа торопливо проходит на кухню. **Кесам**, вздрагивая, беззвучно плачет.

Кесам. О Всемилостивый Аллах, не мучь меня больше, прошу, забери мою душу. Мир мой стал тесен и темен, как могила. О, я несчастная! Днями – плачу, ночами – рыдаю! О Аллах, забери мою душу!

Назифа выходит с целлофановым пакетом.

Назифа (*вручая пакет Кесам*). Тут я и немножко мяса положила, поешь, бедная.

Кесам. Назифа, я до смертного часа не забуду твоей доброты.

Назифа. Не стоит благодарности, Кесам, мы же соседи, если что надо, заходи в любое время, не стесняйся.

Кесам. Ладно. Пойду я.

Н а з и ф а. Иди, родная, иди.

К е с а м уходит.

Клянусь Аллахом, какая-то страшная беда надвигается на мир. А то разве могли бы дети так обращаться с родителями? Тоба, тоба... (*Уходя.*) О Аллах, прости нас! О Аллах, спаси нас!

Сцена погружается в темноту и снова освещается.

Часть пятая

На следующий день. Н а з и ф а возится во дворе. А ч а н выходит из дома.

А ч а н. Говорят, Ачахмат сильно болеет, пойду проведу его.

Н а з и ф а. Да, да, сходи, проведай. Я с Кесам уже ходила.

По улице проходит К ы л и п. Он очень плохо выглядит. Заметив А ч а н а, он хочет уйти незамеченным.

А ч а н. Эй, парень, иди-ка сюда!

К ы л и п подходит к А ч а н у.

К ы л и п. Ачан, Аллахом прошу, прости меня. Вчера... Я... это...

А ч а н. Да, вчера ты был не просто «это», ты был очень «это»!

К ы л и п. Может, я что-то обидное тебе сказал?

А ч а н. Сказать не сказал, а вот обидеть – обидел.

К ы л и п. Ачан, даже если ты с меня стружку снимешь, я стерплю...

А ч а н. Конечно, стерпишь. Как-никак я был лучшим другом твоего отца. (*К ы л и п слушает, опустив голову.*) Какой человек был твой отец! А каким парнем был ты сам! Все у тебя было: работа, уважение, семья, сын, машина, хозяйство... Но ты все пропил, пропил даже имя, данное тебе отцом. Если помнишь, тебя звали Азнауром. А теперь ты – Кылип.

Тяжелое молчание.

Азнаур, ты хоть представляешь, до чего ты довел свою мать? Ты выгоняешь ее из дому, кажется, даже поднял на нее руку, несчастный! Подумай над этим, это же уму непостижимо!

Молчание.

Для меня сейчас говорить это – все равно, что кровью блевать. Совсем не об этом хотелось бы мне с тобой говорить. Но ты не оставил мне выбора.

Кылип. Ачан, извини, но убеждать меня, что не надо больше пить – попусту тратить время: водка окончательно одержала надо мной победу. (*Поднимает глаза.*) Думаешь, я не пробовал с ней бороться? Пробовал, и не раз, но – все бесполезно.

Ачан. Я понимаю, это трудно, но ты – мужчина! У тебя есть мать, сын. Подумай о них, об их слезах... Это придаст тебе сил... Это – главное! Все остальное – пустое!

Кылип. Не обижайся, Ачан, но ты просто не понимаешь. Для того, кто сидит внутри меня, нет ни матери, ни ребенка, ни чести, ни совести. Это – дракон! Дракон о семи головах! Проснувшись, все семь голов, изрыгают из пастей огонь, требуя, чтобы я утолил их жажду. У меня закипают мозги, нутро горит, и мне нужно во что бы то ни стало ублажить его!

Ачан. Ничего удивительного, раз ты каждый день напиваешься вдрызг.

Кылип (*горячо*). Да сгинет дом того, кто пьет ради удовольствия! Я пью от безвыходности.

Ачан. Как это понять?

Молчание.

Кылип. Ачан, я спрятал от себя все ножи в доме! Я боюсь протрезветь, потому что начинаю сходиться с ума. (*Долгая пауза.*) Ты думаешь, я ни с того ни с сего выгнал жену с ребенком? Нет, Ачан, я сделал это для их блага, потому что боялся за них. Я много раз просил ее уйти, доказывал, что им не будет жизни со мной. (*Не поднимая головы.*) И в конце концов, она, видимо, меня поняла.

Ачан. Асто фируллах¹! Что ты такое говоришь? (*Немного помолчав.*) А к докторам ты не пробовал обращаться?

Кылип. Куда только ни возила меня жена: и к докторам, и к знахарям...

Пауза.

Я не смог... (*Глубоко вздыхает.*) Ачан, мне никогда уже не стать человеком, я уже переступил черту... Мне нет дороги назад.

Ачан. Азнаур, сынок, обратись к Аллаху, только Он в силах тебе помочь.

Кылип (*грустно улыбается*). Оставь, Ачан, Аллах давно уже отвернулся от меня.

Ачан. Не богохульствуй, Азнаур. Постарайся – победишь своего врага. А малодушие – плохой товарищ, до добра не дове-

---

¹ Асто фируллах! – выражение удивления.

дет. Подумай, даже Амаш смог бросить пить, неужели же ты не сможешь? Возьми себя в руки, попробуй... Вдруг да получится?!

Кылип. Не знаю, Ачан, не знаю...

Назифа приносит чашку с айраном.

Назифа. На, сынок, выпей айрану.

Кылип жадно пьет.

Кылип (*возвращая чашку*). Спасибо, прекрасный айран.
Назифа. На здоровье, сынок.

Уходит.

Кылип (*повернувшись к Ачану, не смея заглянуть ему в глаза*). Бывают ночи, когда я засыпаю, приковав себя цепью к кровати. (*Ачан слушает потрясенный.*) Ты этого не поймешь, Ачан... Никто не поймет, кто сам не испытал!

Ачан (*встревоженно*). Нет никаких сомнений – в тебя вселился джинн!

Кылип. Да, и имя этого джинна – Кылип! Он сбросил Азнаура с престола! Взнуздal и оседлал его! Он теперь повелевает Азнауром! Отныне я сам себе не хозяин! Куда он скажет, туда скачу, что скажет, то и делаю! «Вставай!» – велит мне джинн по имени Кылип. «Подожги свой дом!»; «Задуши свою мать!»; «Прыгни со скалы!». Я не соглашаюсь. Тогда налетает ураганный ветер и хочет сбросить меня с кровати. Я цепляюсь за нее, упираюсь, иной раз так, что кровь из-под ногтей идет! (*Берет себя в руки.*) Потому и привязываю я себя к кровати, Ачан. У меня не осталось сил бороться с ним. Ты был другом моего отца, и я рассказал тебе то, чего никогда никому не рассказывал.

Ачан. Тоба асто фируллах!

Кылип. Многие пытаются поучать меня, не подозревая, что их слова – это соль на открытую рану. Никто из них не в силах, а может, и не хочет заглянуть мне в душу. И правильно делают, ибо там – настоящий ад! (*Немного помолчав.*) А если я дурачусь, то это только потому, что мне так легче, Ачан. Пусть для всех я буду придурком, на которого не стоит тратить слов. Тогда все оставят меня в покое.

Кылип. (*Уходя, оборачивается. Не поднимая головы.*) Ачан, я человек, который хочет и не может умереть... Смерть была бы для меня избавлением.

Ачан. Как ты можешь так говорить?! Опомнись!

Уходят.

Часть шестая

Сумерки. А х и л кого-то ожидает во дворе.
Входит И н е с с а. В ушах – наушники, во рту – жвачка.

А х и л (*затейливо здороваясь с Инессой*). Долго заставляешь себя ждать, милашка.

И н е с с а. Я делала уроки.

А х и л. О, да ты, оказывается, примерная девочка!

И н е с с а. Теперь и ты решил надо мной поиздеваться?!

А х и л. Нет, нет! Я твой друг!

И н е с с а. Чего только мне не пришлось услышать, Ахил. И гуляющая я, и такая, и сякая... Достали до смерти! Не успокоились, пока не пригрозила, что повешусь. Отстали, наконец. Теперь порядок! (*Немного помолчав.*) Как ты думаешь, я правильно сделала?

А х и л (*обнимает ее*). Каких только хитростей не водится в этой маленькой головке. Но все же, Инесса, думаю, не стоит так пугать свою маму.

И н е с с а (*горячится*). В конце концов, какое всем до меня дело?! Я же никого не трогаю! Стая обезьян!

А х и л. Инесса, одного я только не пойму: как ты могла променять меня на этого слизняка?

И н е с с а. А ты думал, что ты будешь развлекаться с городскими вертихвостками, а я здесь по тебе сохнуть буду? (*Бьет его по спине кулачком.*) Не дожدهшься! (*Грустно.*) До меня тогда дошли слухи, что ты с Луизой, вот я со зла и...

Стоит, понурив голову.

А х и л (*удивленно*). А про это ты откуда узнала?

И н е с с а. На свете много людей, у которых есть глаза и чешутся языки. Они мне и донесли незамедлительно, чтоб им пусто было!

А х и л прижимает И н е с с у к себе.

И н е с с а. Нет, нет.

А х и л (*обнимая ее*). Кошечка, мне нельзя говорить «нет», ты же знаешь.

И н е с с а (*высвобождаясь из его объятий*). Ты забыл, зачем я сюда пришла?

А х и л. Нет, милая, не забыл. На, держи. (*Протягивает Инессе пакет.*) Здесь тридцать доз кокаина. Что делать, ты знаешь. Только будь осторожна.

И н е с с а. Не бойся, сплавлю. Клиенты есть.

А х и л опять хочет обнять И н е с с у. И н е с с а вырывается.

А х и л. Инесса, что с тобой случилось?

И н е с с а (*грустно*). Ахил, я думала, что ты меня любишь.

А х и л. Инесса, хочу, чтобы ты знала: я сам себя корю за то, что сделал тогда, накурившись анаши. Если можешь, прости... И что ты только во мне нашла?..

И н е с с а. Я пойду...

А х и л. Позволь хоть проводить тебя.

И н е с с а. Нет. Увидят нас вместе, опять начнут поедом есть.

Уходит. А х и л в глубокой задумчивости смотрит ей вслед.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Часть седьмая

Через некоторое время. А ч а н, одетый по-будничному, куда-то собирается.

Н а з и ф а выходит из кухни с тазиком в руках. Входит К е с а м.

Она выглядит счастливой.

А ч а н. Заходи, будь гостьей, Кесам.

К е с а м. Спасибо, Ачан. (*Назифе.*) Пусть утро будет добрым, Назифа!

Н а з и ф а. Спасибо. Куда это ты спозаранку собралась?

К е с а м (*радостно*). Ачан, да будет доволен тобой Аллах, не знаю, что ты сказал ему, но после разговора с тобой Азнаур так изменился! Сегодня утром, обливаясь слезами, прижал мои руки к своему лицу и попросил прощения. (*Назифе.*) А потом положил голову мне на колени и заплакал навзрыд. А вместе с ним и я... Все до слезинки выплакала... Как ты думаешь, Ачан, он исправится?

А ч а н. Почему бы и нет, Кесам? Сила Аллаха велика. Не было в селе свалки, на которой не валялся бы Амаш, а теперь, сама видишь, стал набожен, все у него есть: дом, семья... И таких случаев немало.

Н а з и ф а. Клянусь Аллахом, Кесам, лучшей новости ты не могла мне принести. Да поможет ему Аллах!

К е с а м. На мое счастье Аллах поселил вас рядом со мной. С такими соседями не нужны ни брат, ни сестра. (*Собираясь уходить.*) Пенсию сегодня получила, вот, должок занесла.

Н а з и ф а (*отказываясь от денег*). Кесам, не надо, оставь себе.

К е с а м. Нет, нет. Сама знаешь, долг – тяжелая ноша... Мясо сейчас в магазине купила, пойду пожарю, а то сынок, наверное, с голоду помирает.

Уходит.

Н а з и ф а. Иди, бедняжка, иди. Да не обманет тебя твое счастье.

А ч а н грустно смотрит вслед К е с а м.

Н а з и ф а проходит на кухню и возвращается с ведром воды.

А ч а н. Дочь Бийсо, ты же еле ходишь, зачем тебе эта вода?

Н а з и ф а. Постирать хотела...

А ч а н. Позвони дочери! Если сама не может, пусть хоть Айгюль приедет!

Н а з и ф а. Да тут совсем немножко, не хотела ее из-за этого беспокоить.

Слышен шум машины.

А ч а н. Кто-то приехал.

Н а з и ф а. Может, наши?

Во двор входят А с л а н и М а р о.

А с л а н. Салам алейкум.

А ч а н. Алейкум салам. Приехали... Бывает, оказывается, и такое...

А с л а н (*немного смутившись*). Надеюсь, живы-здоровы?

А ч а н. Дай Бог тебе здоровья, все в порядке.

М а р о (*обнимает мать*). Как ты, Ання?

Н а з и ф а. Хорошо. Только что вас вспоминали...

А с л а н (*здоровается с Назифой за руку*). Как ты себя чувствуешь после болезни? Оправилась уже?

Н а з и ф а. Да, бегаю уже, хлопочу по дому...

М а р о (*смотрит на тазик*). Что ты собралась делать, Ання?

Н а з и ф а. Хотела постирать немножко.

М а р о. Зачем же тогда я вам стиральную машину покупала? Для красоты? Почему ею не пользуешься?

Н а з и ф а. Да она когда еще сломалась, доченька...

М а р о. Так сказали бы, починить же можно. (*Нехотя.*) Оставь, я постираю. Интересно, а в селе не найдется женщины, которая согласилась бы за деньги стирать? Я бы хорошо заплатила.

Н а з и ф а (*удивленно*). Доченька, ты сама понимаешь, что говоришь? Что потом про нас люди скажут?!

М а р о. А вас только это и интересует: «Что скажут люди?»; «Как народ на это посмотрит?!». Меня совершенно не волнует, что скажет народ! Я хочу делать так, как для меня самой лучше.

А ч а н (*рассудительно*). Дочка, народ, его мнение – вот что делает нас людьми. Его традиции, обычаи. Люди, которые думают только о себе, ничем не лучше обезьян. Для человека, если он действительно человек, нет большей беды, чем презрение народа. Запомни: не будешь считаться с народом – народ не будет считаться с тобой. А это равносильно смерти. (*Немного помолчав, Аслану.*) Извини, мне нужно уйти. Надо мостик починить, прогнившие доски обновить. Пока займи себя чем-нибудь, не скучай.

А с л а н. Я пойду с тобой, помогу.

А ч а н. Ну, пойдём. Кстати, мне кое-что надо тебе сказать.

Уходят.

Н а з и ф а (*дочери, недовольно*). Доченька, а ты, я смотрю, готова своих односельчанок в прислужниц превратить.

М а р о. Если человек получает за свою работу плату, это вполне нормально.

Н а з и ф а. Человек, выполняющий чужую работу – прислуживает ему.

М а р о. Если бедный прислуживает богатому, значит Аллахом так предопределено. Человек получает плату за свою работу, и живет на эти деньги. Почему же тот, кто дает другому возможность заработать, кажется тебе чудовищем?

Н а з и ф а. Если ты лежишь, а служанка подает тебе еду в постель – это нужда ее заставляет. А пользоваться бедственным положением человека и заставлять прислуживать себе – недостойно.

М а р о. Ання, ты совершенно не разбираешься в современной жизни. Сегодня или ты на кого-то работаешь, или работают на тебя.

Н а з и ф а. Я знаю одно: если у тебя руки-ноги целы, не гнушайся никакой работы. Как ты можешь позволить, чтобы еду для твоего ребенка готовил чужой человек? Чтобы его кормил чужой человек? Зачем лишать себя этой радости, нанимая служанку?

М а р о. Ання, с годами ты все больше становишься похожей на отца, переворачиваешь все с ног на голову.

Н а з и ф а. Да нет, доченька, это у тебя нехорошая привычка – сваливать с больной головы на здоровую.

М а р о (*обиженно*). Почему вы оба так ко мне относитесь? Особенно Аття. Разве я не обеспечиваю вас всем необходимым?

Н а з и ф а. Не обижайся на отца, доченька, уж я-то знаю, как он вас любит. Клянусь Аллахом, будь вы соринкой в его глазу, он бы не дотрагивался до глаза. Просто вы редко приезжаете, и мы по вам скучаем.

М а р о. Разве так ведут себя, когда скучают?

Н а з и ф а. Родители так созданы, что всегда скучают по детям. И им очень больно, если дети проявляют к ним равнодушие. А ваш отец вообще не представляет жизни без вас. *(Немного помолчав.)* Доченька, с тех пор, как ты была здесь в последний раз, прошло два месяца.

М а р о *(удивленно)*. Неужели столько?

Н а з и ф а. Два месяца и девять дней, не считая сегодняшнего.

М а р о. Клянусь Тебо, я думала, и двух недель не прошло. Как время летит!

Н а з и ф а. Городская жизнь легка, поэтому и время летит быстро. А у нас иной раз день никак не закончится – столько дел.

М а р о. Ання, вот тут ты права. Как вспомню, как я здесь жила – плакать хочется от жалости к себе. Ни одеться как хочешь, ни поесть чего хочешь... Доить коров и вязать – вот все, что я здесь видела. Удивляюсь, как я еще горб себе не нажила.

Н а з и ф а. Не ты одна, все так жили. И жили, честно говоря, неплохо. Я только теперь это поняла. И ты не права, дочка, у тебя здесь было и что надеть, и что покушать. Благодарение Аллаху, труд твой не пропал даром: и твоя учеба, и нынешнее благосостояние – все это результат того, что ты доила коров и вязала. Все начиналось здесь, в этом доме.

М а р о. Ання, вы с отцом, наверное, думаете, что я сейчас как сыр в масле катаюсь. Из-за того, что салон не мой собственный, а взят в аренду, у меня очень много расходов.

Н а з и ф а. Нет, не думаем, доченька. Уж мы-то знаем, что любая копейка зарабатывается трудом. Но, слава Аллаху, у тебя есть муж, дочка, здоровье. Разве этого мало для счастья?

М а р о. Для меня – мало! Я хочу жить хорошо: иметь большой дом, вкусно есть, красиво одеваться!

Н а з и ф а. Да, доченька, да...

Н а з и ф а уходит. Звонит мобильный телефон **М а р о**.

М а р о. Что случилось, дочка? В кино? С Хасымом? Да, сходи. Да, да... Ты поела? А уроки сделала? Хорошо, доченька, передам. Пока.

Входит **К ы л и п**.

Кылип. Добрый день, Маро!

Маро. Добрый день, Азнаур.

Кылип. Азнаур? Я давно забыл это имя. Теперь меня Кылипом кличут.

Маро. Ты, может, и забыл, но я не забыла. (*Ласково смотрит ему в глаза.*) Нет, ты пока еще Азнаур.

Кылип (*грустно*). Пока еще...

Маро. Да, пока еще поводья у тебя в руках. И пока еще есть возможность остановить скакуна, несущего тебя к пропасти, Азнаур.

Кылип. Сомневаюсь, Маро...

Маро. Первый враг человека – уныние, а самое большое горе для него – малодушие... Азнаур, у тебя нет времени на раздумья, пропасть слишком близка.

Кылип. Знаю... Я много раз пытался это сделать, а теперь даже не знаю – стоит ли? Ничто меня больше здесь не держит.

Маро. Не будь малодушным. А мать? А твой сын?

Кылип (*с повлажневшими глазами*). Мой сынок...

Маро. Да нет, уже не сынок – сын. Скоро ему шестнадцать исполнится.

Кылип (*хватается за голову*). Шестнадцать лет?!

Маро. Твой сын учится с моей дочкой. К тому же, ухаживает за ней. Я не против, пусть ухаживает. Он очень хороший мальчишка. (*Опускает глаза.*) Как я любила тебя, Азнаур! А ты женился на другой. Женился, но жить с ней не смог. Сделал несчастной и ее, и себя.

Кылип. Маро, не рождался еще, наверное, человек глупее меня.

Входит Назифа с веретеном в руках.

Кылип (*Назифе*). Назифа, никак не найду своего котенка. Он не забредал сюда?

Назифа. Нет, сынок, не видела.

Кылип. Как бы собаки его не загрызли.

Маро (*улыбаясь, указывает на котенка на кухне*). Не его ищешь?

Кылип (*радуется, как ребенок*). Да, его! Он только-только ходить начал, как он сюда добрался?

Маро (*смеется*). Только начал ходить, но уже знает, куда надо идти.

Кылип. Надолго приехала?

Маро (*грустно улыбается*). Нет, завтра уедем. Если сегодня не выгонят.

Кылип (*Маро, упавшим голосом*). Я тоже скоро уеду.
Маро (*насторожившись*). Куда?
Кылип. Не знаю, Маро, не знаю...

Уходит, забрав своего котенка.

Маро (*Назифе*). Что это с ним творится?
Назифа (*радостно*). Да ничего, вроде бы пытается человеком стать...

Маро. Нет, я о другом.

Назифа. ... может, и получится у него.

Маро (*сама себе*). Мне очень не понравились его глаза. Они потухшие.

Назифа. Что ты сказала, доченька?

Маро. Так, ничего... Кстати, Тебо тоже сегодня приедет.

Назифа. Счастье-то какое! Хоть бы он Ахила с собой привез. А ты почему не взяла с собой Айгюль?

Маро. Я собиралась, но тетя Аслана попросила отпустить ее к ним, говорит, сильно соскучилась. Я не смогла ей отказать.

Назифа. Не подобает молоденькой девушке ночевать в чужом доме. Пора бы тебе знать это.

Маро. Знаю, но мы с ними – как одна семья, беспокоиться не о чем.

Назифа. Родственники родственниками, но девочку нельзя приучать к этому. Вспомни, я тебя никогда ни у кого не оставляла ночевать, кроме своей родной сестры.

Маро. Я поняла... Ання, а ты, кажется, начинаешь становиться ворчливой?

Назифа (*улыбается*). В старости все становятся ворчливыми. Но поверь, от ворчания матери больше пользы, чем вреда.

Слышен шум машины.

Маро. Вот и Тебо подъехал.

Назифа. Слава Аллаху.

Голос Тебо. Всю дорогу прошу, накинь на голову платок. Сколько можно говорить?!

Голос Шамсы. Достал уже с этим платком?! Сейчас надену!

Входит Ахил.

Ахил (*обнимает Назифу*). Моя любимая бабушка!

Назифа. Ой, внучок мой слаще меда! Я до смерти по тебе скучала.

Ахил. Бабулечка, если бы не учеба, я бы каждую неделю приезжал.

Н а з и ф а. Ладно, ладно. Лишь бы жив-здоров был, а мы уж потерпим...

А х и л (*обнимая Маро*). А где дедушка?

М а р о. Он и Аслан пошли мостик чинить.

А х и л (*собирается уходить*). Пойду к ним.

Н а з и ф а. Не надо, они уже скоро вернуться.

А х и л. Нет, я пойду, соскучился по деду.

Уходит. Входят Т е б о и Ш а м с а.

Т е б о (*обнимает мать*). Как ты, Ання?

Н а з и ф а (*ласкает сына*). Хорошо, сынок. Как сам?

Т е б о. Лучше всех! Как пенка на молоке! (*С любовью смотрит на мать.*) Слава Аллаху, выглядишь неплохо!

Ш а м с а (*Маро*). А, ты уже здесь?

М а р о (*недовольно*). Я-то давно здесь, вот ты где задержалась?

Ш а м с а. Заехали по пути в ювелирный магазин... А оттуда, сама знаешь, так быстро не выйдешь. (*Обнимает Назифу.*) Как здоровье, Ання?

Н а з и ф а. Все хорошо, слава Аллаху.

Ш а м с а. Дай Бог, чтобы все хорошо было.

Входят А ч а н и А с л а н.

А ч а н. О, да тут полон двор гостей.

Т е б о (*здоровается за руку с отцом, затем с Асланом*). А вы, кажется, большое дело сделали?

А с л а н. Большое не большое, а полезное дело сделали.

Т е б о (*Ачану*). Слава Аллаху, и ты неплохо выглядишь!

А ч а н. Здоров, как молодой тур!

Н а з и ф а (*Ачану*). А где Ахила потеряли?

А ч а н. Мы его по пути встретили. Сказал, что уладит кой-какие делишки и вернется.

Н а з и ф а. Наверно, у него здесь зазноба появилась. Как приедет, сразу исчезает до полуночи.

А ч а н. Друзей у него здесь много, соскучился, наверное, по ним. (*Шамсе.*) Как у тебя дела?

Ш а м с а. Хорошо, Аття.

А ч а н. Слава Богу, слава Богу.

А ч а н и Т е б о уходят.

Ш а м с а. Маро, скажи мне, пожалуйста, чем это ты вечно недовольна?

М а р о. О чем ты? Я тебя не понимаю.

Ш а м с а. В том и беда, что не понимаешь... (*Назифе.*) Твоя дочь, как увидит меня, сразу язык начинает распускать. Она, наверно, думает, что у меня нет языка. Но, Аллах свидетель, если я заговорю, ей мало не покажется!

М а р о. Да уж знаем, что у тебя во рту не язык, а змеиное жало. Ладно, сама нас не любишь, но хоть Тебо против нас не настраивай! Вот единственное, чем я недовольна.

Н а з и ф а (*Маро*). Если Тебо ей это позволяет, виноват он, а не она. (*Обеим.*) Успокойтесь, не затевайте ссору на пустом месте.

Уходят.

Сцена погружается в темноту, затем постепенно освещается.

Ч а с т ь   в о с ь м а я

Глубокой ночью. Т е б о выходит во двор и начинает курить, жадно затягиваясь. Видно, что он нервничает.

Т е б о. Эх, дурак ты, Тебо, дурак! Так тебе и надо! Мало тебе разве твердили и мать, и сестра? Но нет же, не послушался, сунул голову в пекло!

Из дома выходит Ш а м с а в накиннутом халатике.

...А ты что не спишь?

Ш а м с а. Заснешь тут с вами! Почему ты не скажешь своей сестрице, чтобы она оставила меня в покое?

Т е б о молча курит.

Что ты молчишь? Язык проглотил?

Т е б о. Что ты хочешь от меня услышать?

Ш а м с а. Угомони свою сестру! Дай ей знать, кто здесь хозяин. Почему она здесь верховодит, когда есть ты?

Т е б о. Ты должна бы уже знать, что я не стану вмешиваться в ваши дела. Разбирайтесь сами.

Ш а м с а. Вот так всегда! Никакой поддержки! Тебе лишь бы в сторонке отсидеться!

Т е б о. Не мужское это дело – в женские дела вмешиваться.

Ш а м с а. Ради Аллаха, не смей меня! С каких пор ты себя мужчиной почувствовал? Сестра собирается оттяпать у тебя твое кровное имущество, а ты не можешь ее на место поставить.

Т е б о. Не беспокойся, без доли я не останусь.

Ш а м с а. Какая доля?! Этот дом – твой! Только твой! Маро здесь не принадлежит ровным счетом ничего! Это-то хоть ты понимаешь?

Т е б о. (*недовольно*). Не понимаю и понимать не собираюсь. И вообще это не твое дело!

Ш а м с а. Я не собираюсь никому уступать то, что принадлежит мне! Думаешь, я молчать буду? Нет уж, не дождешься!

Т е б о. Думай, что говоришь, женщина!

Ш а м с а. Не ори на меня! И запомни: ты очень сильно пожалеешь, если будет не по моему. На улице останешься!

Т е б о. А вот это ты уже зря...

Т е б о смотрит в сторону дома К е с а м.

О Аллах! Там пожар! (*Кричит.*) Аття, Ання, вставайте, дом Кесам горит!

Ш а м с а (*в панике*). Боже мой! Пожар! Аслан! Маро! Вставайте! Боже мой!..

Т е б о бежит к горящему дому.

Г о л о с А ч а н а. Тоба, тоба! Что случилось!

Г о л о с Н а з и ф ы. О Аллах, Аллах! А Кесам сама хоть смогла выбраться из дома?

А ч а н, А с л а н, М а р о, похватав что под руку попало,
бегут к горящему дому.

Н а з и ф а и Ш а м с а остаются во дворе.

Н а з и ф а. Ой, горемычная твоя душа! В какой несчастливый день ты родилась на свет!

Слышен страшный женский крик.

Ш а м с а. Это Кесам кричит. Значит, жива.

Н а з и ф а. Пойду туда. О, Аллах, Аллах!

Ш а м с а. Я здесь останусь. Я до смерти боюсь огня.

Н а з и ф а уходит.

Вся округа сбежалась... Но огонь уже перекинулся на крышу, им не сладить с ним... Как бы этот дурак Тебо не полез, куда не следует, он совершенно не умеет быть осторожным.

Г о л о с М а р о. Азнаур, стой! Куда ты?! Стой!

Г о л о с К е с а м (*отчаянный крик*). Сынок, куда ты?! Сынок, не лезь в огонь! О, я несчастная! Вернись, я тебе говорю!

Г о л о с К ы л и п а. Там котеночек остался, надо его спасти!

Г о л о с А ч а н а. Не дури, Азнаур! Куда ты?! Вернись, дом сейчас рухнет!

Слышен грохот.

Г о л о с К е с а м. Пустите меня! О, дайте мне умереть!!!

Г о л о с А ч а н а. Держите Кесам! Не отпускайте ее! Тебо, держи ее! Аслан, оставь это, беги сюда!

Слышна сирена пожарной машины.

Г о л о с Н а з и ф ы. О Аллах! Неужели вы не можете ее удержать?!

Рассвет. Перепачканные А ч а н, А с л а н, Т е б о несут на руках потерявшую сознание К е с а м.

М а р о и Ш а м с а укладывают ее на диван.

М а р о (*замечает на столе котенка, грызущего кусочек сыра. Сама себе*). Котенка там не было. Азнаур бросился в огонь, зная это. Боже мой!

Сцена погружается в темноту и освещается вновь.

Занавес

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Часть девятая

Через некоторое время. Н а з и ф а во дворе вяжет носок,
К е с а м сбивает масло.
К е с а м одета в черное.

Н а з и ф а. Зачем твой брат приезжал?

К е с а м. Опять звал к себе. Говорит, живешь у чужих людей, перед людьми стыдно.

Н а з и ф а. Доля правды в его словах, конечно, есть... И что ты ему ответила?

К е с а м. Сказала: «Я бы с большим удовольствием, но твоя жена мне жизни не даст». Что я еще могла ответить?

Н а з и ф а. Он, наверное, советовался с женой, прежде чем говорить с тобой?

К е с а м. Наверное. Но я-то знаю ее характер. Она захочет, чтобы я у нее служанкой была. Будет помыкать мной, как безродной сироткой-приживалкой. Мое горе ее мало волнует. Нет уж, лучше уж я в стардом пойду.

Н а з и ф а. Что ты, что ты, Кесам? Как ты можешь такое говорить?! Нет, нет, даже не думай об этом! Как-нибудь все наладится, государство поможет, односельчане... Много ли тебе надо, справим небольшой домик... А пока с нами поживешь.

К е с а м. Брат тоже рассердился, когда я про стардом сказала, мол, весь род хочу опозорить. Но даже если останусь на улице, ноги моей не будет там, где его жена.

Н а з и ф а. Да, конечно, родственники его не похвалят... Поэтому он и настаивает, наверное.

К е с а м. Может, и поэтому... Но он, кроме того, и участок мой хочет прибрать к рукам, по наущению жены. А зачем я должна отдавать им свой участок? У меня вон внук есть. Даст Аллах, новый дом здесь построит.

Н а з и ф а. Нам только во вред, что земля у нас так подорожала.

К е с а м (*немного помолчав*). Назифа, я хотела тебе сказать... Только ты не сердись...

Н а з и ф а. Говори, Кесам, не рассержусь.

К е с а м. Назифа, я все же съездила в стардом...

Н а з и ф а (*недовольно*). Делать тебе нечего...

К е с а м. Я окончательно решила туда перебраться, уже и бумаги заканчиваю оформлять.

Н а з и ф а (*обиженно*). Вроде бы никто тебя отсюда не гонит. Зря ты так.

К е с а м (*рассудительно*). Так будет лучше для всех нас. Наверное, и до вас доходит, что по селу болтает жена моего брата. А зачем вам это?

Н а з и ф а. Да, доходит. Но не стоит портить себе жизнь из-за бредней бессовестной женщины. Люди знают, кто чего стоит.

К е с а м. Как бы там ни было, лишние разговоры вам ни к чему. Да и мне тоже.

Н а з и ф а. Ты не в моей власти, Кесам. Делай, как считаешь нужным. Но знай, я против того, чтобы ты уезжала.

К е с а м. Спасибо, Назифа. Вашу доброту я никогда не забуду. Пусть Аллах будет вами доволен так, как довольна я. (*Плачет.*) Когда горе обрушилось на меня, и я вынуждена была ночевать в сарае, подобно скотине, вы приютили меня, усадили за свой стол, выделили комнату, одели-обули.. Заботитесь обо мне, как о родной...

К е с а м уходит.

Н а з и ф а. О Аллах, какого только горя не бывает на свете?! О Аллах, помилуй нас!

Входит А х и л. Видно, что он чем-то встревожен.

А х и л (*обнимает бабушку*). Добрый день, бабушка. Как дела, как здоровье?

Н а з и ф а (*ласкает внука*). Внучок мой любимый! Откуда ты?

А х и л. У меня дело к дедушке.

Н а з и ф а. Что за дело, сынок? (*Смотрит ему в глаза.*)
Клянусь Аллахом, ты чем-то встревожен. Что случилось?

А х и л. Ничего не случилось... Так, мелочи...

Н а з и ф а. Дай Бог, дай Бог... Я схожу в магазин, а ты пока зайди в дом, отдохни. Дедушка в сарае, сейчас придет, наверное.

А х и л. Бабушка, давай я схожу в магазин.

Н а з и ф а. Нет, нет, я сама, у меня еще другие дела есть. Я быстренько вернусь.

Н а з и ф а уходит.

А х и л (*озабоченно ходит по сцене*). Что же делать? Что же делать? Меня точно убьют! (*Бьет себя кулаком по голове.*)
Дурак, набитый дурак! Это же все равно, что в петлю лезть!

Входит И н е с с а, на ней лица нет.

И н е с с а. Боже мой, Ахил, что ты наделал?

А х и л (*испуганно*). Что случилось, Инесса?

И н е с с а. Это я у тебя должна спросить. Только что ко мне заявились двое убийц, требуют, чтобы я тебя разыскала. Зачем ты им про меня рассказал? Они в бешенстве! Что ты такое на-творил?

А х и л. Выбросил наркоту в речку.

И н е с с а. Боже мой, ты что, сдурел?!

А х и л. У меня не было выхода.

И н е с с а. Они здесь, на улице ждут, хотят, чтобы ты вышел. Если откажешься, они войдут сюда и перевернут все вверх дном.

А х и л (*до смерти испугавшись*). Мне надо бежать!..

И н е с с а. Ты убежишь, а что они со стариками сделают? Об этом ты подумал?

А х и л (*обреченно*). Ах, да...

И н е с с а. Ахил, ты должен выйти к ним.

А х и л. Что бы такое им соврать?..

И н е с с а. Ни ложь, ни правда тебе уже не помогут. Ты должен заплатить за наркотики. Другого выхода нет.

А х и л. Где я возьму столько денег?!

Слышен свист.

А х и л (*обреченно*). Это они... Пойдем.

И н е с с а. Нет, иди сам, не суй мою голову в пекло.

А х и л (*жалобно*). Пойдем со мной, тебя они не тронут.

Входит А ч а н.

А ч а н (*радостно*). Ба, и внучок мой здесь! (*Здороваются.*)
А кто эта девушка, не могу признать?

И н е с с а. Я дочка Мухита Эштарова.

А ч а н. Я хорошо знал твоего покойного отца, да будет его обителью рай. Молодым ушел, бедный.

А х и л (*Инессе*). Иди, я сейчас выйду. Может, бабушка что придумает...

И н е с с а уходит.

А ч а н (*смотрит Ахилу в глаза*). Просто так приехал или дела какие есть?

А х и л. Нет... То есть да...

А ч а н. Что-то с тобой не так. Говори, что случилось?

А х и л. Бабушка, я не знаю, что делать...

А ч а н. В чем дело? Ты меня пугаешь ...

А х и л (*озираясь*). Бабушка, я попал в большую беду.

А ч а н (*встревоженно*). Что за беда? Что ты натворил?!

А х и л. Я... Меня поймали с наркотиками, то есть... хотели поймать... и я выбросил кокаин в речку.

А ч а н. Тоба асто фируллах! Какие наркотики, сынок, о чем ты говоришь?!

Входит И н е с с а.

И н е с с а. Ахил, тебя зовут.

А ч а н (*встревожившись*). Кто его зовет?!

А х и л (*поблднев*). Бабушка, ты не волнуйся, я сейчас вернусь.

А х и л уходит.

А ч а н. Девочка, кто его ищет, что это за люди?!

И н е с с а. Два негодяя.

А ч а н торопливо входит в дом.

(*Сама себе.*) От одного их вида можно концы отдать. Бедный Ахил, вряд ли они оставят его в живых. (*Встрепенувшись.*) Боже мой, а вдруг они и меня?.. Надо бежать отсюда!

И н е с с а собирается уходить.

(*Колеблется.*) А как же Ахил? Если с ним что-то случится...

А ч а н выходит с ружьем в руках.

А ч а н (*решительно*). Девочка, где они? Куда мне бежать?
И н е с с а (*смертельно испугавшись*). Дедушка, не надо!..
Это не люди... Они ни перед чем не остановятся.

А ч а н. Нет! Я не такой человек, чтобы отдать собственного внука им на растерзание! В какую сторону они пошли?!

И н е с с а. Дедушка, Ахил сейчас вернется. А если они увидят тебя с ружьем... Они на все способны!

Входит А х и л.

А х и л (*испуганно*). Дедушка, что это у тебя?!

А ч а н. Где они?!

А х и л. Уехали.

А ч а н. Что они хотели?!

А х и л. Я должен вернуть деньги. Дали три дня сроку.

А ч а н. Три дня? Да уж, в щедрости им не откажешь... (*Немного помолчав.*) А сколько нужно денег?

А х и л. Три миллиона.

А ч а н. О, чтоб тебя!.. Как же ты так, сынок?

А х и л (*понурившись*). Несколько раз ради забавы попробовал кокаин... А потом, когда уже стал употреблять регулярно, сказали, что если помогу сбывать их товар, будут давать мне дозу, да и денег заработаю...

И н е с с а. Я пойду...

А х и л. Спасибо, Инесса.

И н е с с а **выходит понурившись.**

А ч а н. Плохи наши дела, сынок... Что же теперь делать? (*Немного помолчав.*) Отец знает?

А х и л. Нет, никто не знает.

А ч а н. Как же ты так, Ахил?! Ты хоть представляешь, каким греховным делом занимаешься? Скольким людям ты жизнь погубил, не говоря уже о себе?!

А х и л. Да. Я понимаю...

А ч а н. Сейчас ты наверняка понимаешь. Но что с этого толку? ...Бедный ребенок, как же нам вырвать тебя из их лап? Тоба, тоба...

Входит Н а з и ф а с целлофановым пакетом в руках.

А ч а н прячет от нее ружье.

Н а з и ф а. А что эта скороспелка Эштаровых делала в нашем дворе?

А ч а н. Ее дедушка прислал, просит меня зайти к нему.

Н а з и ф а. Голодом уморила внучонка. Но разве быстро освободишься, если встретишься с Асли? И хоть бы что-то хорошее от нее услышать... (*Ахилу.*) Пойдем, мой соколенок, накормлю тебя. У меня свежие кукурузные лепешки есть, сделаю тебе бушто¹ со сметаной.

Уходят.

Сцена погружается в темноту и снова освещается.

Часть десятая

На следующий день. Кухня. А ч а н, нацепив очки, читает Коран,
Н а з и ф а готовит.

Н а з и ф а (*дождавшись, пока Ачан дочитает суру*). Не пойму, что с тобой случилось? Со вчерашнего дня слова из тебя не вытянешь. В чем дело?

А ч а н (*заворачивает Коран в полотенце и откладывает в сторону*). Ни в чем, все нормально.

Н а з и ф а. Клянусь Аллахом, не нравится мне это. Что-то ты от меня скрываешь.

А ч а н (*помолчав*). Да, дочь Бийсо, мне есть что сказать тебе, только вот не знаю, с чего начать.

Из дома выходит К е с а м с чемоданом в руках.

Н а з и ф а. Куда это ты с чемоданом?

К е с а м. Пойду я... Что толку тянуть?..

А ч а н. Значит, решила все-таки?

К е с а м. Да, Ачан, решила.

А ч а н. Ты была женой моего хорошего друга, была хозяйкой всем на зависть.. Я не раз и не два ел пищу, приготовленную тобой, благослови ее.

К е с а м. Да будет она тебе впрок, Ачан. Благословите и вы свою пищу, которую не пожалели для меня...

Н а з и ф а. Да благословит ее Аллах для тебя.

А ч а н. Да будет она тебе впрок, Кесам.

Н а з и ф а. Ачан, ты заменил мне брата (*поворачивается к Назифе*), а ты, Назифа, была мне сестрой. Вы для меня – и соседи, и родня, и надежда, и опора. (*Плачет.*) Вряд ли мы больше встретимся в этой жизни, дай Аллах, чтобы на том свете встретились с просветленными лицами.

¹ Бушто – тюрю.

Н а з и ф а (*обнимает Кесам*). Приезжай, если будет возможность. Мы всегда будем рады тебя видеть.

К е с а м. Прощайте, дай Аллах вам здоровья.

А ч а н. Да будет тебе защитником Аллах.

Н а з и ф а (*обнимая Кесам*). И все же, клянусь Аллахом, ты не права, не надо тебе уезжать. Но раз уж ты так решила, хоть до автобуса провожу.

К е с а м. Нет, нет, не надо. Племянник в город на машине собрался, я с ним поеду. Он меня у магазина будет ждать.

Н а з и ф а выходит проводить **К е с а м**. **А ч а н** бережно кладет **Коран** на полку.

А ч а н (*сам себе*). Беда, что оползень, всегда приходит не спросясь... Как же мне рассказать обо всем дочери Бийсо?

Входит Н а з и ф а.

Н а з и ф а. Бедная, так и прожила всю жизнь, света белого не видя... Я хотела было настаивать, чтобы Кесам не уезжала, но ты почему-то не сильно ее отговаривал...

А ч а н молчит.

Что ты молчишь?

А ч а н. А что тут скажешь? Как говорится, того, кто собрался уходить, и того, кто собрался умирать – не остановишь.

Н а з и ф а (*возвращаясь к прерванному разговору*). Да, ты что-то собирался мне сказать...

А ч а н. Честно говоря, дочь Бийсо, плохи наши дела. Ахил, дурачок, попал в большую беду.

Н а з и ф а. О, горе мне, о чем ты говоришь? Что натворил бедный ребенок?

Слышен шум подъехавших машин.

А ч а н. Я вызвал наших детей, кажется, это они подъехали.

Входят Т е б о, М а р о, Ш а м с а, А с л а н, А й г ю л ь.

А й г ю л ь подбегает и обнимает стариков.

А й г ю л ь. Дедушка, бабушка, я так по вам соскучилась!

Н а з и ф а (*обнимает Айгюль*). Да умру я ради тебя, доченька, а уж мы как соскучились!

Т е б о. Слава Аллаху, вы на ногах. Что случилось, Аття?

М а р о. Клянусь Тебо, мы всю ночь глаз не сомкнули! Ты очень напугал нас, Аття.

А ч а н. Не стойте, присядьте.

М а р о. Что случилось? Говори, не томи душу!

А ч а н. Дети, если бы у меня были хорошие новости, я бы сообщил их, выбежав вам навстречу...

Т е б о. Да что случилось-то?!

А ч а н. Сядьте...

Все садятся.

Дети мои, дело вот в чем: Ахил...

Ш а м с а. Ах, боже мой, что случилось с моим единственным?

А ч а н. Благодарение Богу, мой внук жив и здоров. Но он попал в большую беду... По глупости...

Т е б о (*встревоженно*). Аття, что это значит?

А ч а н. Ахил связался с наркотиками.

Ш а м с а. О, чтоб я умерла!.. Нет, это неправда! Этого не может быть!

А й г ю л ь. Ахил? С наркотиками?!

А ч а н. Полицейские хотели поймать его с поличным, и он высыпал кокаин, предназначенный для продажи, в речку.

М а р о. О, я несчастная, какое отношение Ахил имеет к кокаину?!

А ч а н. Не имел бы – я не говорил бы. Теперь он должен возместить его стоимость.

Т е б о. Сколько?

А ч а н. Три миллиона.

М а р о. Три миллиона?!

Н а з и ф а. О, лучше бы я умерла!

Ш а м с а. Нет! Нет! Мой сын не мог такое сделать!

Т е б о (*свирепея*). Аття, где Ахил?!

А ч а н. Здесь он... Или мы находим за два дня три миллиона, или же лишаемся Ахила...

Женщины начинают плакать. Входит А х и л. Т е б о кидается на А х и л а.
Женщины вскакивают.

Т е б о. Ты понимаешь, что ты наделал?! Ты, объевшийся ослиного мозга! Я тебе шею сверну!

А ч а н (*возвышая голос*). Сын, не дури!

Т е б о. Аття, дай мне убить этого осла! Пусть он горит в аду!

А ч а н. Ты поздно проснулся! Сядь на место!

Т е б о садится.

Ш а м с а (*обнимает Ахила*). Сыночек мой бедненький, это правда, что говорит дедушка?

А х и л (*понурившись*). Да.

Ш а м с а. О, лучше бы я умерла!

А ч а н. Рыданьями беды не исправишь. Что делать будем?

Т е б о. Аття, таких денег мы и во сне не видели. Даже если продадим и квартиру, и машину, столько не наберется.

М а р о. Конечно, и мы в стороне не останемся, но вряд ли это спасет положение.

Ш а м с а. Боже мой, чьи проклятья обрушились на нашу голову?

Н а з и ф а. Зря ты по колдуньям ходила, зря... Вот и разгневала Аллаха... О, бедное мое дитя!

А ч а н. Я решил продать дом.

Т е б о. Аття...

М а р о. Не посоветовавшись с нами?!

А ч а н. Вот, советуюсь... Давайте, предложите что-нибудь другое. (*Немного помолчав.*) Что ж вы молчите?.. Как ни крути, другого выхода нет. Где тот ваш покупатель?

Т е б о. Он уже купил участок.

Н а з и ф а (*обреченно*). Вот и настал день, когда мы можем позавидовать Кесам...

А ч а н. У меня есть покупатель, но он больше трех не дает.

М а р о. Этот дом и участок стоят не меньше десяти миллионов! Как его можно отдать за три?!

А ч а н. А что делать? Вы найдете за два дня другого покупателя?

Т е б о. Можно было бы взять кредит, но на это уйдет не меньше месяца. К тому же банк больше миллиона не даст.

М а р о. И знакомых нет, у кого можно было бы занять такую сумму.

А х и л. Аття, вам нельзя оставаться без дома. Пусть со мной будет, что будет. Я – наркоман, мне...

Ш а м с а. Нет, нет! Что ты болтаешь?! Будь ты наркоман, мы бы это заметили!

М а р о. Конечно, заметила бы, если хотя бы иногда думала не о себе, а о ребенке!

А х и л. Где же бабушка и бабушка будут жить, если продадут дом?

Ш а м с а. Сейчас речь не об этом.

А х и л выходит. А й г ю л ь смотрит ему вслед.

М а р о. Аття, ты прекрасно знаешь: у нас с Тебо с этим домом были связаны большие надежды.

А ч а н. У нас тоже: мы хотели тихо-мирно в нем умереть.

М а р о. Аття, не злись и выслушай меня спокойно. Ахил – наркоман, он уже никогда не сможет стать нормальным человеком...

Т е б о. Так что, значит, пусть его убивают?!

М а р о (*зло*). Тебо, давай будем смотреть правде в глаза: наркоман – конченный человек. И ради него мы должны весь век прозябать в нужде?!

А й г ю л ь. Мама, как ты можешь так говорить?!

М а р о (*не обращая на нее внимания*). Вы не думали о том, что он начнет вытворять в скором времени?! Так подумайте! Вы прекрасно знаете, чем заканчивают наркоманы, что происходит с их семьями...

Т е б о. Маро, Ахил – мой единственный сын! Единственный! Не говори так о нем!

Ш а м с а. Только послушайте ее! Будь это твоя дочь...

М а р о (*прерывает Шамсу*). Моя дочь никогда не окажется в таком положении, как твой сын. По той простой причине, что я, в отличие от тебя, занималась ее воспитанием.

А ч а н. Замолчите обе! Маро, Ахил – мой внук, кровь от крови, плоть от плоти. Чтобы оторвать его от меня – надо резать по живому. Может, для вас материнское молоко и родительский труд – пустые слова. Но для нас любовь к детям – вовсе не пустой звук. И то, что я делаю сейчас для Ахила, я сделал бы для любого из вас. Мальчик должен жить. Все остальное – неважно. (*Тихо.*) Я своего решения не изменю.

М а р о. Но мы тоже должны жить! Сколько можно выживать?! Аллах свидетель, в этот дом вложено немало и моего труда! Но раз уж ты так решил, Аття, выслушай и мое решение: отныне у тебя нет дочери по имени Маро! (*Аслану.*) Вставай, уходим!

А й г ю л ь (*плачет*). Мама, мамочка, не делай так!

Н а з и ф а. Ах, боже мой, что ты такое говоришь, дочка?! Опомнись!

А с л а н (*Маро*). Не надо так разговаривать с отцом.

М а р о (*Аслану*). Помолчи! Будь ты мужчиной, мы жили бы сегодня в просторном частном доме, а не ютились бы в тесной квартире!

А с л а н. Не так уж стесненно ты живешь, чтобы жаловаться. А если ты торопишься куда-то – скатертью дорога. Мы с Айгюль никуда не спешим.

М а р о. Дочка, выходи, поехали!

А й г ю л ь (*плачет*). Мама...

М а р о. Я что, для себя стараюсь? Все ради тебя, дочка, чтобы ты жила лучше, чем я!

Т е б о. Поздно уже беситься, дом уплыл из наших рук.

М а р о. А ты уж молчал бы! Беспомощный лентяй, не способный ни одно дело довести до конца. Таким был, таким и остался! И учился ты, и ел-пил благодаря вот им (*показывает свои руки*)! И даже женился благодаря им! Зря ты об этом забываешь, Тебо!

А ч а н. Опомнитесь, люди! Опомнитесь!

М а р о. Ноги моей больше не будет в этом доме!

Собирается уходить.

А ч а н. Кажется, в этом доме больше не будет не только твоей ноги...

А й г ю л ь. Мама, пока дело Ахила не уладится, я не могу уехать.

М а р о. Уедешь! Даже если мне придется увезти тебя силой!

А й г ю л ь (*твердо*). Мама! Я останусь здесь!

М а р о. Боже мой, до чего я дожила, родная дочь осмеливается перечить мне! Лучше бы я умерла!

Н а з и ф а. Раз уж мы не умерли до сих пор, доченька, не умрешь и ты...

М а р о. Ання, оставь, ради Бога! Я всю жизнь жила, клянясь именем брата, а сегодня вы видите, как он со мной поступает. Нет, оказывается, ничего более неблагодарного, чем сестрин труд: и трудится она, и в накладе всегда она остается.

Ш а м с а. Тебо, ты что, язык проглотил, почему ты ничего ей не скажешь?

Т е б о. Сестра говорит правду.

Ш а м с а. Правду?! Тогда выслушай еще одну правду: раньше ты жил за счет сестры, а сегодня живешь – за мой счет! Не занимайся я торговлей – черта с два ходил бы ты такой лощенный! Но теперь посмотрим!

Т е б о. Да, ты тоже говоришь правду! И будь я мужчиной, я бы и часа с тобой не жил! Но вот ты ответь мне, почему твой первый муж сбежал от тебя? Притом бежал, не останавливаясь, пока за границей не оказался. Потому что ты была слишком хороша для него? Но ты оказалась чересчур хороша и для меня. Поэтому я тоже решил уйти от тебя! Живи и радуйся!

Ш а м с а (*подбоченясь*). Куда это к чертовой матери ты собрался уходить?! Это я решаю, что тебе делать! Захочу – ты князь, не захочу – ты грязь! (*Как будто вспомнив о чем-то.*) А, может, ты любовницу себе завел?! Боже мой, так вот в чем дело! Вот почему ты такой важный ходишь!

Т е б о. Да, завел! Но любовница скорее ты, а не она. И если уж хочешь услышать правду, ты ее мизинца не стоишь! Не будь

Ахила, я и дня с тобой не жил бы. Самовлюбленная пустышка, у которой нет ничего, кроме гонора!

А й г ю л ь (*сама себе*). Ой, мамочки, куда я попала? Кто эти люди? Я их не знаю!

Т е б о. И еще, хочу, чтобы ты знала: у меня есть от нее дочь.

Ш а м с а. О, лучше бы я умерла! Опозорил меня на весь мир!

А ч а н. Люди, ради Аллаха, опомнитесь! Наш дом объят огнем, а вы чем занимаетесь?!

Ш а м с а (*не обращая на Ачана внимания*). Клянусь матерью, ты больше никогда не вернешься в мой дом!

Т е б о (*встав над Шамсой*). Да, не вернусь. Более того, сейчас я говорю тебе то, что должен был сказать давным-давно: убирайся вон с моих глаз!

Слышен выстрел.

А й г ю л ь (*кричит*). Ахил!

Ш а м с а. О, я несчастная! О Аллах, зачем ты лишаешь меня моего единственного?!

Все бегут на звук выстрела.

А ч а н. О Аллах!.. Смилуйся над нами!

Уходит.

Сцена погружается в темноту и снова освещается.

Часть одиннадцатая

Через некоторое время. А ч а н и Н а з и ф а сидят во дворе.

А ч а н. Слава Аллаху, с тех пор как Ахил выписался из больницы, я себя лучше чувствую. Хоть спать по ночам стал.

Н а з и ф а. Если бы не милость Аллаха, лишились бы мы Ахила. Спасибо и доктору, быстро подъехал тогда.

А ч а н. Надо бы отблагодарить его.

Н а з и ф а. Аслан уже сделал ему подарок.

А ч а н. Да? А то я все переживал.

Пауза.

Н а з и ф а. А зачем Таукаш приходил? Хочет, чтобы мы дом освободили?

А ч а н. Нет. Просто осматривал. Хороший он человек... Другой на его месте давно бы выселил нас. (*Немного помолчав.*)

Сказал, что до весны ничего не собирается здесь делать, можем жить спокойно.

Н а з и ф а. Мне показалось, ты плохо спал ночью. Опять сердце?

А ч а н. А что сердце, дочь Бийсо, грех его в чем-то винить... Немало оно страдало...

Н а з и ф а. Да уж, чего мы только не пережили...

А ч а н. Сможет ли бедный Ахил снова стать человеком, вот что меня тревожит. *(С надеждой.)* Дай Аллах, чтобы труды наши не пропали даром...

Пауза.

(Глубоко вздыхает.) Очаг мой погас, семья – распалась. Но, благодарение Аллаху, ты все еще со мной. Пятьдесят лет вместе. *(Немного помолчав.)* Дочь Бийсо, хочу, чтобы ты знала: если в чем повезло мне в этой жизни – это ты! Благодаря тебя я чувствовал вкус к жизни. Ты была смыслом моей жизни. Знаю, характер у меня нелегкий, может, и обижал тебя. Но никогда я не слышал грубого слова в ответ. И никогда не слышал, чтобы ты жаловалась. Хотя жилось нам нелегко. Судьба много раз испытывала наш народ, и мы, его частичка, сполна хлебнули горя. Но все же мы выстояли, заново разожгли огонь в очагах, наладили жизнь, вырастили детей. *(Немного помолчав.)* Мне не в чем упрекнуть тебя. Как бы поздно я ни приходил домой, ты всегда ждала меня... За моими родителями ты ухаживала так, что только за это достойна попасть в рай. Я доволен тобой, да будет доволен тобой и Аллах! *(Немного помолчав.)* И на кладбище мы будем лежать рядом, я уже договорился с Али-эфенди.

Н а з и ф а. Не говори так. Ты всегда хорошо ко мне относился. Всегда был заботлив. Помню, когда я носила Тебо, даже в первые месяцы ты не разрешал мне ходить за водой. Ходил к ручью сам, по ночам, чтобы никто не видел. И даже дрова из-под навеса сам в дом таскал. *(Улыбаясь.)* А если и выпивал иногда, то только еще ласковее со мной был. И я ни на что не променяла бы счастье провожать тебя утром на работу и счастье встречать тебя после работы. Я очень довольна тобой, да будет тобой доволен Аллах!

Пауза.

Память совсем плохая стала, все забываю тебе сказать... Когда Аслан возил меня к доктору, мы заезжали в стардом.

А ч а н. Как там живет несчастной Кесам?

Н а з и ф а. Довольного своей жизнью человека там не встретишь. Ходят в изношенной одежде, видно, что недоедают. Врагу не пожелаю туда попасть. Кто не видел сам, не поверит, что на свете может быть такое беспросветное горе. Аллах Всемогущий, смилуйся над нами! Конечно, бывает и так, что за человеком некому присмотреть. Но там есть и такие, кого устроили туда родные дети! Говорят, один мужчина приезжает каждую неделю, приносит продукты для матери. Но встречаться с ней отказывается. Страшно, наверное, взглянуть ей в глаза.

А ч а н. Что ему бояться матери, если он Аллаха не испугался?

Н а з и ф а. Видимо, боится увидеть себя в ее глазах. (*Радостно.*) А Кесам там уже не было, ее забрала к себе невестка. Сказала, что не может оставить там бабушку своего сына. Хоть в чем-то повезло, наконец, бедной Кесам.

А ч а н. Клянусь Аллахом, отличная весть! Все же на свете немало хороших людей... Кстати, как наш сын, помирился с женой?

Н а з и ф а. Нет, Аслан говорит, что Тебо ушел к той, другой.

А ч а н. Думаю, ни у кого не повернется язык упрекнуть его в том, что бросил жену. А насчет его дочки, это – правда?

Н а з и ф а. Да. В тот же день мы заезжали в больницу к Ахилу. Он, оказывается, знал о ней, просто скрывал от нас.

А ч а н. Откуда же он это узнал?

Н а з и ф а. Тебо сам ему сказал.

А ч а н. Надо бы и нам с ней увидеться.

Н а з и ф а. Ахил обещал познакомить, когда выпишется.

Вбегает запыхавшийся К ы д е н.

К ы д е н. Ача! Ача! Твой дом горит, почему ты сидишь?! Смотри, как черный дракон сражается с красным!

А ч а н. А ведь ты был прав тогда, Кыден. Мой дом давно уже был объят пламенем, только я этого не замечал. Пусть теперь догорает, потушить его уже невозможно...

К ы д е н (*подходит и заглядывает им в глаза*). А ведь вы и сами уже обгорели, превратились в головешки! (*Прислушивается.*) Где-то котенок мяукает, Ача.

А ч а н. Наверно, это котенок покойного Азнаура.

К ы д е н. Я вытащу его из огня!

К ы д е н вбегает в дом и возвращается с котенком Азнаура.

А ч а н. А ты и вправду молодец, Кыден. Теперь этот котенок на твоём попечении.

К ы д е н. Я позабочусь о нем, он ни в чем не будет нуждаться. (*Поворачивается к Назифе.*) Назий, вот, ты уезжаешь далеко, а кто теперь будет меня конфетами угощать?

Н а з и ф а. Да, Кыден, мы скоро уедем.

К ы д е н (*печально*). Да нет, ты уже в пути...

К ы д е н сует котенка за пазуху и уходит.

А ч а н (*не обратив внимания на его последние слова*). Все говорят, что Кыден – дурак, а сказанное им мы только задним числом понимаем.

Рука Н а з и ф ы соскальзывает с колена и повисает.

Дочь Бийсо, позвонила бы ты Ахилу. Пусть приедет, поможет мне забор починить. Да и поломанную черепицу на крыше сарая надо заменить. Стыдно дом в таком состоянии оставлять. (*Немного помолчав.*) Вставай, дочь Бийсо, время намаза уже... Слышишь? (*С тревогой смотрит на Назифу.*) Что ты молчишь? (*Видит, что она умерла.*) О Аллах! На кого ты меня оставила?! Как ты могла?!

А ч а н становится на колени перед умершей и горько плачет.

Сцена погружается в темноту.

Ч а с т ь д в е н а д ц а т а я

Двор. На припеке две табуретки. На одном из них сидит **А ч а н**, на другом лежит моток ниток с воткнутыми в него четыремя иголками.

Входит **К ы д е н**. Он подбирает моток ниток и садится на табуретку.

К ы д е н. Ача, говорят, солнечное затмение будет, это правда?
А ч а н. Говорят... Удивительно, как оно до сих пор не затмилось...

К ы д е н. Говорят, Желмауз¹ проглотит солнце.

А ч а н. Наверное, знают, раз говорят, Кыден..

К ы д е н. Как же мы тогда без солнца будем? Я боюсь темноты: в темноте всё оживает, все хотят схватить меня.

А ч а н. Желмауз не сможет одолеть солнце, не бойся.

К ы д е н (*смотрит на небо*). Я боюсь, Ача.

А ч а н. Тейри, я тоже боюсь: затмение – плохое знамение.

Начинается затмение.

---

¹ *Желмауз* – дракон, чудовище.

К ы д е н (*в панике*). Ача, Ача, сейчас Желмауз проглотит солнце!

А ч а н. Да, началось. Ля иляха илля-Ллаху! Ля иляха илля-Ллах!

К ы д е н вскакивает, роняя моток ниток на землю.

Затем прячется за спину **А ч а н а** и боязливо поглядывает на небо.

К ы д е н. Ой-ой-ой, что же нам теперь делать?

А ч а н. Говори: «Ля иляха илля-Ллаху!».

К ы д е н. Ля иляха илля-Ллаху! Ля иляха илля-Ллах! Ля иляха илля-Ллаху! Ля иляха илля-Ллах!

Сцена погружается в темноту. Можно различить два тяжело бредущих силуэта. У обоих тяжелые ноши.

Сцена освещается.

К ы д е н. Ты видел, Ача?

А ч а н. О чем это ты?

К ы д е н. Маро и Тебо. Они только что здесь прошли. С тяжелыми ношами... еле брели...

А ч а н. О Аллах, смилостивись над моими детьми.

К ы д е н. Ача, говорят, после похорон Назифы ты выгнал Маро и Тебо из дома... Маро сильно плакала, говорят... Она хотела дочку за меня выдать, Ача. А ты прогнал ее. (*Немного помолчав.*) И теперь ты остался один, Ача. Теперь мы оба одиноки.

А ч а н. Бедный Кыден. (*Немного помолчав.*) Дочь Бийсо очень любила тебя, Кыден.

К ы д е н. Да, она никогда не отпускала меня без гостинцев.

А ч а н. Пойдем, сходим к ней на могилу.

К ы д е н. Пойдем.

Уходят. Сцена погружается в темноту.

Часть тринадцатая

Холодный осенний день. С деревьев осыпаются листья. Заметно постаревший за последние три-четыре месяца **А ч а н** выходит из дома. Он тепло одет. В руках у Ачана большой старинный чемодан. Он ставит чемодан на стол, входит в дом и возвращается, держа в руках фотографии: отец и мать Ачана, Ачан с Назифой, Тебо и Маро, Ахил и Айгюль. Он поочередно гладит их рукой, называет вслух имена и кладет фотографии обратно в чемодан.

А ч а н. Отец и мать. Прожили свою жизнь, горбясь на государство... Да будет местом их обитания рай... Счастливая, ты

тоже уже в лучшем мире, нашла успокоение... А я вот остался... брожу, одинокий, как медведь-шатун... Мои несчастные дети... Как ни старались, не смогли мы сделать из вас хороших людей... Внуки: две моих звездочки, два моих крыла, две мои радости. Дай Аллах вам праведной жизни.

А ч а н снимает с гвоздя старый молитвенный коврик, складывает его и прячет в чемодан. Поверх всего кладет Коран. Идет за дом, приносит горсть земли, заворачивает ее в носовой платок и тоже кладет в чемодан. Затем берет в руки старый посох своего отца.

А ч а н (*глядит посох*). Посох моего отца. Он не даст мне споткнуться в пути.

Слышен шум автомобиля. Входят А й г ю л ь и А х и л.

А ч а н. Приехали уже?

А й г ю л ь (*грустно*). Да, дедушка.

А х и л (*грустно*). Ты собрался?

А ч а н. Собрался, сынок.

А х и л. Тогда давайте трогаться.

А ч а н. Подождите меня в машине... Хочу немного побыть один.

А х и л и А й г ю л ь уходят, забрав чемодан.

А ч а н (*присаживается на чурбан*). Ты был хорошим домом. Добротный дом, построенный моим отцом... Дом горца... Жизнь не раз испытывала нас обоих на прочность. Когда-то из этого дома, раскулачив, выселили моего деда. Его сослали, и он канул в неизвестности. Бабушке и моему малолетнему отцу пришлось тогда ютиться в сарае, словно скотине... На счастье, мир не без добрых людей, им помогли, и отец выжил, подрос, обзавелся семьей. Он был очень трудолюбивым человеком, и колхоз вернул нам наш дом. Потом началась война, и отец ушел на фронт. Вернулся инвалидом... Затем еще одна беда – переселение... Тринадцать лет бесправия, страданий, унижений... Но Аллах смилостивился над нами, мы вернулись и выкупили тебя – наш собственный дом! – у бессовестных любителей чужого... И все же радости у нас было больше, чем горя...

Пауза.

Человек живет для того, чтобы покинуть этот мир, оставив после себя доброе имя. В этом смысл жизни. Я старался так жить. У меня никогда не было сомнений, что я умру в этом доме. Поэтому я и не боялся смерти.. А теперь боюсь (*у него*

вздрагивают плечи, видно, что он плачет): мой труп вынесут из казенного дома.

Тайком утирает слезы.

Я уже обо всем договорился с Али-эфенди: на кладбище я буду лежать рядом с той, с кем прошел свой жизненный путь. Деньги на похороны я тоже передал ему. Он и поминки справит, как положено, и камень надгробный установит. За это я спокоен. Другое меня тревожит – мои дети. Боюсь, Аллах не простит им их прегрешений.

Встает, опираясь на посох.

(У него вздрагивают плечи, видно, что он плачет.) Дом, мой добрый дом, не думал я, что мне придется вот так с тобой расстаться. Я и тебя сделал несчастным, прости меня.

Услышав курлыканье журавлей, А ч а н поднимает голову.

Вы тоже покидаете родные гнезда, но вы знаете, что вернетесь.... *(Уносится мыслями в далекое прошлое, воодушевленно.)* Сколько раз, в босоногом детстве, я бежал за вами, крича: «Возьми меня с собой, журавль-вожак!» – веря, что он заберет меня с собой в удивительные дальние страны. Говорят, даже у муравьев перед смертью вырастают крылья, а я – не муравей, я – человек! О Аллах Всемогущий, дай мне пару крыльев! Дай мне взлететь над этими горами! Я хочу умереть не в казенном доме, где люди унижены, где воздух отравлен злобой, упреками, горем! Я хочу умереть в полете, как орел, наслаждаясь чистым воздухом! Я – горец! Мне нужна свобода! Даже в смерти! *(Слабея.)* Забери меня с собой, журавль-вожак!

Курлыканье журавлей постепенно удаляется.

А ч а н уходит, опираясь на посох. Некоторое время сцена пуста.

Затем дом с грохотом рушится. В поднявшейся пыли виден чей-то силуэт.

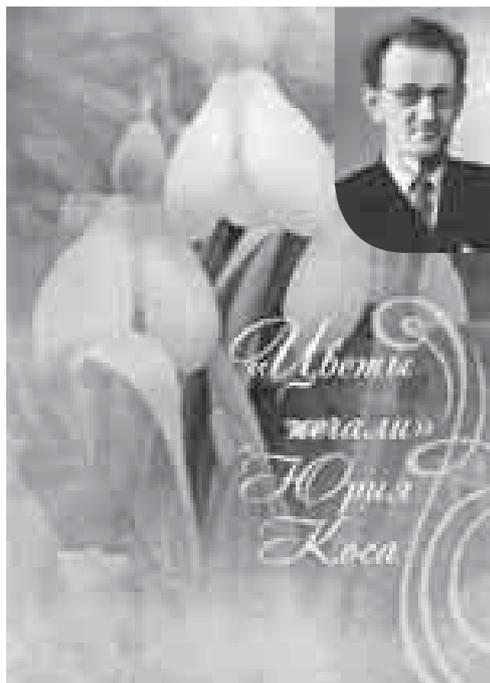
Это – К ы д е н.

К ы д е н *(с плачем пытается поставить стоймя рухнувшую балку)*. Ача, Ача, куда ты?! Вернись! Давай подыдем дом! Ача, верни-и-ись!

Плачет навзрыд.

Занавес

Перевод с балкарского Хыйсы Джуртубаева

*Книга подготовлена
к изданию
по инициативе
и при финансовой
поддержке депутата
Парламента КБР,
руководителя фракции
«Зеленые»
Сафарби Шхагапсоева*

В 1922 году в революционном Петрограде вышел поэтический сборник «Цветы печали». Название его, ассоциирующееся с бодлеровскими «Цветами зла», отражает декадентские тенденции, которые были присущи творчеству многих

известных русских поэтов того времени.

Кто автор этого сборника, затрудняются ответить даже специалисты, но среди предполагаемых звучат фамилии парнасских небожителей – Иннокентия Анненского, Федора Сологуба, Андрея Белого...

На самом деле стихи эти написал Юрий Иванович Кос (1889–1961), посвятивший себя поиску малоизвестных и новых видов растений дикой флоры Кавказа.

К сожалению, имя Юрия Ивановича Коса сегодня мало о чем говорит большинству жителей Кабардино-Балкарии, а ведь с делом его рук нальчане, к примеру, встречаются практически ежедневно.

Переиздание данной книги – дань уважения личности выдающегося ботаника, отдавшего Кабардино-Балкарии лучшие годы своей жизни.

Юрий КОС

ЦВЕТЫ ПЕЧАЛИ

По всем полям родной земли
Цветы печали расцвели.
Средь них межой ты тихо шла
И мне венок из них плела,

И в тот венок в тиши ночей
Вплела всю боль души своей.

Свое я сердце им обвил,
И сердце грустью напоил.

И с этих пор одна лишь ты
Живешь в садах моей мечты,
И с этих пор лишь ты одна
В моей душе отражена.

***

Люблю в часы святой печали,
Когда так грезы хороши,
Читать сокрытые скрижали
Твоей загадочной души.

Люблю встречать душой бездонной
Твой, полный тихой грусти, взор,
Стремясь проникнуть в затаенный,
Печальный мир его озер,

И там цветочную тропинкой
Бродить по тихим берегам,
И виться пчелкой-невидимкой
По их таинственным цветам,

И каждый венчик обнимая,
Пить сладкий мед их на лету,
Тоской счастливой наполняя,
В тебя влюбленную мечту.

ЛАСТОЧКА

Грустная ласточка, нежная, милая!
Светлое озеро, заводь лесная
Светит во взгляде твоём зачарованном,
Тихую сказку лесов отражая.

Грустная ласточка с крылышком раненым,
Сердцу так много ты снов подарила,
Струйкой прозрачною озера светлого
Душу погибшую, злую омыла.

Грустная ласточка, птичка печальная,
Ты не покинешь ведь душу больную,
Тихо глядящую в заводь бездонную,
В заводь, хранящую тайну лесную!

У КАМИНА

Один у камина на даче забытой...
Один у камина грущу о тебе.
Все спущены шторы, и ветер сердитый
Уныло поет свою песню в трубе...

Прошедшие сны не дают мне покоя,
Больные, кошмарные, темные сны –
О, если б, как снег прошлогодний, все злое
Навеки исчезло с улыбкой весны!

О, если б забыть все минуты паденья,
Щемящие сердце своей пустотой,
И в зарослях ярких садов возрожденья
Омыть свою душу весенней волной.

Омыть до прощенья, чтоб ты не встречала
В нем темных намеков на темные сны.
Чтоб сердце, как озеро светлое, стало
И, старое зло позабыв, отражало
В себе лишь улыбки и песни весны.

***

Душе моей больной родную душу жалко,
Мне страстно хочется твоей душе помочь, –
Ты смотришь на меня, как бледная русалка,
Глядящая из вод в безрадостную ночь.

Я вижу, как скорбят в тебе воспоминанья,
И вера в Новый Мир окутана тоской, –
Как Ангел светлых дум, сквозь тихие рыданья,
Прощается с твоей плененною душой...

Мне жаль тебя, мой друг, моя мечта святая,
Твоих печальных снов и тихих берегов,
Где снежная метель сменяет песню мая,
Где в инее стоят дворцы твоих садов.

Душа моя болит, но сердце молодое
Еще не замерло в измученной груди
И верит, как всегда, и в солнце золотое,
И в новую Весну, и счастье впереди!

И верит, что и ты, моя мечта родная,
Найдешь опять пути к цветущим берегам
И будешь в светлый день проснувшегося мая
Внимать торжественным ликующим струнам.

И Ангел светлых дум, свои расправив крылья,
От сердца твоего уже не отлетит –
Поверь, моя мечта, – исчезнет мир насилья
И звездочка любви так ярко загорит!

***

О, скорей бы весна!.. Сердце жаждет весны,
Сердце просит журчанья живых ручейков,
Изумруда полей, голубой глубины,
Щebetания птиц, аромата цветов.

Эта злая метель, и сугробы, и лед
Лишь рождают сомненья и злую печаль,
И не смотрит уж сердце с надеждой вперед,
И не верит в тепло и лучистую даль.

Сердце плачет от ран. Сердцу больше невмочь
Этот злой полусон, эта вечная ночь,
Сердце выпило чашу страданья до дна,
Сердце скоро умрет. – О, скорей бы весна!

В СКАЗКЕ ЛУННОГО МОЛЧАНИЯ

В сказке лунного молчанья дышит тихое журчанье
Серебристых, чистых-чистых, загорающихся струй.
В них грустит ночное пенье неземного вдохновенья,
В них смеется и ликует юной девы поцелуй.

И наяда за наядой, освеженные прохладой,
Застыдившимся зефиром полуночной тишины,
Из реки, смеясь, выходят и, сплетаясь, вместе водят
Золотые хороводы в царстве дремлющей луны.

И летают, и играют, и все новые сплетают
Молчаливые гирлянды из своих прозрачных тел,
И звучат их песни тише, и летят все выше, выше,
И несутся к ярким звездам с быстротой поющих стрел.

И опять их пенье ближе, и опять спустились ниже,
И, кружась в хороводе, по реке скользят вперед,
Обнимаясь и целуясь, и своей игрой любясь
В серебристых отраженьях серебристо-чистых вод.

А на берег полусонный прилетает эльф влюбленный,
И любит в молчаньи их волшебную игрой,
И в пылу растущей муки простирает тихо руки
И зовет к себе наяду, и смущенный и больной...

И зовет, и жарче дышит, – но она его не слышит
И по-прежнему смеется в танце радостных подруг,
И по-прежнему взлетает, и опять с водой играет,
И улыбкою ласкает и чарует все вокруг.

ЗАБЫТЫЙ ДОМ

Тихо спит осиротелый,
Наш пустой, забытый дом,
Вещий призрак Дамы Белой
Одинок бродит в нем.

Все углы его дозором
Он обходит в тишине,
Роковым, бездонным взором
Пронизая сердце мне.

И пройдя весь дом, он в зале
Пробирается вперед,
И, склонившись у рояли,
Песню грустную поет.

И всю боль извечной муки,
Затаенной в полусне,
Эти стынущие звуки
Будят в мертвой тишине.

И поют, сильней рыдая
«Ничего уже не жди»!
И немым струнам внимая,
Сердце вторит им в груди.

НЕ УХОДИ!

Не уходи из сада возрожденья,
Лишь для тебя зацветшего в груди.
Не дай ему погибнуть в запустеньи,
Останься в нем, не уходи...

Лишь для тебя, тобою пробужденный,
Он вспомнил вновь о сказках и цветах.
И вот, надеждой робкой окрыленный,
Готов забыть о мертвых снах.

В его глухой, заброшенной аллее
Уже поет весенний соловей,
И солнце, с каждым днем горя сильнее,
Его целует горячей.

И, каждый раз, твой близкий взгляд встречая,
Сильней он верит в счастье впереди,
О, не гаси в нем этой веры мая,
Останься в нем, не уходи!..

ОДА ХЛОРОФИЛЛУ

Твой ореол из тайн извечных,
Ты символ новых ярких сил,
Покрывший землю изумрудом
Источник жизни, Хлорофилл.

В ничтожных зернах зарожденный,
Волшебник майской красоты,
Как маг чудесный, все живое
Здесь сторожишь от смерти ты.

И, как таинственный алхимик,
Из углерода и воды

Наш хлеб насущный выпекаешь
И красишь рощи и сады.

И полный тайн, встречая солнце,
Берешь у солнца жгучий свет,
И теплоту его живую
На много сохраняешь лет.

Хранишь ее в дубах столетних,
В листочках мхов, в сучках ракит
И в темных недрах погребенных
Лесах, истлевших в антрацит.

И молчаливо совершая
Все тот же труд из года в год,
Не ты ль во смене злых столетий
Культуру двигаешь вперед?

Не ты ль в мозгу людей пещерных
Впервые мысли пробудил
И как достать огонь священный,
В борьбе со тьмою, научил?

Не ты ль заставил нас, отважных,
Все океаны переплыть,
И сетью рельс дорог железных
Места пустынные покрыть?

Не ты ли двинул нам на славу,
У солнца отнятым огнем,
Все наши сложные машины,
Пытливым слитые умом?

Тобою дышит все в природе,
Тобой живем и дышим мы,
И ты, причастный тайнам солнца,
К нему ведешь наш мир из тьмы.

И кто тебя такую властью,
Такою силой наделил,
Покрывший землю изумрудом,
Источник жизни, Хлорофилл?

Анатолий ШАРДАНОВ

О КАВКАЗСКОМ АСПЕКТЕ ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В девяностых годах активно, а в настоящее время – чуть меньше – средства массовой информации охотно и с явным удовольствием тиражируют такое нелепое словосочетание, как «лицо кавказской национальности».

Подтекст этого определения легко просматривается в свете событий криминально-уголовного характера, в связи с которыми, прежде всего, и упоминаются лица так называемой «кавказской национальности». Отсюда недалеко и до предположения, что все жители Кавказа одинаково коварны, жестоки и нецивилизованны.

Российская ксенофобия по отношению к выходцам с Кавказа подпитывается, финансируется, культивируется теми силами, которые получают сверхдоходы именно в период обострения социальной обстановки в стране. Адепты ксенофобии считают, что она является закономерной реакцией отторжения коренным населением приезжих, не нашедших путей интеграции в новое общество.

Нет сомнений в том, что преступникам нет оправдания, и они должны в полной мере отвечать за свои злодеяния перед законом. Более того, у преступников нет и не может быть национальности, потому что именно они, пренебрегая духовным наследием своего народа, становятся, по образному выражению Чингиза Айтматова, «манкуртами», не помнящими своего родства.

Ведь еще с библейских времен морально-этические нормы человеческих сообществ культивируют такие черты личности, которые, прежде всего, упорядочивают отношения между людьми, ослабляют тенденции, ведущие к разладу и произволу, устраняют условия, ведущие к антиобщественным проявлениям и настроениям.

Всякому, кто хоть однажды соприкоснулся с Кавказом, хорошо известно, что духовность и менталитет горцев предполагают способность к добру, к красоте, к истине, постоянное

проявление такого стремления в повседневной жизни. А разве не выражением этих духовных начал являются знаменитые кавказские обычаи и традиции – гостеприимство, уважение к старшим, к женщине, взаимопомощь, щедрость и другие соционормативные элементы культуры, выражающие гуманистическую сущность человека?

Хочу вместе с тем подчеркнуть, что Кавказ никогда не был понятием этническим, а был и остается понятием географическим. Здесь проживает более 40 различных народов, которые говорят на языках, принадлежащих к пяти различным языковым семьям.

Более того, у каждого народа, проживающего на Кавказе, есть своя история, свои традиции, свой язык, свой облик. А в антропологической науке жители Кавказа рассматриваются как своего рода эталон большой европеоидной расы, и в ряде западноевропейских языков, в частности, в английском термин «кавказцы» или «кавказоиды» означает не только жителей Кавказа, но и всех представителей европеоидной расы¹.

Кавказ – это настоящий перекресток цивилизаций, на котором встречались и вступали в контакт носители культурных традиций крупнейших историко-этнографических областей Евразии – Средиземноморья и Ближнего Востока, Восточной Европы, Средней Азии².

Кавказ принадлежит к тем районам мира, где происходило формирование современного человека, здесь были первые центры выплавки железа, он является родиной десятка сортов главной зерновой культуры земли – пшеницы,

На Кавказе жили киммерийцы, скифы, сарматы, аланы. Эти земли привлекали воинов Александра Великого, гуннов, арабских завоевателей, хазар и монголо-татар, полчища Тимура. На Кавказе в течение многих столетий сталкивались интересы древнегреческих государств, генуэзцев, византийцев, Ирана и Турции.

Первые государственные образования на территории России были на Кавказе. Еще в V–IV вв. до нашей эры на Северо-Восточном побережье Черного моря предками адыгов было создано древнейшее античное государство – Синдика.

---

¹ С. Арутюнов, В. Кобычев. В краю гор, садов и виноградников. М. «Русский язык». 1987. С. 16, 17.

² С. Арутюнов, В. Кобычев. В краю гор, садов и виноградников. М. «Русский язык». 1987. С. 18.

Согласно древнегреческим мифам, к кавказским горам был прикован Прометей, похитивший для людей огонь у богов, герои-аргонавты отправлялись в путь за золотым руном к черноморскому побережью Кавказа в Колхиду. А кого не восторгали сказания о нартах – былинные богатырях Северного Кавказа, которые боролись со Злом ради счастья всех людей на земле.

Отмечая роль и значение иных, помимо русского, народов, населявших московское царство, в изгнании поляков в «смутное время», английский писатель и дипломат Джером Горсей¹ писал: «Русские вооружились терпением и выносили все, скрепя сердце, пока не нашли исход для своего освобождения. Набеги и вторжения крымских татар сильно беспокоили поляков. Но еще опаснее были для них бунты и нашествия черемисов, ногайцев, мордвы, татар, черкесов и их князей, и правителей, испытанных, смелых наездников.

Эти инородцы долго находились под властью русских царей, которые обходились с ними лучше, нежели со всеми другими нациями; и теперь, лишенные привычного хорошего обращения и притесняемые поляками, они возненавидели их, что и послужило им и русским на пользу. Они поднялись в огромном числе, вооружились, напали на поляков, подвергли их неминуемой опасности, грабили, расхищали их имущество и убивали. Поляки принуждены были обратиться в поспешное бегство, вместе с захваченными ими сокровищами и добычей.

Русские бояре, духовенство, всякого состояния люди ободрились, снова набрались храбрости, стали придумывать, как устроить государство и взять правление в свои руки, свергли власть поляков и других иноземцев; сделали это осмотрительно и на известных условиях»².

---

¹ *Джером Горсей*. Англичанин, родом из графства Дорсетшир, юго-западной Англии. Прибыл в Москву в 1572 году в качестве приказчика-практиканта английской Московской компании. В Москве сделал блестящую карьеру; был представителем Московской компании: выезжал в Лондон с посланиями Ивана Грозного к королеве Англии Елизавете I. Последняя также отправляла Горсея с поручениями к царю. Он прожил в России много лет. После смерти Ивана Грозного он вернулся на родину, где и прожил в графстве Бэкингем вплоть до конца 20-х гг. XVII века. В 90-х годах XVI века написал мемуары «Сокращенный рассказ, или Мемориал путешествий», которые пользовались огромной популярностью у него на родине.

² Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. (Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю. А. Лимонова). Лениздат. 1986. С. 224.

На Кавказе разворачивались события произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других классиков российской и мировой литературы, жили и действовали их герои. Более того, по образному выражению Белинского, «Кавказу как будто суждено быть колыбелью» русских поэтических талантов».

Продолжая исторический экскурс, мы вправе вспомнить и о выходцах из нашего края, оставивших позитивный след в истории российского государства. Еще в XVI веке по инициативе Главного князя Кабарды был подписан военно-политический договор с Российским государством, его дочь Мария стала женой царя Ивана Грозного, сыновья же Темрюка Идарова и их потомки – выдающимися полководцами, дипломатами и государственными деятелями России, получив впоследствии новую родовую фамилию князей российского государства – Черкасских¹.

И сегодня Кабардино-Балкария по праву гордится своими земляками – адмиралом флота СССР Арсением Головкин, дирижером Юрием Темиркановым, художником Михаилом Шемякиным, поэтом Кайсыном Кулиевым, писателем Алимом Кешоковым, кинорежиссером Хасаном Хажкасимовым, академиком Михаилом Залихановым, членом-корреспондентом АН РАН Асланби Темботовым, победителями и призерами олимпийских игр Борисом Шуховым, Муратом Кардановым, Хасанби Таовым, Исмаилом Акаевым и другими выдающимися представителями российской культуры, науки и спорта.

Обращение к истории при попытке понять современные тенденции развития общества не случайно. Этапы развития общества не разобщены между собой. Одно общество сменяется другим не одновременно, не за один день и даже не за один год или десятилетие. Между различными этапами развития общества всегда имелись переходные периоды, в которые сосуществовали родовые признаки уходящих времен, а в недрах предыдущих эпох зарождались новые элементы культуры и отношений между людьми в обществе.

У цивилизационного процесса (этапов развития общества) нет четких и явных границ, кроме временных рамок, условно разделяющих стадии его непрерывно и постоянно ускоряю-

---

¹ См. О. Л. Опрышко. По тропам истории. Нальчик. «Эльбрус». 2007.

щегося движения. А значит, история тысячами открытых и невидимых нитей связана с нынешним днем. Эта взаимосвязь вчерашних и сегодняшних времен и событий иногда приобретает тревожную окраску. В сознании людей все большее и большее значение приобретают «маркеры истории», реально влияющие на современность.

К сожалению, сегодня немало примеров искаженного толкования отдельных фактов прошлого, выхваченных из контекста исторических событий, становящихся идеологическим оружием в руках различных политических партий и групп и, в конечном итоге, составной частью политики.

Эти заметки – не пропаганда национальной исключительности и не желание представить кого-то в лучшем виде, и не стремление подчеркнуть, что один народ или этнос лучше или хуже другого, абсолютно нет. Но каждый из этих народов вправе рассчитывать на то, чтобы его не считали унифицированным элементом единой региональной массы. Ведь любой народ по своему уникален и неповторим, и каждый из них вносит свой самобытный вклад в материальную и духовную культуру человечества.

*Фуад ЭФЕНДИЕВ,
доктор философских наук,
профессор СКГИИ*

«ЦЕНИ ЖИВЫХ, КАК ДЕНЬ ВЕСЕННИЙ МАЯ...»

Поэты всех времен и народов воспевали всегда мир, социальную справедливость, счастье жизни и любовь ко всему живому. Об этом писали Державин и Ломоносов, Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Фет, Блок и Есенин, Бунин, Симонов, Исаковский, Ошанин и Фатьянов, Заболоцкий, Рубцов и многие другие, прославляющие человека в ситуациях нравственного выбора.

Асламбек Абдулаев (1962 г.р.) – чеченский поэт XXI века, наш современник, пишущий на русском языке, «свято хранящий в своих стихах героический национальный дух чеченского народа и выражающий этот дух в координатах великой классической русской поэзии», – как утверждается в предисловии его новой книги «Волчий след» (Москва, 2016 г.). Поэтому не случайно в стихотворении «Берегите живых» он пишет: «Цени живых, как день весенний мая...».

Собираясь издавать этот сборник стихов, поэт А. Абдулаев сознательно, глубоко продуманно выделил в нем основные разделы, такие, как «Земной статус», «Время не лечит», «Колесо жизни», «Посвящение», «Лирика», «Земля моя», определяющие его идейно-нравственные и эстетические взгляды, оттеняющие какие-либо стороны действительности и внутренний мир человека, его лирического героя, с точки зрения автора.

О каждом разделе этой книги литературовед, критик может много и детально рассуждать, опираясь на литературоведческие термины (олицетворения, аллегория, гипербола, кульминация, идея, диалог, жанры и т.д.), то есть на определенные виды лирического стихотворения. Но мы обратим внимание на посвящения и литературные послания своим друзьям и знакомым. Их в разделе «Посвящение» – 22 стихотворения: «Нальчанам», «Ответное письмо», «Память», «Боре», «Памяти Татьяны Самойловой», «Спи, Серега», «Тебе», «Эфендиеву Салиху», «Мусе Джабраилову», «Жанне», «Ефрему», «Базиеву Хасану», «Георгию (Узнику)», «Кунакам», «Жаннете», «Евгению Евтушенко».

Хотелось бы обратить внимание на художественные особенности лирического послания «Эфендиеву Салиху», приуроченного к 80-летию со дня рождения профессора КБГУ Эфендиева Салиха Ибрагимовича, который стал для студентов пророком, мудрецом и философом, аксакалом. Он перенес несправедливую ссылку, как и многие народы Северного Кавказа: чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы и другие (калмыки, немцы Поволжья и т. д.).

*На суд Его оставив их,
Вершителей того Указа,
С родной Тамарой наш Салих
Седлал научного Пегаса.*

Там, в Киргизии, в Яр-Кишлаке Сузакского района Джалал-Абадской области Салих встретил свою судьбу – Тамару Емельяновну, молодую учительницу русского языка, выпускницу Ростовского университета, которая поехала работать по направлению ВУЗа. С ней он прожил всю жизнь во взаимопонимании, уважении и трудолюбии. По народному мнению, свадьбы и судьбы людей совершаются на небесах. Об этом и пишет поэт:

*Вождем спроваженный из дома,
В степях он горы рисовал.
Влача изгнанье, встретил Тому,
Небесный дар с душой принял.*

В финале стиха поэт как бы просит прощенья в том, что он затронул в сюжете трагические далекие события и факты, сложные явления жизни, личную биографию известного на Северном Кавказе ученого Салиха Ибрагимовича Эфендиева – в его юбилей: 80-летие со дня рождения:

*P.S. Не лести ради писан стих –
Воздать почтенье господину.
Поэта да простит Салих,
Респект мой в круглую годину!
С 80-летием!*

К этому разделу можно отнести и лирическое послание «Стюардессе по имени Айша», которое начинается, казалось бы, так просто:

*Вновь в дорогу на родину предков,
«Чечен-авиа» рейсом домой:
Я летаю на нем, и нередко –
В город Грозный, до боли родной...*

А в конце и кульминация, то есть высшая точка напряжения чувств лирического героя, переломный момент в развитии действия:

*Время рейса всего лишь два сорок,
Я ж согласен и сутки лететь.
Этот ангел небесный мне дорог,
Дайте время хотя б помечтать!*

Среди лирических стихов-посланий, особенно посвящений, есть много грустных, щемящих до боли («Жизнь после тебя»), в которых голос поэта, раненный безвременной кончиной любимой, звучит проникновенно и волнует до слез:

*Безвременно угасла жизнь твоя,
А ясный день по-прежнему в зените.
Всё длится нить земного бытия,
Но нет тебя – лишь образ твой в граните...*

Романтическая традиция русской поэзии особенно видна в стихах Асламбека Абдулаева о любви. Тема любви к женщине постоянно была одной из ведущих в его творчестве и тогда, когда он проходил военную службу в Дальневосточном военном округе, а потом учился в Горском сельскохозяйственном университете в г. Владикавказ, и когда работал в Грозном. Об этом говорится в цикле стихов «Короткий роман», «Вопросы без ответов», «Ночь», «Расставание», «Весенние страсти», «Круизы в прошлое», «Родиться, жить...», «Она одна», «Предупреждение», «Прошедшие страсти», «Нас разлучают ненароком», «Отпустило», «Волшебство» и многих других.

Любовь к женщине – это для поэта высшая награда, счастье и самое прекрасное в жизни. И Асламбек искусно владеет всем богатством и многообразием форм русского стиха, чтобы искренне выразить свое чувство к любимой:

*Ты чувствуешь сама, что ежедневно
С тобою рядом друг надежный есть.
Я горы сворочу, моя царица,
А то и умереть сочту за честь!*

(«Волшебство»)

Но в жизни бывает и по-другому: благородное, чистое, преданное чувство любви бывает нарушено предательством и обманом, как в стихотворении «Стыд»:

*Тебе когда-то все же станет стыдно,
Признаешь, что была ты права.*

*Мне будет грустно, больно и обидно,
Что ты все время складно так лгала!*

Безоблачного и благополучного счастья не бывает в жизни, и поэт старается об этом искренне и правдиво говорить в цикле стихов «Колесо жизни»: («Маска», «Случайные гости», «Время – судья», «Число друзей», «Возвращение блудного сына», «Реформа», «Свободная стая» и других.)

Асламбек Абдулаев – поэт не только романтического направления в русскоязычной национальной литературе, но он и реалист, философ, поэт-мыслитель, которого волнуют многие проблемы бытия, начиная от прошлого чеченского народа до современных острых вопросов жизни горцев и их будущего. Об этом повествует большой раздел книги «Время не лечит» («Судьба народа», «Встреча», «Вдовья участь», «Словно хищники в загоне», «Сплочение», «Нет войне», «Доля», «Донбасс», «Народ изгоев», «Старый Грозный», «Эхо войны», «Мир горца», «Берегите живых», «Народ», «Город боли».

Каждое из перечисленных стихотворений несет свою самостоятельную тему и глубокую мысль – гражданскую, патриотическую, проблемную, как в стихотворении «Народ изгоев»:

*Народ, стремящийся к свободе,
В своих страданиях один
Он выживал во многих бедах
И потому непобедим.*

Асламбек Абдулаев – поэт многоплановый, своеобразный, оригинальный, неповторимый. Он и его стихи всегда оставляют читателя в глубоком раздумье. «Его стихи обладают качеством прямого действия – они доходят до сознания и сердца непосредственно, минуя метафоры, иносказания и полутона, адресуясь к фундаментальным основам человеческого бытия, поэтому они внятны и доступны самому широкому кругу читателей» – как говорится в предисловии «Земной статус».

В конце сборника «Волчий след» Асламбек Абдулаев пытается скромно сказать в стихотворении «Миссия» зачем и для кого пишут и живут люди с именем «поэт». Он не считает себя солнечным светилом («...светилом солнечным не стал. Скорее лампочкой домашней...»), но Абдулаев – талантливый чеченский поэт, который в своем творчестве стремится выразить веками накопленный духовно-нравственный опыт, философию и мудрость чеченского народа. Он является духовным выразителем родной нации, ее менталитета и мироощущения. Поэт, безусловно, органично вошел в художественную культуру чеченского народа.

ПО ДОРОГЕ В БУДУЩЕЕ

Очерк

Беева Салисат Ахмедовна

Беева Салисат Ахмедовна – главный редактор редакции вещания на кабардинском языке «Адыгэ» государственного казенного учреждения «Вещательный телеканал «Кабардино-Балкария».

Родилась в с. Каменномопское Зольского района. Окончила КБГУ по специальности «Учитель русского языка и литературы и кабардинского языка и литературы».

Общий стаж работы – 33 года, стаж работы в СМИ – 23 года.

Работала учителем в с. Аргудан; младшим научным сотрудником в Государственном объединенном музее КБАССР; корректором издательства «Эльбрус».

На телевидении начала работать редактором детских программ, была заведующей отделом главной редакции детских и молодежных программ, затем возглавила отдел в редакции художественных программ ГТРК КБР. С 2006 года – главный редактор вещания на кабардинском языке ВТК «Кабардино-Балкария».

Член Союза журналистов России, заслуженный журналист Республики Адыгея.

***

Журналистская работа разнообразна, информационно и эмоционально насыщена, и опытного сотрудника, кажется, невозможно удивить ничем. Однако порой такое случается.

Искреннее недоумение возникло у меня в период подготовки данной статьи – среди журнально-газетных публикаций и в интернет-изданиях мне не удалось найти сколь-нибудь обстоятельного материала о Салисат Беевой, известной телезрителям по девичьей фамилии – Хагундокова.

Краткая персональная информация содержится в биографическом справочнике «Энциклопедия Кабардино-Балкарской журналистики XX–XXI вв.», изданном в Нальчике в 2016 году под редакцией заслуженного работника культуры РФ Б. Б. Мазихова. В интернете – несколько упоминаний об авторстве той или иной телепрограммы. Вот, пожалуй, и всё.

А ведь Салисат Хагундовой сделано на кабардинском и русском языках более 600 телепрограмм, многие из которых демонстрировались в Кабардино-Балкарии, Республике Адыгея, а также за пределами России – в Иордании, Турции...

Многосерийные телепроекты, документальные и телевизионные фильмы, автором которых является Хагундова, всегда с большим интересом воспринимаются нашими телезрителями.

«Салисат Ахмедовна относится к числу тех журналистов, которые берутся за сложные и масштабные темы, работают в аналитических и дискуссионных жанрах, считаемых самыми трудными в телевизионной профессии, – говорится в служебной характеристике Салисат Хагундовой. – С первых лет работы на телевидении она проявила себя как успешный автор разножанровых программ.

Большой отклик у телезрителей находил дискуссионный клуб по проблемам культуры «Акъылзэхэдзэ» (реж. С. Саральпова). Сильной стороной творчества С. А. Хагундовой являются ее культурно-просветительские и культурно-исторические цикловые программы «ГъащІэ гъуэмылэ» («Традиционная адыгская культура»), «ДэкІуеипІэ» («Ступени»), «Гъуазджэм и бзэкІэ» («На языке искусства»), над которыми она целенаправленно и системно работает более пятнадцати лет, и с помощью которых обобщен огромный пласт национальной культуры.

Стоит отметить большие проекты о судьбах современных адыгов, над которыми Салисат Ахмедовна работает в последние годы. В 2004 году был снят 12-серийный телефильм «Илъэсищэрэ плІыщІрэ дэкІауэ» («140 лет спустя») (реж. А. Абазова, опер. А. Ханов) о жизни адыгской диаспоры в Турции.

Тематику самосохранения этноса в контексте проблем глобализации и вызовов времени С. А. Хагундова продолжила в 7-серийном телефильме «Пщэдей узышэ гъуэгу» («По дороге в будущее») (опер. О. Хамоков, И. Шогенов), съемки которого прошли в Причерноморье, Адыгее, Кабардино-Балкарии. Республика Адыгея отметила актуальность данного телепроекта, присвоив в 2014 году С. А. Хагундовой почетное звание заслуженного журналиста Республики Адыгея».

На телевизионном вещательном канале «Кабардино-Балкария» («1 КБР») Салисат Ахмедовна работает с 2005 года. Успешно организовывая работу редакции вещания на кабардинском языке, опытный журналист продолжает авторскую работу.

Среди последних проектов можно отметить сценарий к короткометражному художественному фильму «Ты только вернись, папа» (реж. О. Хамоков), телефильмы «Возвращенные имена» (реж. А. Абазова), «В реке времени» (реж. А. Абазова), «В поисках истины» (реж. А. Абазова), «Возвращенное солнце TS» (реж. А. Абазова).

Наверное, многие из читателей этих строк с удовольствием вспомнят кадры из вышеперечисленных телепрограмм.

Для меня кабардинский язык – закрытая книга, но безмерное уважение вызывает у меня замечательный телепроект «Телестудио», реализованный республиканским телевидением в 2014–2015 гг. по инициативе академика Международной академии творчества Игоря Дроздова.

Телеуроки были адресованы зрителям, желающим овладеть кабардинским и балкарским языками. Это был совместный проект Вещательного телевизионного канала «Кабардино-Балкария» и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Руководителем проекта был Владимир Вороков. «Телезрители просят повторить проект, да еще и продолжить, – говорит Салисат Ахмедовна, редактор программы «Телестудио: кабардинский язык». – В осуществлении проекта принимала участие большая съемочная группа во главе с режиссером Раей Кашукоевой».

Курс из 120 телеуроков кабардинского и балкарского языков – это проект, не имеющий аналогов на Северном Кавказе, уникальный и бесценный вклад в дело сохранения родного языка. Телетрансляции смотрели в Германии, Египте, США и других странах.

Техническую поддержку проекта осуществили работники ООО «Компьютерная лингвистика», во главе с кандидатом технических наук, разработчиком лингвистических программ Залимханом Нагоевым.

«Когда на телевидении показывают такие программы, то интерес к языку другого народа, уважение к нему очень сильно возрастают, и самый большой плюс проекта именно в этом», – передавала ее мнение читателям газета «Советская молодежь».

Салисат Ахмедовна говорит: «Любая телевизионная работа – это коллективный труд всех творческих и технических сил, занимающихся подготовкой и выдачей в эфир телепродукции.

Каждую передачу, о которой здесь говорится, мы делали вместе с коллегами, и я очень благодарна всем, с кем приходится работать. Я много лет проработала с режиссером Аленой Абазовой. Очень талантливая, порядочная, к сожалению, Алена рано ушла из жизни. И сегодня нам ее очень не хватает... Алене очень удавались документальные фильмы и детские программы. Для детей всегда непросто готовить материалы. У Алены это получалось здорово, она была большая выдумщица и выбирала именно те образы, которые подкупали маленьких зрителей. Передача «Лэгъупыкъу» («Радуга») полюбилась зрителям надолго, многие выпуски и сегодня идут у нас в эфире. Ее со мной делали режиссеры Алена Абазова и Анжела Кармокова».

Одна из больших и сложных документальных работ Хагундовой, сделанных совместно с А. Абазовой, – это фильм «Вдали от Родины». Он получился у них эмоциональным несмотря на то, что фильм был документальным. Тема Кавказской войны, рассказанная в нем на языке фактов, была раскрыта благодаря очень запоминающейся телевизионной форме. «Это одна из самых трудоемких наших с Аленой Абазовой работ, – вспоминает Салисат Ахмедовна. – Жанр художественной документалистики дал ход режиссерскому таланту Алены. Оператор Анзор Пханеев

был не меньше вдохновлен съемками. Сцену с сотнями человек, вынужденных покинуть родину, мы снимали в окрестностях Лечинкая. Нам все село помогало. Надо было выдержать все требования документальной правды: местность без электропроводов и столбов, одежда на людях, телеги в деталях, типажи для близких планов, психологическое состояние людей – все это тщательно прорабатывалось. Работа над фильмом запомнилась на всю жизнь. Его часто повторяют и у нас на канале, и на канале ГТРК КБР, часто его демонстрируют на канале «Нарт-ТВ» в Иордании. У многих он в домашней видеотеке, я знаю.

Я не могу не вспомнить имя Жанны Кучменовой, прекрасного режиссера. Много мудрых наставлений я от нее слышала, и всегда помню, люблю ее. Она была режиссером интеллектуальной игры «Гупсыси псалъэ» («Подумай и скажи»). В ней принимали участие до сотни человек, и эмоциональный накал в студии бывал очень высоким. Но Жанна очень умело этим процессом управляла, и сама получала удовольствие от работы. Игру эту полюбили, впоследствии во многих селах стали ее проводить».

– А какая телевизионная работа была для вас самой сложной? – спрашиваю я у Салисат Ахмедовны.

– Я много жанров попробовала за время, что работаю на телевидении. Не любила, пожалуй, только очеркового плана передачи. Люблю над темой работать. А что касается самой сложной работы – пожалуй, дискуссионный клуб «Акъылзэхэдзэ», к которому мы с режиссером программы Самарой Саральповой тщательно готовились. Самара с художниками сделали нам очень интересное, пожалуй, самое авангардное на то время на канале оформление. Ситуация с культурой, с острыми проблемами ее развития в республике была темой для обсуждения. Передачу с первых выпусков зритель принял. От зрителей приходили вопросы, темы.

Проект просуществовал года два. Я надеялась на более длительную жизнь клуба в эфире, но такого не случилось. У нас не идут на откровенные дискуссии. Бывали выпуски, в которых главные эксперты не приходили, и по ходу дискуссии ведущему, то есть мне, приходилось вести разговор, который приобретал по ходу аналитический характер. Бывали выпуски, где я, указывая на пустой стул, не называя, конечно, конкретной фамилии, опять-таки выкруливая разговор на мировоззрение, традиции, уровень развития гражданского общества, – в таких случаях все это имеет силу влияния. Претензии и к себе были часто: почему не получилось «жарко»? – и после каждого выпуска я уже сама с собой продолжала дискуссию. Хочется, чтобы

мы доросли до таких настоящих дискуссий в эфире, в прессе, да и в обществе.

В числе значительных авторских программ С. Хагундовой надо назвать передачи об адыгских просветителях и литературе. В цикл передач «Просветитель» (режиссер Алена Абазова) вошли материалы о Паго Тамбиеве, Жансохе Налоеве, Абубекире Гукемухе, Зауре Налоеве, о поколении просветителей, погибшем в драматические 30-е годы. А в программах о литературе Салисат Ахмедовна как автор больше касалась актуальных на современном этапе тем.

2004 год, Турция. Съёмочная группа в лице автора С. Хагундовой и оператора Альберта Ханова снимает 12-серийный телефильм о жизни адыгской диаспоры в Турции. Тысячи километров съёмочного пути, проходившего через всю Турцию. 40 градусов жары. Четыре недели съёмок. На плечах у Ханова 18-килограммовая камера. Сумку с ВАТАСАМ-кассетами поднимают в четыре руки.

«В течение двух лет после выхода в эфир фильма не было дня, когда б со мной не заговорили о Турции. И сейчас, десять лет спустя, задают вопросы о фильме, это правда. Не о художественных достоинствах фильма, нет – о жизни соотечественников. Мы заходили в дома, построенные в 1864 году нашими соотечественниками... Это невозможно забыть. И про это люди не могут не спрашивать.

Я очень люблю живопись, – говорит далее Салисат Хагундова. – Еще со школы выписывала журналы по искусству. И с тех пор я интересуюсь, читаю много про изобразительное искусство.

А на телевидении я, понятно, не могла про это не делать передачи. Лет 10-15 я системно работала над циклом передач «На языке искусства» – про художников, про ситуацию с изобразительным искусством в республике. Сейчас я уже занята другими обязанностями, приостановила эту работу, и скучаю по ней. Может, еще придется продолжить идти в этом направлении.

Я очень дорожу этими программами. Делала их, не имея профильного образования по искусству, но я старалась не использовать заимствованный лексикон. Писала по чутью, по чувствам. Вообще, искусство субъективно по сути».

В ближайших планах Салисат Ахмедовны – реализация телепроекта «Старые черкесские сады», сценарий которого уже практически написан. «Агрикультуру западных адыгов ученые Европы и России изучали в течение нескольких десятилетий. Яблоко, упавшее с дерева, лежало целый год и не гнило. При

этом речи о применении химии и быть не могло. В чем был секрет? Вот об этом хочется сделать фильм», – говорит Салисат Ахмедовна.

«Новое платье» – другая редакторская задумка. Она – о современности, нынешнем дне адыгского народа. Как сохранить этническую индивидуальность в условиях глобализации. Что из традиционной культуры необходимо развивать, от чего можно отказаться, какими из современных достижений представителей своего народа адыги могут гордиться? Эти и многие другие вопросы намерена поставить в будущем фильме автор – Салисат Хагундокова.

Продолжается работа над 9-серийным фильмом «По дороге в будущее» («Пщэдей узышэ гъуэгу») – рассказ о современном состоянии различных субэтнических групп адыгского народа. В апреле 2017 года семь серий фильма повторяли в эфире республиканского телевидения. Это совместный проект ВТК «Кабардино-Балкария» и торгового дома «Адыгэ унэ» (директор Мажид Утиж). На республиканском телеканале впервые в одном фильме зазвучали все говоры и диалекты адыгского языка, включая и голос последнего представителя убыхов, отдельный исторический рассказ про каждую субэтническую группу адыгского народа.

Две завершающие серии расскажут о бесленеевцах и кабардинцах.

***

Редакторский портфель журналиста Салисат Ахмедовны не оскудевает. Представительница знаменитого рода Хагундоковых, давших миру выдающихся военачальников и художников, писателей и просветителей, продолжает дело предков – хранит память о прошлом, размышляет о будущем своего народа, передает новым поколениям адыгов знания об исторических судьбах этноса.

Журналисты освещают в прессе каждый крупный проект Салисат Хагундоковой, однако практически не пишут о ней самой.

Убеждена, что давно назрела необходимость не только опубликовать очерк о творчестве заслуженного журналиста, но и подготовить телефильм о трудной, но весьма интересной работе руководителя редакции вещания на кабардинском языке республиканского телевидения.

Мухамед БЕРЕЗГОВ

***

Пустое сердце ровно бьется,
 Как метроном, как метроном,
 И светит каменное солнце
 В глазниц зашоренных проем.

А там не жарко, и не сыро,
 И веет ровным холодком,
 И все всполохи в шатком мире –
 Как под стеклянным колпаком.

Не перейдет на ритм галопа
 От лицезрения мечты,
 Не затрепещет от озноба
 В объятьях вечной мерзлоты.

Не остановится от боли,
 И не занует от тоски,
 Оно у скупости в неволе
 До гробовой своей доски.

И никогда не надорвется
 От непосильного труда.
 Как знак особого уродства
 Для неподкупного суда.

***

*Жизнь, не жестокость уроков твоих грозна,
 а грозна их таинственная недоговоренность!*

Ф. А. Искандер

О, жизнь – учитель и палач!
 И кредитор ты и коллектор,
 Баланс фиаско и удач,
 И траектория и вектор.

Твоих уроков суть ясна,
 Как след кнута на рваной коже.
 Их неподъемная цена
 Не девальвирует, похоже.

С годами только круче крен
 И неустойчивость позиций,
 И неприступность старых стен,
 И гнет всегдашний инквизиций.

Не то тревожит чуткий сон,
 Не боль фантомная, не это.
 Твоим знаменьям в унисон
 Поет дряхлеющее лето.

Твоих невысказанных слов
 Куда страшнее паранойя.
 Ведь жар пылающих костров
 Не задевает за живое.

А потому фатален день,
 Когда достигнет отголосок,
 Твоих подсказок свет и тень,
 И незаконченный набросок.

***

Источник внутреннего света,
Порой невзрачен он и хил,
Души нетленной, чистой нетто,
Без нанесенной шелухи.

И он не знает словопрений
С первоисточником своим,
Над ним не властен падший гений,
Ни царь, что правдой уязвим.

Он неподкупен и бесстрашен,
Он бесконечности знаток,
И потому не ошарашен,
Что приближается исток.

Не огорчаясь постоянством
Непостоянства бытия,
Он зрит фанерные убранства,
Что полиняли от дождя.

Летя по заданной орбите,
Не уклоняясь от пути,
Он без претензий, не в обиде,
В том, что до срока взаперти.

Источник внутреннего света
Не истощается вовек.
Как бронь святого амулета
От обездушенных калек.

Жираслан КАГАЗЕЖЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕРКЕСО-ЕВРЕЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Евреи – один из древних народов, населяющих Кавказ, история которого насчитывает 2500 лет [1]. По своей этнической характеристике (исторической, геополитической, религиозной, культурно-ментальной, психологической и т. д.) евреи Кавказа представляют собой промежуточное звено между западными и восточными евреями. Известный израильский историк И. Давид выделил следующие черты, характеризующие евреев Кавказа:

1) кавказские евреи не являются ни сефардийцами, ни ашкеназийцами, представляя собой особый этнос, возникший на основе иберийско-кавказской геополитической и полиэтнолингвистической среды;

2) под «евреями Кавказа» подразумеваются в обобщенном плане все те евреи, которые родились на Кавказе или прибыли на Кавказ и прожили там свою жизнь, независимо от страны происхождения (с данным тезисом И. Давида вряд ли можно согласиться, т.к. евреями Кавказа считают, прежде всего, горско-еврейское население, проживающее на Кавказе тысячелетиями. – *Ж. К.*);

3) для евреев Кавказа религия как общественно-мировоззренческий феномен является не культурной самоцелью, так сказать, религией для религии и во имя религии, а выражением многовековой отцовской традиции, сохраняемой в недрах коллективного сознания;

4) религиозный ритуал евреев Кавказа, несмотря на некоторую схожесть с сефардийским, являет собой в основном самостоятельно сформировавшийся ритуал кавказско-еврейских общин;

5) философия истории евреев Кавказа – это смысл многовековой эволюции данного еврейства, смысл того самого экзистенциального фактора, который обусловил его развитие и становление [2].

Первые еврейские переселенцы появились в пределах Кавказа в IV–V вв. до н.э. Среди горских евреев бытует предание о переселении их предков после разрушения Первого Храма и о происхождении их от «десяти потерянных израильских колен». На Северном Кавказе массовое появление евреев отмечается с I в.

до н.э., главным образом, в греческих колониях на территории проживания меотов – древних предков черкесов. Значительное их количество находилось на Таманском полуострове – важнейшем торгово-экономическом центре Причерноморья.

В период раннего средневековья еврейская эмиграция в пределы Северного Кавказа увеличивается, главным образом, из Византии и Ирана. В VI–VIII вв. они начинают играть значительную роль в образовавшемся Хазарском государстве, которое занимало значительную часть Северного Кавказа. Влияние евреев в Хазарском каганате настолько усиливается, что с VIII в. его государственной религией становится иудаизм.

Основная часть «черкесских» евреев проживала традиционно на Таманском полуострове. Черкесские князья, по своей ментальности далекие от торговли, с удовольствием отдавали приоритет в торговых делах еврейским и другим купцам и оказывали им покровительство.

Первым евреем, чья личность находит отражение в истории Кабарды, был **Куденет** (начало XV в.). Он являлся сподвижником **Кабарды Тамбиева** – известного черкесского политического деятеля, с чьим именем связывается закрепление за восточно-черкесскими землями названия – «Кабарда» [3]. Родовой герб **Куденетовых** и по сей день напоминает звезду Давида [4]. Благодаря женитьбе на дочери Кабарды Тамбиева, Куденет получил высший дворянский титул Черкесии – тлекотлеш. В сословной иерархии кабардинцев Куденетовы занимали третье место после князей¹ Тамбиевых.

Весьма интересными являются сведения итальянского географа и этнографа Джорджио Интериано (2-я половина XV в.) о роли евреев в культурной жизни черкесов. Согласно его данным, евреи занимались составлением документов, относящихся к экономической и политической деятельности в Черкесии [5].

В конце XV в. заметной политической фигурой, крупным коммерсантом и владельцем генуэзской фактории Матрега в Крыму являлся Захария де Гизольфи (по русским материалам – Захария Гургуруис) – сын знатного генуэзского еврея Симона де Гизольфи и дочери черкесского князя Безока Бика-ханум. Он состоял в переписке с Иваном III, и в документах фигурирует как «жидовин», «евреин» [6].

---

¹ Князьями («пщы») в Кабарде были только местные отрасли черкесских Иналидов. Кроме того, князьями были «хануко» – крымские Чингизиды-Гираи, многие из которых подолгу жили у своих черкесских родственников и воспитателей. Тамбиевы и Куденетовы – тлекотлешы (наивысшая степень дворянства).

В 1483 и 1487 гг. Захария с проезжавшими через Кафу купцами и через своего человека отправлял в Москву Ивану III письма с предложением перейти на русскую службу и получил от царя приглашение приехать в Москву [7]. Однако, видимо, Захария не хотел переезжать в Москву, его целью было с помощью Ивана III утвердиться на Тамани. Как отмечал Л. И. Лавров: «Дальновидный Иван III, охотно принимавший к себе на службу иноземных князей, был заинтересован в Захарии как деятельном и образованном человеке, имеющем связи в Западной Европе, в Крыму и на Северо-Западном Кавказе (Черкесии) и хорошо знающем крымско-турецко-черкесские дела» [8]. Иван III в марте 1485 г. направил в Крым русскому послу Шеину приказ всячески содействовать переезду Захарии на Русь. Он велел просить Менгли-Гирея послать «в Черкассы к тому Захарии своих двух человек, которые знают от Черкасс полем к Москве, а велел бы там своих людям того Захарию таманского князя из Черкасс приводить до меня» [9].

В сентябре 1489 г. Иван III отправил к Захарии посла Никифора Доманова с сообщением о месте и времени, где его будут ждать люди великого князя [10]. В мае 1491 г. из Крыма пришли вести, что Доманов не смог выполнить указаний Ивана III, так как Захария вынужден задержаться в связи со сложной обстановкой в Причерноморье. Главную причину Доманов видел в противоречии между Захарией и османским султаном [11].

Возможно, через Захарию черкесские князья, пережившие недавно османское нашествие, пытались заключить союз с Москвой против Османской империи. Этим объясняется его видимое нежелание переезда в Москву, а лишь обращение за помощью, а также независимая позиция по отношению к султану. Захария, как образованный человек, видный политический деятель, мог вполне воспользоваться черкесскими князьями для своих дипломатических целей.

Переписка Ивана III с Захарием де Гизольфи отражает важный период в истории русско-черкесских отношений. В начале XVI в. Захария де Гизольфи переходит на службу к Менгли-Гирею [12]. До 1505 г. Захария упоминается среди крымских князей, которым посылались литовские «поминки», что свидетельствует о высоком его положении при дворе Менгли-Гирея. Одновременно с переходом Захарии к Менгли-Гирею улучшаются крымско-черкесские отношения и становятся на время союзническими.

Большой интерес представляет описание еврейской общины Черкесии, данное Эвлия Челеби (1-я половина XVII в.): «...Они обитают у подножия Абхазских гор, среди неприступных скал

и дремучих лесов. Это народ ремесленный, невоинственный. Их по крайней мере десять тысяч, и нет у них вождей и правителей. Только в каждом стойбище имеется по одному-два человека управителей, достойных и отличаемых (называемых) «такаку», то есть священниками... Они не ведут торговли ни с одним народом, а также не смешиваются ни с каким иным племенем. Не берут оттуда девушек и (сами) не дают. С людьми другого народа они не делят трапезу... Они также не едят ни кур, ни свиней. Не едят они и те продукты и съестные припасы, которые берут у кого-нибудь.

А гостю они оказывают исключительное внимание и ничего у них не крадут. Крови не проливают и не ходят на войну. Меду и сыру они не едят, когда у них есть для еды бобы, горох, просяная каша. Они не едят мяса зарезанных ножом животных. Только в тех случаях, когда нет иной пищи, они режут и едят жирную скотину.

У них много овец, ягнят и коров, а свиней нет. Пьют эти люди медовуху, а бузы не пьют... Они оказывали хану безграничное уважение, однако сопровождающего войска не прислали, ибо не являются воинами... В двух часах пути на берегу реки Гиага – стоянка Мамшух наподобие крепости: вокруг нее – благоустроенное, неприступное селение азбаре. Отсюда в трех часах пути – река Уль, далее, еще в двух часах, река Серали, затем река Уарп. Эти три реки начинаются в горах Чакал в земле абхазов, текут на восток и падают в большую реку Кубань. В этих местах кончается страна Мамшуха» [13].

Принадлежность мамшухов¹ к древнейшей еврейской общине на Кавказе можно подтвердить следующими доводами. В отличие от черкесов, мамшухи не воинственны, занимались ремеслом – основным занятием евреев на Кавказе на протяжении тысячелетий. Мамшухи – замкнутая община, ее представители не завязывали родственных отношений с соседними народами, как и другие еврейские группы, жили автономно, не испытывая беспокойства и притеснений со стороны черкесов, хотя размещались глубоко на их территории. Они не ели свинину, которая в иудаизме является запретной. В отношении курятины Эвлия Челяби привел неверную информацию: евреям в пищу разрешалось употреблять курятину, но резать кур могли только специальные люди иудейской общины – резники «такаку».

У мамшухов не было религиозных книг. В данном случае уместным является замечание И. Давида о том, что кавказ-

---

¹ «Мамшухами» Челеби скорее всего назвал черкесское владение Махош в восточном Закубанье.

ско-еврейское этническое ядро сформировалось до создания и редактирования Талмуда, то есть является предталмудическим еврейством [14]. Черкесы называли членов общины «чуфуд» – евреи. Ошибочными являются выводы некоторых историков отождествляющих мамшухов с черкесами. Так Н. Г. Волкова полагала что такаку – это социальная группа черкесов, связанная с религиозными культами. Заметим, что в истории черкесов никогда не фиксировались подобные социальные группы. Однако можно допустить факт перехода части евреев на черкесский язык ввиду длительного проживания среди черкесов.

С проникновением на Северный Кавказ российской администрации произошел переход в российское подданство нескольких сот черкесоязычных евреев, принадлежавших к исчезнувшей группе мамшухов – потомков древнего еврейского населения Западного Кавказа [15].

Новый этап черкесо-еврейских взаимоотношений связан с советским периодом истории нашей страны. В 1925 г. в Нальчике начинает издаваться горско-еврейский вариант газеты «Карахалк», печатавшийся на еврейско-татском языке древнееврейским квадратным шрифтом. Редактором являлся Ханой Ифраимов [16]. В своем выступлении на третьем пленуме ЦИК КБАО (26 июля 1925 г.) глава Кабардино-Балкарии Б. Э. Калмыков предложил предоставить горско-еврейскому поселку около Нальчика автономные права, что было реализовано в том же году [17]. Первым председателем исполкома горско-еврейской автономии стал Арон Левиев. В 1938 г. автономия горских евреев была ликвидирована, и горско-еврейский поселок вошел в административные границы г. Нальчика.

Добрососедские черкесо-еврейские взаимоотношения продолжались и в трудные годы Великой Отечественной войны. Фашисты преследовали еврейское население Северного Кавказа, как и в остальных оккупированных районах. В течение сентября было расстреляно 470 горских евреев – женщин, стариков и детей в с. Богдановка Моздокского района Северной Осетии, 6000 евреев – в районе Кавминвод. К сожалению, приходится констатировать и участие в карательных акциях некоторой части населения данных районов, что наблюдалось и в других зонах оккупации германской армии. В конце октября 1942 г. немецко-фашистские войска захватили г. Нальчик, и на территории республики был установлен жестокий оккупационный режим.

С приближением фашистов большая часть трехтысячного горско-еврейского населения Нальчика сумела эвакуироваться. Многим из оставшихся помогло спастись соседнее население:

с угрозой для собственной жизни некоторые кабардинцы принимали их в свои семьи, объявляли родственниками и единоплеменниками. В мемориальном музее Катастрофы и героизма европейского еврейства в годы Второй мировой войны «Яд ва-Шем» в Иерусалиме хранятся многочисленные письменные свидетельства жителей Нальчикской горско-еврейской общины о беспримерном мужестве и благородстве кабардинцев, спасших евреев от неминуемой гибели [18].

Примечания

1. *Давид И.* История евреев Кавказа. Тель-Авив. С. 25.
2. *Давид И.* История евреев Кавказа. С. 29.
3. *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. СПб., 2004. С. 316.
4. *Бгажноков Б. Х.* К вопросу о возникновении и рубежных территориях Черкесии // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 36, 37.
5. *Интерьяно Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 47.
6. По мнению исследователей, Захария Гизольфи был генуэзцем еврейского происхождения (Голубинский Е. История русской церкви. Т. II. М., 1900. С. 889; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 397; Огородников Вл. Иван III и зарубежные евреи // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 63–75; Краснов М. Просветители Кавказа // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. V. Ставрополь, 1913. С. 3; Гессен Ю. История еврейского народа в России. Т. I. Петроград, 1916. С. 24–28.
7. *Зевакин Е. С., Пенчко Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний на западном Кавказе в XIII и XV в. // Ист. зап. Т. III. 1938. С. 128, 129.
8. *Лавров Л. И.* К истории русско-кавказских отношений XV в. // Ученые записки Адыгейского НИИ истории. 1957. Т. II. С. 25.
9. Сборник РИО. Т. 41. С. 73.
10. Сборник РИО. С. 77.
11. Сборник РИО. С. 114.
12. Сборник РИО. С. 309.
13. *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. М., 1982. С. 54.
14. *Давид И.* История евреев. С. 29.
15. Народы России. Евреи. Москва // БРЭ. 1994. С. 154.
16. Газета «Карахалк». Нальчик, 1925. 19 июля. № 556. С. 3.
17. ЦГАКБР. Ф. Р-2, оп. 1, д. 28, л. 10.
18. *Мурзаханов Ю. И.* Горско-еврейская община в годы Великой Отечественной войны // Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной Войны (к 60-летию Великой Победы). Нальчик, 2005. С. 85.

Ольга ПОРОЗОВА

Ольга Валерьевна Порозова родилась 7 апреля 1965 года в г. Сасово Рязанской области. Окончила Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова. Работает врачом в железнодорожной больнице родного города. С юности пишет прозу и стихи. Часто гостит у близких родственников в Нальчике.

ЗЕЛЕННЫЕ ЯБЛОКИ*Рассказ*

Вечер был ненастным, сырым, как многие деревенские вечера осенью, стояла непролазная грязь, и если бы Наталья Петровна не считала себя интеллигентной женщиной (возможно, напрасно), то уже давно бы смачно материлась. Перспективы были так себе – предстояло ночное дежурство в участковой больнице. Вовсю брехали собаки, а интеллигентная женщина вынуждена была надеть простые резиновые сапоги на шерстяной носок, чтобы не утонуть в аппетитно чавкающей грязи. Луна, дабы внести нотку романтики в далеко не романтическую ситуацию, включила подсветку, и – в лучших традициях русского рассказа – поблескивало в луже горлышко разбитой бутылки. На деревне, как известно, пьют. Со стоном и приглушенными ругательствами – и с интеллигентными женщинами это бывает – стойчески выдирая ноги попеременно из грязи, полнотелая врачиха добралась таки до места назначения. Знаете ли вы, что такое участковые деревенские больницы? Нет, вы не знаете, что такое участковые деревенские больницы. Прижав уши, как зайцы, проезжайте, проезжайте мимо участковых больниц, ни в коем случае не останавливайтесь. Но если вы больны и вам больше некуда – упаси Господи – идти, идите, идите в участковые больницы, живите в них, любите их, если сможете, и умрите в них, если не повезет.

Тяжело ступила на ветхое крыльцо густо облепленная грязью нога деревенского эскулапа. Напоследок ругнувшись и приняв более благостное выражение, взошла, как полная луна, круглое лицо надежды вверенного ей деревенского населения над всеобъемлющей деревенской тьмой, и просунулась в дверь.

– Лена! – позвала Наталья Петровна, и на зов выскочила маленькая, юркая, похожая на мышь санитарка.

– Ох, и как уж дошли-то, Наталья Петровна, ведь грязь-то непролазная, – затараторила она. – Давайте я вам сапожки-то помою.

– Да что вы, Лена, перестаньте. Поступившие есть? – спросила доктор, кое-как сдирая тяжелые от грязи сапоги.

– А как же, Наталья Петровна, Иванову привезли еще за-светло. Парализовало. Да вы не беспокойтесь, её Вера Антоновна описала и назначения дала. Уж и откапали. Дорога-то больно плохая, развезло, если к утру ей получше будет, так в райцентр и отправят. Вам только посмотреть. Вы уж с дороги чайку, ветер-то какой...

Наталья Петровна, отдышавшись, застегнула на своем порядке округлившимся за последнее время животике белый халат, – на деревне, как известно, непьющие по вечерам смотрят телевизор под толстый бутерброд, – присела и взяла стакан чаю.

– Тяжелая? – прихлебывая, спросила она.

– Да-а, вот боюсь, не померла бы до утра-то. Что и говорить, старая, ведь восемьдесят все, да ещё сынок, паскуда, доконал, хлещет водяру-то без передышки. Он и сейчас здесь, уж простите, не смогла выгнать, и пьяный к больной-то матери пришел, пьянющий.

– То есть как это не смогла выгнать? Он что ж, и сейчас в палате пьяный?

– Да уж простите, не уходит, и все, – виновато потупилась санитарка. – А вы брали в сельпо яблоки, Наталья Петровна? Зеленые. Твердые – страсть! – как железо.

– Да при чем тут яблоки, – рассердилась Наталья Петровна. – Яблоки-то при чем? Ночь уже, и пьяный в палате. Распустились тут. – Наталья Петровна, негодую, повесила фонендоскоп на шею, взяла аппарат для измерения давления и решительно направилась в первую палату.

Картина, представшая ей, поразила и выдавшую виды докторицу. На кровати с полузакрытыми глазами лежала парализованная старуха. Она тяжело дышала, и в полуоткрытом рту торчал единственный зуб. Рядом, на стуле, в позе беспредельного отчаяния распростёрся пьяный сын, под ногами валялась сброшенная прямо на пол телогрейка. Вжав плечи, свесив к матери голову, он, казалось, не видел и не слышал ничего вокруг, кроме её дыхания. Рядом, на столе, в газетном кульке лежали те самые – а их уж и Наталья Петровна пробовала – железобетон – зеленые яблоки, такие ненужные, такие драматичные, что и самый талантливый режиссер в талантливой пьесе эту тему не догадался бы использовать. Наталья Петровна посмотрела на согнутую спину посетителя – настоящее воплощение вины – докторшу сын так и не заметил, на его слепое от отчаяния лицо, на эти яблоки – всё, что он догадался принести в больницу, – и в глазах предательски зашипало. «Чуть позже посмотрю», – подумала доктор и осторожно прикрыла за собой дверь.

*Светлана КУДАЕВА,
учитель русского языка и литературы
МКОУ СОШ № 3 с.п. Псыгансу*

МОЙ УЧЕНИК

Я, как учитель русского языка и литературы, обучаю Рустама с восьмого класса. И знаю его как дисциплинированного учащегося, имеющего спокойный характер, тактичного и корректного человека.

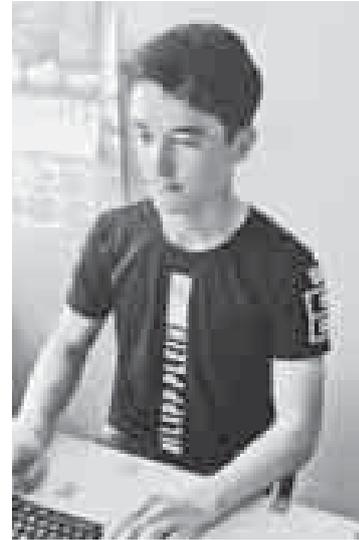
У него прочные знания по всем предметам, учится только на «отлично». Особый интерес проявляет к гуманитарным, филологическим наукам, владеет базовыми знаниями и умениями, ориентируется в фундаментальных проблемах изучаемых наук. Понимает смысл и необходимость каждого из изучаемых предметов. Подтверждением сказанному являются его достижения на предметных олимпиадах. Рустам является победителем Всероссийской олимпиады школьников по литературе на муниципальном уровне 2016 года, призёр этой олимпиады по русскому и английскому языкам, МХК и экологии на муниципальном уровне в 2017 году, неоднократно удостоен грамот за особые успехи в изучении отдельных предметов.

Он – призёр конкурсов сочинений на республиканском и международном уровнях, конкурсов чтецов на муниципальном уровне.

Кроме всего вышеперечисленного Рустам обладает богатым внутренним миром, высоким уровнем воспитания. Он воспитывается в многодетной дружной семье. Родители уделяют большое внимание обучению и воспитанию всех детей. Дети – отличники учебы, увлекаются музыкой, рисованием, танцами, конструированием, часто защищают честь школы в конкурсах, олимпиадах, смотрах на различных уровнях.

Рустам способен на эмоциональный подъем в творческих ситуациях. Вдохновение, воображение, фантазия, готовность и способность к новаторству, идеям делают его незаменимым человеком при реализации творческих проектов.

О том, что он творческий человек, можно судить по его увлечениям. Особенно он увлекается историей и литературой. Эти предметы у него настолько взаимосвязаны, что, знакомясь с определённым историческим фактом, он воплощает своё мнение в стихотворные строки. Так получилось и на этот раз. Ему

*Рустам Шереужев –
ученик 11 класса
МКОУ СОШ № 3
с.п. Псыгансу
Урванского района*

небезразлична история легендарного острова Атлантида. Его волнует упоминание о канувшем в вечность государстве. Рустам задается вопросом: Атлантида – это красивая легенда или реальность? Ознакомившись с некоторыми трудами древних и современных авторов о затонувшем острове Атлантида, он написал стихотворение «Атланта царство – Атлантида», и я позволю себе привести его полностью:

Стран могучих тьма была:
Цивилизации ольмеков,
Инков, персов и ацтеков.
Но им судьбой предрешена
Была гибель, племена
Ложились жертвами набегов.

Паденье грешной Атлантиды,
Будь то просто аллегория
Иль правдивая история,
Есть исход богов обиды –
В царство злобной Персеиды
Ушла атлантов территория.

Как написано Платоном,
У Геркулесовых столбов,
Против Атлантовых холмов,
Под марокканским небосклоном
Зевеса братом, Посейдоном,
Был создан край полубогов.

Атланты здесь обосновались,
Вдали от остальных людей,
Не зная бед, полны идей,
Довольно быстро развивались.
Чудесны вещи создавались
Людьми божественных кровей.

Их знания были безграничны:
Могли погодой управлять
И пыл соседей умирять
При действиях аполитичных.
Раз больше было этак в пять.

Но вот враги их сговорились,
Решили штурмом брать Афины.
Вояки высшей дисциплины
В броню поспешно облачились,
Так мести жаждали элины!

Не ради злата или славы,
Покинув жён своих, детей,
Шли греки против сверхлюдей.
Они все жаждали расправы
Над извергом, чей меч кровавый,
Предвестник горя и смертей,

Громил недавно стольный град
Эллады. Родину богов,
Олимп громить он был готов,
Чему Зевес мой был не рад.
Атланты все, и стар и млад,
Порочить стали честь творцов.

Своё величье растеряли,
Столпы Олимпа невзлюбя,
Грехи молитвам предпочтя.
Что шли ко дну, они не знали,
В конце концов, они вдруг стали
Превозносить самих себя.

Всё было быстро решено:
Так повелел метатель молний,
Чтоб поднялись до неба волны,
Чтоб, с чудесами заодно,
Дитя морей ушло на дно.
Приказ был тотчас же исполнен.

Так кануло в небытие
Атланта царство – Атлантида.
И большинством людей забыто
Мгновенно стало. И везде
Теперь о нём как о вранье
Твердят учёные открыто.

Споры о том, является ли Атлантида легендой или реальностью, не утихают и по сегодняшний день. Возникают и умирают различные теории и догадки. Некоторые из них подтверждаются наукой, другие больше похожи на красивую сказку. Хочется надеяться, что загадку Атлантиды разгадают наши дети или внуки. Но, может быть, пройдут ещё две тысячи лет, а история затерянного острова останется тайной, и наши потомки, как и мы сегодня, будут терзаться догадками и предположениями.

Эта новая книга – путевые заметки автора, родившиеся в связи с важным событием в его жизни – исполнением мечты о восхождении на вершину Эльбруса. Это рассуждения, а порой и фантазии публициста о времени, о людях, с которыми при разных обстоятельствах сводила его судьба, о радости побед и горечи утрат. А главные героини книги Ахмеда Жаманова – это его земляки, о которых он повествует с бесконечной нежностью и любовью. По большому счету, это гимн Эльбрусу и людям родной земли – Кабардино-Балкарии.

Знамя адыгов на вершине Килиманджаро. Ахмед Жаманов

Людмила ШАУЦУКОВА

Адыгская гармоника – пшынэ – удивительный инструмент. Между тем, ей не так много лет: попав на Северный Кавказ в первой половине 19-го века, к его концу вятская гармошка претерпела множественные изменения и, значительно трансформировавшись, стала любимейшим национальным музыкальным инструментом адыгов, аутентичным не только по способу и технологии изготовления, но и своему тембру, звучанию, ладовой интонации. Она смогла идеально выразить и воплотить методы фольклорного самобытного интонирования, в частности, варьирования – одного из фундаментальных приемов традиционного искусства.

Адыги – народ музыкальный, и это отмечали многие русские и зарубежные путешественники, начиная с Интериано (генуэзский историк, этнограф, путешественник, автор первого в Европе описания Черкесии – 1502 г.), поэтому музыканты у них были в особой чести – обидеть, унижить музыканта считалось недопустимым в духовной культуре народа, а девушки-гармонистки были самыми желанными невестами в любом ауле. Существовала шутка: если дочка не вышла лицом и статью, дай ей в руки гармошку и научи играть – отбою от женихов не будет. Так или иначе, в каждом селе были свои гармонисты – пшынауэ, многие из которых прославили свою национальную культуру.

Стоит ли говорить о том, что в исполнительской интерпретации народных мелодий и наигрышей огромное значение имеет личность музыканта-исполнителя, степень его дарования и художественная интуиция, знание им своеобразия и специфики этнической духовной культуры. Эти качества всегда отличали выдающихся исполнителей адыгской национальной музыки, которые открывали оригинальные творческие направления, новые горизонты в искусстве.

Эта работа посвящается замечательным музыкантам, чьи имена широко известны в республике и за ее пределами: Индрис Кажаров, Кураца Каширгова, Мухажир Пшихачев и др. Здесь дан иллюстративный материал, представленный нотными записями известных в народе музыкальных произведений для адыгской гармоника, фотографиями музыкантов.

*Людмила КАСЬКОВА,
воспитатель детского сада № 40*

ШКОЛА ПАТРИОТОВ

30 декабря 2015 г. правительством РФ принята государственная программа «Патриотическое воспитание гражданина РФ на 2016–2020 годы. Системе образования принадлежит ведущая роль в гражданском и патриотическом становлении подрастающего поколения.

Любовь к Родине – одна из высших человеческих эмоций.

Чтобы слова «я люблю свою Родину» не превращались в пустой звук, важно, чтобы яркий, емкий образ Родины возник уже у дошкольников. Чтобы любить родину, надо знать – за что ее любить, надо знать ее историю, знать героев и их великие подвиги. Только дав ребенку эти знания, мы можем создать необходимые условия для преемственности, духовной связи поколений, воспитания в каждом ребенке патриота и гражданина.

27 февраля, в рамках проекта «Горжусь тобой, моя Россия», дети ДСП № 40 «Колокольчик» посетили Добровольное Общество Содействия Армии, Авиации и Флоту России КБР.

Очень радушно и с теплотой встретили детей сотрудники оборонного общества (Нальчикская объединённая техническая школа ДОССАФ РОССИИ КБР).

Детям был продемонстрирован класс по патриотическому воспитанию. Интересную беседу о героях России и родного края провел заместитель начальника Автошколы по военно-патриотическому воспитанию.

Был продемонстрирован видеофильм – «Патриотическое воспитание детей дошкольного возраста».

Дошкольники посмотрели, где проводятся занятия с будущими водителями, поговорили о правилах дорожного движения и о важности их выполнения и имели возможность прощупать руками внутреннее содержимое автомобилей.

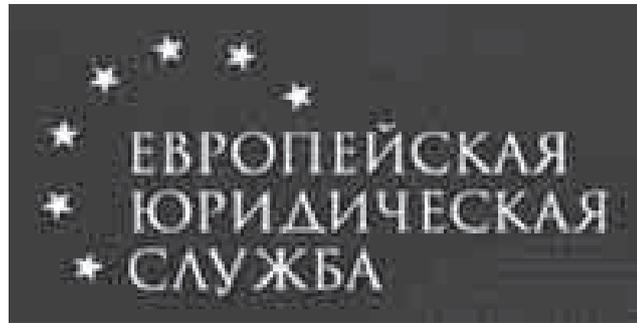
Посмотрели миниавтодром, где курсанты отрабатывают навыки вождения, просмотрели автопарк, сидели в кабинах грузовых машин. Опытные инструктора автошколы покатали ребят на учебных автомобилях.

Дети были в восторге от поездки. В память о встрече воспитанникам детского сада были сделаны памятные подарки.

И кто знает, после этой экскурсии, может быть, у многих мальчиков и девочек появится желание стать военным и с честью отстаивать свой родной край, свою Родину. Ведь недаром ДОСААФ зовется школой патриотов.

ВЕРНЫЙ ДРУГ И СОЮЗНИК

Очень часто, просматривая какой-нибудь европейский или американский кинофильм, мы видим, как кто-нибудь из персонажей – при возникновении малейших проблем, связанных с

ущемлением его прав, – берет в руки телефон и звонит своему адвокату. В кино адвокатам звонят не только олигархи и опальные министры, но и обычные граждане, в том числе и те, кто общается со своим «лоером», находясь в стенах пенитенциарных учреждений. Такова тамошняя практика, и поэтому люди чувствуют себя защищенными от государственного произвола или криминала. Они понимают, что юридическая профилактика, осуществляемая их защитником, гораздо более эффективное и дешевое средство, нежели услуги знаменитого адвоката «по случаю», которые к тому же часто оказываются сильно запоздавшими. Одним словом, профилактика заболевания лучше и дешевле радикального медицинского вмешательства. То же самое можно сказать и о профилактике юридической, однако наши сограждане вспоминают про свои права и адвоката обычно в самый последний момент, когда уже «наломали дров» и потеряли контроль над ситуацией. Причина такого положения вещей часто заключается в том, что рядовой гражданин попросту не имеет средств на оплату адвокатских услуг. Что же ему делать в таком случае? Как защитить свои права?

Ветеран государственной службы и участник боевых действий Светлана Ноговикова говорит, что для таких людей и существует Европейская Юридическая Служба – ЕЮС. Принцип действий гражданина, попавшего в затруднительную, с правовой точки зрения, ситуацию прост: он берет телефон и излагает суть своей проблемы юристу ЕЮС. С этого момента ваши проблемы с законом, либо его блюстителями становятся головной болью адвоката – не вашей. Вы лишь выполняете его предписания, остальным занимается ЕЮС. От сотрудников службы, занимающихся вашим делом, вы узнаете, что делать

в тех случаях, когда на работе, в магазине или поликлинике нарушаются ваши права. Вы узнаете, как наказать хама, вымогателя, мошенника, узнаете, что делать, чтобы избежать увольнения, пересчитать пенсию, взять кредит. Что делать, когда ребенка не берут в садик или в школу или не оказывают законных медицинских услуг. Вам не нужно будет держать всю эту информацию в своей голове, вы можете обратиться за консультацией и помощью в любой момент, в любое время дня и ночи, в праздник или выходные.

Светлана Ноговикова знает, о чем говорит. Сегодня она является партнером ЕЮС в Кабардино-Балкарии. Повод для её знакомства со службой был связан с невыплатой после смерти супруга положенной пенсии по потере кормильца, которую должна была получить семья. ЕЮС решил проблему быстро и в полном объеме.

– Год назад у дочери – студентки одного из столичных вузов – украли мобильный телефон, – рассказывает Светлана. – Украли в кафе. Представьте: Москва, многолюдное кафе, заполненное студентами, суeta и броуновское движение людей и машин. Большинство из нас, обнаружив пропажу гаджета, оставили бы её без последствий, ведь тщетно искать иголку в стоге мегаполиса. Но дочка позвонила мне, я обратилась за

помощью в ЕЮС, и спустя пару недель любимый «айфон» был найден.

Проблемы, с которыми сталкивалась наша гостья, она теперь решает исключительно с помощью ЕЮС, в которой увидела верного друга и союзника.

– Европейская юридическая служба, – объясняет Светлана Ноговикова, – действует сегодня в пяти странах: России, Польше, Украине, Армении и Казахстане. Клиентами ЕЮС на сегодня являются более 550 тысяч человек, проживающих в этих государствах. Тарифные планы ЕЮС предполагают три основных абонементов, которые включают перечень из 13 услуг. Самый недорогой, базовый тариф стоит 5 тыс. рублей в год, которые вы, посредством гаджета или персонального компьютера переводите на счёт службы. Абонемент на услуги для семьи из четырех человек стоит 9 тыс. рублей в год. Услуги ЕЮС по абонементу для бизнесменов обойдутся вам в 18 тыс. рублей. Вы вольны выбирать услуги по карману, и для большинства граждан их цена вполне приемлема. Есть и ряд других пакетов юридических услуг, максимальная стоимость которых в год составляет сумму до 170 тыс. рублей. В службу клиент может обратиться также и с просьбой об услуге, которая не предусмотрена в оплачиваемом им пакете. И эта проблема будет решена. В любом случае юристы ЕЮС подскажут вам алгоритм ваших действий. Подробнее информацию о работе ЕЮС с клиентами вы можете получить в инфоцентре «ЕЮС-Нальчик» (<http://advogrand.com/?id=331861>).

Непосредственную юридическую помощь жителям республики ЕЮС оказывает через сервис «Advogrand», который является скорой юридической помощью. Уже 10 лет юристы европейской юридической службы работают с клиентами в онлайн-режиме. Подсчитано, что за этот период времени сотрудники службы предоставили более 3 миллионов консультаций, и количество пользователей её услугами непрерывно растет.

– С тарифами и деталями работы ЕЮС желающие могут ознакомиться в интернете, – говорит Светлана. – Я же хочу обозначить для читателя лишь основные услуги, оказываемые службой своим клиентам. Это:

– экстренная устная консультация, когда присутствие юриста необходимо здесь и сейчас;

– предоставление шаблонов документов и инструкция по их заполнению (юристы ЕЮС помогут в составлении и заполнении нужных документов);

– услуга «Доверь переговоры юристу», когда юрист защищает права клиента по телефону, то есть разговаривает с вашим оппонентом посредством вашего гаджета;

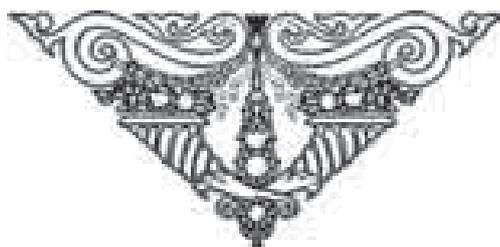
– письменная консультация, когда клиент отправляет письменный запрос и получает развернутый письменный ответ;

– «Звонок юриста компании», когда юрист ЕЮС решает вашу проблему без вашего присутствия, а по итогам затем отчитывается перед клиентом.

По мнению Светланы Ноговиковой, благодаря такому сервису любой гражданин РФ и Кабардино-Балкарии, включая несовершеннолетних, пенсионеров, бизнесменов и политиков, и даже представителей силовых структур, имеет возможность воспользоваться советом профессионального юриста в конфликтной и любой другой экстренной ситуации.

– Я очень советую жителям республики стать постоянными пользователями услуг Европейской юридической службы, – говорит Светлана Ноговикова. – Присутствие в вашей жизни невидимого юриста двадцать четыре часа в сутки качественно изменит вашу жизнь, сделает её спокойной и счастливой. Многие наши неприятности и беды происходят от отсутствия у нас элементарной юридической грамотности, от незнания, когда и к кому обратиться. ЕЮС знает ответы на эти и другие вопросы. Убедитесь в этом сами. Мы приглашаем к диалогу всех, кто ценит свое время. Первую консультацию в ЕЮС вы можете получить бесплатно. 1) Скачайте мобильное приложение Reworld на любой смартфон или планшет. 2) Введите код активации: 92002. 3) Просмотрите два ролика и получите сертификат на бесплатную юридическую консультацию.

Желаю читателям вашего журнала скорейшего решения всех нерешенных ситуаций и спокойной жизни!

Сафарби ШХАГАПСОЕВ,
Карина ШХАГАПСОЕВА

Амброзия полыннолистная в Кабардино-Балкарии

Амброзия полыннолистная – североамериканский вид, заносное и натурализовавшееся растение в Европе, Средиземноморье, Малой и Средней Азии, Южной Америке, Австралии, Африке и Южной Азии. Совмещает в себе признаки вагативного и ирруптивного типов жизненных форм, а потому активно «захватывает» новые площади обитания, «забивая» другие виды (Зозулин, 1961) естественной растительности. Это яровой однолетний карантинный сорняк, вызывающий аллергические болезни у детей и взрослого населения.

На Кавказе амброзия впервые была собрана ставропольским ботаником С. Г. Колмаковым в 1918 г. В Кабардино-Балкарии очаги вида обнаружены в послевоенное время. Об этом свидетельствует Постановление Совета Министров КАО 1952 года, в котором отмечено, что «...за последние 2–3 года амброзия распространилась на полях колхоза им. Сталина и подсобного хозяйства Крахмального завода, чем наносит ущерб этим хозяйствам» (УЦГА АС КБР: Р-660, оп. 1, д. 66, л. 137). Предполагалось ликвидировать эти очаги в течение апреля-мая 1952 г.

В 1953 г. Правительство КАО обязало Минсельхоз области, председателей райисполкомов, дорожников «принять необходимые меры по выявлению всех очагов карантинных сорняков

(в том числе и амброзии) и обеспечить своевременное проведение агротехнических и др. мероприятий, чтобы в течение 2–3 лет полностью уничтожить все очаги распространения (УЦГА АС КБР: Р-683, оп. 1, д. 45, л. 84).

Однако экспансия амброзии продолжалась, несмотря на борьбу с ней. Уже в 1957 г. ею были засорены 8589 га в республике (УЦГА АС КБР: Р-5, оп. 1, д. 368, л. 10). Позднее в Постановлении № 246 от 22 мая 1957 г. Правительство КБАССР обязывало руководителей районов, колхозов и совхозов усилить меры борьбы с этим карантинным сорняком: впредь запрещалась заготовка из них веников и матов для использования.

Впоследствии, вплоть до сер. 80-х – нач. 90-х годов XX в., Правительство республики систематически объявляло месячники борьбы с амброзией повсеместно, с возложением ответственности за мероприятие на руководителей разных уровней (УЦГФ АС КБР: Р-23, оп. 3, д. 232, л. 184). Только в конце 60-х годов XIX в. специалисты-врачи и население начали узнавать и распознавать амброзию. По мнению знатока адвентивной флоры А. Х. Кушхова (1984), в этот период «ни один из городов Северного Кавказа не был засорен таким обилием амброзии, как Нальчик». Это город, считавшийся в те годы одним из курортных! Амброзия вольготно чувствовала себя везде и всюду, во всех административных муниципальных образованиях, занимая все возможные экологические ниши, заходя даже в тепличные хозяйства ОПХ «Декоративные культуры» г. Нальчика и в настоящее время до территории высокогорного национального государственного парка «Приэльбрусье». На некоторых участках можно было насчитать более 1000 особей на 100 м². Тем не менее, исполнительный орган власти республики не принимал существенных мер борьбы. Сегодня на обочинах дорог, окраинах сельскохозяйственных посевов в Терском, Лескенском, Черекском и других районах заросли амброзии, благодаря «краевому эффекту» и полному равнодушию ответственных лиц (арендаторы, администрация), сформировали чистые сообщества, достигающие высоты I яруса (до 2 м). А ведь известно, что отдельные особи амброзии дают в год до 100 тыс. семян, способных сохранять всхожесть до 6 лет (Доброхотов, 1961), а потому необходимо вести борьбу круглосуточно с этим сорняком всеми методами, начиная от химических, заканчивая биологическими, с использованием достижений современной науки в этих областях.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОРОБЬИШКИ

Воробышек называет свое имя

Вывелся воробьишка в гнезде под крышей большого деревянного дома. Дощатый карниз крыши обходил вкруговую весь дом. В одном месте доска карниза покоробилась: образовалась большая щель. Вот здесь-то воробьи и сделали гнездо.

Воробьишка вылупился из яичка совсем маленький, голенький и слепой. Большие глаза только намечались под розовенькой кожицей головы. Зато клюв занимал полголовы, его окаймляла широкая желтая полоса.

Воробьишка все время пытался поднять свою головку, но она падала на дно гнезда между двумя яичками, ещё не проклюнувшимися. Воробьишке было холодно. Он дрожал. Прилетела воробьиша-мама. Она в первую очередь выбросила из гнезда половинки пустой скорлупы, потом уселась так, чтобы птенчика и оставшиеся яйца лучше прикрыть. Птенчику сразу стало тепло, он перестал дрожать.

На следующий день проклюнулось ещё одно яйцо. Из него вывелся совсем маленький птенчик. Папа-воробей принес своему первенцу червячка, потом второго его сестренке. Третье яичко воробьиша вытолкнула из гнезда. Она как-то узнала: яичко негодное – болтыш.

Теперь родители подносили червячков и мошек постоянно. Слепые воробьишки поднимали головки, широко раскрывали клювики и моментально глотали то, что им совали родители. Воробьишку кормил отец, его сестренку – мама.

На пятый день у воробьишки на крылышках и там, где должен быть хвост, появились черные тонкие палочки. Они скоро стали лопаться и превращаться в перышки.

Как-то воробьишка, проглотив очередного червячка, сказал свое первое слово: «Чив». Мама-воробьиша радостно захлопала крылышками: «Сынок сказал «Чив!» Это его имя! Так и назовем его – Чив!»

Как Чив чуть не погиб

Чив был очень подвижным птенцом. На его крылышках выросли настоящие перышки. Хвостик тоже стал довольно большой. Только тельце оставалось ещё голеньким.

Чив постоянно взбирался на край гнезда и любил сидеть там, бесстрашно поглядывая вниз. Однажды порывом ветра его сбросило на землю. День был пасмурный, холодный, как осенью,

моросил дождь. Чив сделал несколько прыжков, выбрался из травы на дорожку. Дальше двинуться на смог. Он упал и лежал неподвижно, скоро он совсем окоченел.

Здесь и увидел его Олежка, поднял птенчика. Тот был холодный, не подавал никаких признаков жизни. Олежка попытался согреть птенчика в ладонях, своим дыханием. Птенчик не оживал. Мальчик побежал домой, положил птенчика под настольную лампу, включил ее.

Прошло несколько минут, и воробышек шевельнулся. Птенчик ожил, сел и даже клювик просительно раскрыл. Олежка пинцетом вложил ему крошку хлеба. Так Олежка кормил его несколько дней. Потом насыпал на подоконник немного пшена перед птенцом и постучал пальцем, как это делала мама, когда кормила маленьких цыплят. Птенчик клюнул одно зернышко, второе, склевал всё.

Прошло около месяца. Воробышек жил в небольшой клетке, около окна. Желтая полоса вокруг клюва исчезла. Он полностью покрылся перьями. Если клетку открывали, летал по комнате, садился на шкаф, на люстру, на оконную занавеску. Однажды он сел на край открытой форточки, что-то громко чирикнул на прощание и улетел в большой мир.

Как Чив научился охотиться

Привольно жил Чив во дворе. Весело было ему в стайке таких же, как он, воробьев. Но Чив и отличался от всех: он любил бывать один. Наверное, сказывалась жизнь у Олежки, в клетке. Об этом он не забывал, иногда подлетал к открытой форточке знакомого окна, садился, что-то чирикал, но в комнату никогда не залетал. Даже насыпанное на подоконник пшено не соблазняло его.

В середине лета вся стайка воробьев летала далеко в поле. После уборки пшеницы там можно было вдоволь полакомиться зернышками.

Однажды, возвращаясь с поля, Чив пролетал над лугом. Он заметил в траве ползущего червяка. Чив остановился над этим местом, трепеща крылышками, как это умеют делать только птицы. Из травы выскочили зеленый кузнечик, какая-то мошка и крупная желтая бабочка. Кузнечика Чив схватил на лету. Мошка успела скрыться в траве. Бабочку Чив не тронул: крылья большие, а есть нечего. Чив остановился над лугом в другом месте и опять затрепетал крылышками. Из травы вылетели несколько насекомых. Чив успел схватить двух.

С тех пор он довольно часто летал на луг охотиться.

Как Чив дубовую рощу спас

Чтобы долететь до поля, нужно было миновать большую рощу. Воробьи обычно отдыхали здесь. Возвращаясь домой, Чив устроился в густой кроне дуба и на этот раз. Вдруг прямо перед ним спустилась на паутинке с ветки золотистая крупная гусеница. Чив склевал ее. Посмотрел: на самой верхушке ветки – паутинный мешочек, полный таких же гусениц. Они жадно поедали листья. Чив подлетел к мешочку, ножкой разорвал паутину. Потревоженные гусеницы забежали внутри мешочка, стали выползать наружу. Чиву оставалось только склевывать их. Это увидели и другие воробьи. Они тоже стали вскрывать мешочки на концах веток и склевывать жирных, вкусных гусениц.

На следующий день стайка воробьев не полетела в поле – остановилась в роще. С каждым днем птиц стало прилетать больше. Так продолжалось несколько дней, пока не были склеваны все гусеницы. На концах веточек стали появляться новые клейкие листочки.

Купаться нужно вовремя

Наверное, каждый видел, как птицы купаются. Это они делают летом и ранней осенью. Купаются в мелких лужицах. Чив был очень чистоплотен, он регулярно купался. Наступила зима, выпал снег. Попробовал искупаться в снегу. Б-р-р, холодно! Во дворе дома был кран. Однажды его забыли закрыть. Около крана образовалась лужица. От неё в холодном воздухе поднимался пар: вода была теплее воздуха. К лужице слетелись воробьи. Они весело плескались, крылышками брызгались друг на друга. Но крылышки намокли и стали обмерзать льдинками.

Воробьи отяжелели и не могли взлететь. Вороны, никогда не трогавшие юрких воробьев, теперь стали преследовать обмерзших птичек. Многие воробьи были безжалостно убиты и расклеваны хищницами. Чиву повезло: он смог добраться до куста крыжовника, забиться в самую середину. Это спасло его. Более того, Чив об стволики крыжовника сбил льдинки с крыльев. Зимой Чив больше не купался.

Чив и синицы

Зима – очень тяжелое время для птиц: попробуй найди корм, когда всё покрыто снегом и совершенно нет никаких насекомых!

Как-то раз Чив увидел на дорожке кусок хлеба. Он слетел к нему. Прилетели и другие воробьи. Они теребили кусок хлеба, ссорились, мешали друг другу. Подлетел большой сизый голубь. Воробьям пришлось разлететься. Собрались еще несколько голубей. Они с хлебом быстро справились. Напрасно воробьи надеялись, что останутся хоть крошки.

Чив несколько раз подлетал к знакомому окну, подолгу сидел на ветке соседней яблони. Форточка не открывалась.

И тут он увидел: целая стайка синичек слетелась к подвешенной к ветке той же яблони небольшой коробке и клевала насыпанный корм. Другие птицы боялись садиться на подвешенную качающуюся кормушку. Чив вспомнил свою клетку, в которой вырос. Она висела около окна и раскачивалась, когда Чив подпрыгивал или хлопал крылышками.

Чив смело слетел к кормушке. Он набил свой зобик зернышками пшена и хлебными крошками. Кусочки сала он не тронул: не знал, что это такое. Каждый день Чив прилетал сюда. Синицы отлетали и ждали неподалеку, когда более крупный воробей насытится и улетит.

Квартиранты

За воробышком, неосторожно поднявшимся высоко в небо, погнался ястреб. Воробышек сложил крылья, камнем упал вниз, к спасительным деревьям сада. Ястреб тоже был очень быстр. Он почти догнал воробышка. Но тот метнулся к большому гнезду сороки, которое было устроено высоко в развилке ветвей акации. Ястреб не успел схватить свою жертву. Воробышек затаился между колючих веток, свободно уложенных сороками в основание гнезда. Ястреб давно улетел, а воробышек всё сидел комочком. Сердце ещё колотилось от страха.

Воробышек увидел, что здесь довольно просторно и совершенно безопасно. Успокоившись, он решил обосноваться на «первом этаже». Вместе с подругой они построили своё маленькое гнездышко. Сороки не возражали. У новоселов всё шло хорошо. Через неделю в гнездышке появилось первое серенькое с голубыми пятнышками яичко. Одновременно в гнездышке завелись блохи. Они легко прятались от хозяев и больно кусались.

Что делать?!

Бывали случаи, когда блохи загрызали беззащитных птенчиков до смерти. Воробышки не знали, как быть: бросить гнездышко жалко, жить в нём, тем более выводить птенцов, нельзя.

А как у сорок?

Когда сороки отлучились из своего гнезда, воробей решился: юркнул на «верхний этаж». У сорок блох не было. Чистенько в гнезде, листочками полыни все устлано.

Воробышек схватил клювиком листочек полыни и слетел в своё гнездышко. Блохи моментально попрыгали вниз. Так воробышек узнал верное средство борьбы с паразитами.

В номере:

Майские праздники в КБР. <i>Фоторепортаж</i>	2
Андрей Хакуашев. Павел Максимов и Кабардино-Балкария. <i>Статья</i> . . .	10
Анфиса Фирова. Любовь. <i>Глава из повести</i>	30
Мухадин Кишев. Верните худсоветы. <i>Статья</i>	53
Залимгери Шогемов. Отважный командир. <i>Очерк</i>	63
Дети войны. <i>Краткие очерки</i>	72
Хасани. В этом году весна пришла рано... <i>Рубаи</i>	76
Арнольд Баскаев. Премия за подбитый танк. <i>Очерк</i>	78
Салих Эфендиев. Венок поэту. <i>Статья</i>	81
Мухаб Бжеников. Звучащее слово. <i>Очерк</i>	84
Мурадин Ольмезов. Изнанка тишины. <i>Пьеса</i>	92
Книжные новинки. Юрий Кос. <i>Стихи</i>	142
Анатолий Шарданов. О кавказском аспекте пространства российской толерантности. <i>Статья</i>	149
Фуад Эфендиев. «Цени живых, как день весенний мая...». <i>Статья</i> . . .	154
Ирина Богачева. По дороге в будущее. <i>Очерк</i>	158
Мухамед Березгов. <i>Стихи</i>	165
Жираслан Кагазежев. Черкесо-еврейские связи... <i>Статья</i>	167
Ольга Порозова. Зеленые яблоки. <i>Рассказ</i>	173
Светлана Кудяева. Мой ученик. <i>Очерк</i>	175
Книжные новинки. Ахмед Жаманов.	178
Книжные новинки. Людмила Шауцукова.	179
Людмила Каськова. Школа патриотов. <i>Очерк</i>	180
Заур Махошев. Верный друг и союзник. <i>Интервью</i>	181
Сафарби Шхагапсоев, Карина Шхагапсоева. Амброзия полынно- лиственная в Кабардино-Балкарии. <i>Статья</i>	185
Геннадий Комодов. Приключения воробьишки. <i>Рассказ</i>	187

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии
Жанны Кандоровой, Камала Толгурова, Каниоби Хашева*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00101 от 24.12.2014 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 28.04.17. Подписано к печати 22.05.17.

Выход в свет 05.06.17. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № 165. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-03-24,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

---

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электрон-
ной версией.*

*Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензи-
руются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей
может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут
ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не
принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском язы-
ке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-
Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превыша-
ющем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных
(ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер
контактного телефона).*
